

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№12 2018

ISSN 0130-8173

№12 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«САХАПЕЧАТЬ».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 27.12.2018 г.

Отпечатано в ОАО «Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
677000, г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
Instagram@lit_polyarka

Мнение авторов публикуемых
материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

Саргылана НОЕВА

ПОЭТИКА ЛИМИНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
(ПУТИ, ДОРОГИ) В РОМАНАХ
Николая ЯКУТСКОГО

4

Айсен ДОЙДУ

ЧАГИЛКАН, ОБГОНЯЮЩИЙ ВЕТЕР

(сценарий полнометражного
анимационного фильма)

10

Олег СИДОРОВ

Александр
СОЛЖЕНИЦЫН
как гений и пророк
русской жизни

36

Галина КАСКЕВИЧ

«ЕСЛИ ТЫ
НЕ УМЕЕШЬ ПАДАТЬ,
ЗНАЧИТ, ТОЧНО
НЕ МОЖЕШЬ ЛЕТАТЬ...»

42

Семен РУФОВ

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ

46

Василий СИВЦЕВ

Я СОЛНЦА СВЕТ,
ТЕПЛО ДАРЮ,
РОЖДАЯСЬ ЗАНОВО
В ЗАРЮ...

48

Василий ЖИРКОВ

МАЭСТРО ДЕТСКОГО BEL CANTO

50

Иван БЕТЮНСКИЙ

“ЗОВУ
СЕРДЕЦ СВОИХ
ОТЗЫВАЙТЕСЬ...”

58

Наталья ОКЕНЦИЦ

ОЗЕРО СЧАСТЬЯ

62

Лидия ТАРАСОВА

ЛЕСНЫЕ СНЫ

(миниатюры) 70

Эдуард ЯКОВЛЕВ

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВАСИЛИИ МАНЧААРЫ

74

Ольга ПАШКЕВИЧ

ПРЕДРАССУДОК

Рассказ

76

Анна ПАВЛОВА

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

80

Эрих КАСТЕН
и Михаэль ДЮРР

ИОХЕЛЬСОН И ДЖЕСУПОВСКАЯ
СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД
К ЭТНОГРАФИИ НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ РОССИИ

82

Саргылана НОЕВА,
кандидат филологических наук

ПОЭТИКА ЛИМИНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ПУТИ, ДОРОГИ) В РОМАНАХ Николая ЯКУТСКОГО

4

0-70-е годы XX века в истории якутской литературы обозначены как период, в котором возник, оформился якутский роман как особая жанровая модель. В зарождении жанра романа, развитии романного мышления как стилеобразующего начала в якутской литературе творчество Н.Г. Золотарева (Якутского) (1908-1995) занимает особое место.

Стоит отметить, что освоение пространства имеет исключительное значение в становлении личности Н.Г. Золотарева, оформлении своеобразного характера его творчества. Специфика его позиции как наблюдателя, непосредственного участника, писателя заключается в том, что он прошел через сложный процесс восприятия, осмысления других культурных миров. Постигание молодым Николаем Золотаревым ино-пространств – жизнь в Молдавии, усвоение военной профессии, пограничника – способствовало развитию его личностного потенциала.

Включение личности Н.Г. Золотарева в это пространство способствовало открытию особого мира романов «Төлкө» («Судьба»), «Илин уонна Арбаа» («Восток и запад»), «Сүтүк» («Потеря»), «Адаба», «Аран уонна таптал» («Проказа и любовь») и др.

Пространственные пределы романа пролегают в конкретном осязаемом реальном пространстве, что присуще структурной, жанровой специфике историко-революционного романа. Конкретные географические названия, такие как Вилюйск, Күүлэт, Мастаах, Чочу («Проказа и любовь»), Вилюйск, Намцы, Бодойбо («Судьба»), часто употребляемые в произведениях, являются координирующими топологическими характеристиками романного пространства.

Приемы пространственно-временной организации глубоко проникают в структуру прозаического произведения. Специфика пространственно-временного структурирования обуславливается, как уже отмечалось, жанровыми особенностями романов. Помимо этого, характер хромотопичности имеет прямую зависимость и от тематического аспекта произведения. Роль историко-революционного романа в обозначении принципиальных вех эволюции национального художественного сознания усматривается К.К. Султановым.

В поэтике романа-трилогии «Судьба» (1947) Н.Г. Золотарева-Якутского прослеживается качественно иной принцип описания пространства и времени. Как верно подметила В.Б. Окорокова, роман «Судьба» Н. Якутского явился промежуточным произведением между двумя типами романа в якутской прозе: историко-революционным и приключенческим. В связи с тематической, жанровой особенностью пространственная перспектива романа расширяется: авторское внимание обращено на стремительный разворот судеб главных героев, батрака Федора Владимировича и его жены Майи, дочери улусного головы князца Семена Харатаева. Романский фон отличается развернутостью, масштабностью пространства и времени: сюжетная линия героев проходит через революцию, события на Лене 1912 г., гражданскую войну, годы

работы на золотых приисках в Бодайбо. Стремление автора к масштабности охвата жизни героев обуславливает развертывание романа по острой событийной схеме, ритм повествования ускорен. У героев наблюдается сильное противление времени: годам войн, насилия, патриархальной эпохе, устоявшимся пережиткам тойонатского гнета.

Время произведения, как категория жанрообразующая, принимает черты авантюрного времени, исходя из типа романа. Прошлое время в романном тексте получает собственное существование, обретает внутреннее развитие, и «создает такую иллюзию реального развития времени, что это прошлое оказывается как бы настоящим – настоящим увлеченного им и перенесенного в него читателя»¹. Писатель актуализирует в тексте романа историческое предание о красавице Суосальдыа Толбонноох. Данный нарратив, подчеркивающий редкий доминантный характер, неподчинение женщины законам общества, поддерживает идейный алгоритм характера Маайи. История Суосальдыа Толбонноох в какой-то мере является протосюжетом основной сюжетной конструкции — судьбы Маайи Каратаевой, однако в противоположном сюжетном варианте, жизнеутверждающей.

По типологической особенности приключенческого жанра в романе наблюдается быстрый бег времени, используются элементы неожиданной развязки событий. Автором сознательно упускаются некоторые отрезки фактического времени. К примеру,

- «Аркадий Романович Эховы Харатаайап кулуба дьиэтиттэн үүрүөбүттэн ыла сэттэ сүл ааһар» (Прошло семь лет, как голова Каратаев отказал Аркадию Романовичу Эхову от своего дома);

- «Маайа сүппүт маннайгы күнэ ааһар» (Прошел первый день как пропала Маайа);

- «Сүөкүлэ Маайа үөрүнэн мэнэрийбитэ аһыйах хонук ааһыта» (Как Фекла начала заговариваться духом Маайи, прошло несколько дней);

- «Маайа сүтүөбүттэн ыла иккис кыһына

¹ Лихачев. С.128.

ааһан үһүс сайыныгар тийбитэ» (Наступило третье лето после двух зим, как пропала Маайа).

Иногда автор обращается к таким присказкам:

- «Суол төһө да үһүнүн иһин, киһи сорук оностон баран иһэр сирэ кэлэр үгэстээх. Сылгыһыт Сүөдэр киэһэлик собус Орто Бүлүү кулубата Харатаайап киэн тэлгэхэтигэр кэлэн кирэр» (Как ни долга была дорога, до пункта назначения путник рано или поздно добирается. К вечеру табунщик Федор вошел в просторную усадьбу средневилюйского головы Каратаева);

- «күн-дьыл хаамыытын туох тохтотуо баарай, кэлэр кэмигэр кэлэн иһэр» (ничто не может остановить ход времени, то, что должно наступить, в свое время всегда приходит);

- «Күннэр, нэдиэлэлэр, ыйдар, илим хотоһоһо ойбонтон тахсарын курдук, утуу-субуу кэлэн ааһан истилэр» (дни, недели, месяцы текут, словно рядья вытаскиваемой из проруби рыболовной сети).

- «Ити курдук, күннэр, нэдиэлэлэр, ыйдар уонна дьыллар солбуйсан ааһан испиттэрэ» (таким образом, дни, недели, месяцы и годы теки, заменяя друг друга);

- «Кини хас да хонук устата айаннаан, Орто Бүлүү улууһун булар» (он в пути в несколько ночевок, достиг Средневилюйского улуса).

Такие высказывания используются для того, чтобы навестать стремительный временной ход.

В поэтике романов Николая Якутского феномен взаимосвязи художественного времени с сюжетом произведения раскрывается наиболее ярко, с этим аспектом связана высокая эмоционально-ценностная интенсивность сюжета произведения. Значение времени как поэтико-стилевой категории расширяется, и обретает особое смысловое философское содержание. О времени, периоде жизни человека автор делает такие умозаключения: «Ол эрэри олох хаһан да биир сиргэ тэпсэнни турбат» (И все же жизнь не стоит, не топчется на одном месте), «Киһи олоһо мэлдьи үчүгэй дуу, куһаҕан дуу буолбат» (Жизнь у человека не может быть раз и навсегда счастливой или обездоленной).

Следует подчеркнуть, что календарный хронотоп имеет особое сюжетообразующее значение в поэтике романа, который логически подразделен на три части «Харана түүн» («Темная ночь»), «Халлаан сырдыыта» («Рассвет»), «Күн тахсыыта» («Восход солнца»). Календарная хронология, раскрывающая отчасти упорядоченность якутского быта, придает тексту повествования особую организованность, ритмический характер.

Как показывает материал, помимо лексических понятий времени (год, сезоны года, месяц) якут в определении времени координируется природно-экологическими (солнце, звезды, луна), также бытовыми ориентирами (юрта, нагул, случка, прием молодняка, дойка коров, сенокос, праздники), что, в общем, является национальной спецификой выражения времени.

Также календарный характер течения времени особенно ощутим при чередовании сюжетов, то есть тогда, когда новому календарному времени соответствует развертывание нового сюжета. «Мутукча тыллыыта, ньургунун сибэкилэниитэ, сааскы Ньюкулун күн Дьаакыбылап кулуба бурдугун ыһыытын сабалаата» (При распускании лиственничной хвои, появлении подснежников, в день весеннего Николы голова Яковлев начал посев зерновых), «Аҕыйах хонон баран Бөтүрүөп таһара кэлэр» (Через несколько дней наступает Петров день), «Туманнаах тымныылаах кыһын Охоһоһойоп таһараҕа тийэн аһаар муоһа тостон» (У туманной студеной зимы в Афанасьев день отломился один из рогов). Данный календарный комплекс, функционирующий в романах, раскрывает этиологию, специфику якутского восприятия мира, базирующуюся на циклическом считывании времени. Показательно в данном аспекте то, что в романах, в которых повествуется якутский быт, писателями часто используются описания календарного времени.

В связи с этим как важнейший компонент художественного хронотопа романов представлен архетип дороги, промежуточного (пограничного) пространства. Как отмечает по этому поводу М.М. Бахтин, «Дорога особенно выгодна

для изображения события, управляемого случайностью (но и не только для такого). Отсюда понятна важная сюжетная роль дороги в истории романа². Герои романов преодолевают расстояния в разных обстоятельствах: это похищения, бегство, преследования, поиски, пленения, секретные командировки, ночные поездки и т.д. «Суол, синньигэс сити курдук, хара күөх лабаалаах харыйа мас былаастаах тиит ойуурдары быһан, ыарбалаах, талахтаах от үрэхтэри батыһан, бадарааннаах, база батаһа от бүрүйэ үүммүт маардарын туораан, кыарабас, киэн алаастары кыйан, киһи унуохтаах тумулларты кэтэхтэринэн-анньаларынан ааһыталаан, эргэ өтөхтөрү таарыйан, быстыбакка, бардар баран истэ» (Дорога, словно тонкая волосаяная веревка, вьется через лиственничные леса, смешанные с темными елями, сквозь густые кустистые заросли травянистых речек, заросшие болотными цветками мари, вдоль широких и узких аласов, огибаая холмы с могилами, мимо заброшенных юрт; «Суол, Маайа төрөөбүт Төгүрүк алааһыттан улам ыраатан, хотугулуу-илин түһэн барда» (Дорога, все удаляясь от Тегюрюк, родного аласа Маайи, потянувшись на северо-восток); «Кинилэр иннилэригэр суол эмиэ, быстыбат ситим буолан, уулаах маардары кыйа, бадарааннаах от үрэхтэри туораан, бүттэр бүппэккэ баран иһэр» (Перед ними дорога снова нескончаемой нитью тянется вдоль болотистых марей, травянистых речек), «мантан суоллара туруук хайаны өрө дабайан тахсар» (отсюда дорога идет в гору круто вверх), «суоллара, кутуйах хороонун курдук кыарабас аппанан үөһэ ыттар» (дорога взбирается вверх по узкому, словно мышинная тропка, оврагу).

Дорога обретает черты живущей своей жизнью, независимой субстанции, которая увлекает за собой героев в новое, неизведанное им пространство и превращается в метафору дороги жизни:

В романе отмечается динамика, свойственная действиям героев: пространственные перемещения главных героев из Вилюя в Намцы,

² Бахтин М.М. вопросы литературы и эстетики. Формы времени и хронотопа.

оттуда в Бодойбо кажутся читателю легкоусвояемыми, автор сознательно пропускает описание пути героев, избегает детального изображения внешнего вида, природы в тексте романа. Данный способ повествования придает тексту своеобразный динамичный характер. Вместе с тем сюжетная канва произведения предстает загроможденной событиями (в первой части романа героями осваиваются достаточно большие территории, такие как Вилюйский, Намский улусы, Бодайбинские прииски), что также является основной характеристикой романного хронотопа.

Хронотоп расстояния, связанное с лиминальным пространством дороги, пути, рассматривается нами в прямой аналогии с самореализацией героя. Преодоление пути романном героем (Федор, Майя, Сэмэнчик, Кэрэ Кэтэринэ, Тырынкаев, Кэт Марсден и др.) идентично внутреннему толчку индивида, равноценно его духовному обновлению, утверждению жизненных принципов и является основной характеристикой героя нового времени, который взбунтовался против старого времени.

Стоит отметить, что частая амплитуда времени, параллельные временные ряды, параллельное развертывание событий обусловлены, прежде всего, тематической, жанровой спецификой историко-революционного романа, ставящего своей целью раскрытие противостояния старого и нового времен.

Постижение пространства героем, характеризующее раскрытие его сознания на новом уровне, продолжается на всем протяжении романа и является показателем духовного роста человека.

Отметим чувство боязни пространства у Майи, в отношении образа которой на первом этапе развития сюжета проводится параллель с трагической судьбой якутской красавицы Суосалджийи Толбонноох. «Майя, которая не была рассказ подружки Феклы про незавидную судьбу сунтарской Суосалджийи Толбонноох, залиvisto смеется: “Хорошо, что не сунтарцы”», – такова реакция у девушки, которая с опасением ожидает приезда очередных сватов [6, с. 102]. В обозначении ею «сунтарских» гостей от-

мечается противопоставление бинарной пары «своих-чужих», где чужой всегда имеет ролевые функции далекого, опасного, странного субъекта.

Любопытно отношение к пространству, выявляемое в разговоре Федора, который при знакомстве с головой Каратаевым представляется сыном купца. Освоение широкого пространства воспринимается в качестве индикатора высокого статуса героя. «Отец мой давал когда-то большие деньги в долг вилюйским купцам Расторгуеву, Корякину, Кондакову, поэтому приехал к ним... Потом мой путь лежит через Ламу, Оймякон, Охотские земли. Заеду в Ньелкан, Аян, тоже соберу долги», – эти слова, аргументирующие о географическом диапазоне пути Федора, а значит, и становящиеся маркером широты его материально-духовного потенциала, больших возможностей, привлекли особый интерес и вызвали уважение его собеседников.

Как важнейший компонент художественного пространства романа «Пути» (1982) архетип дороги имеет структурообразующую роль в романном тексте: участвуя в сложном построении сюжета, в формировании лейтмотивных линий, способствующих расширению художественного пространства. Пространственный ареал главного героя романа Егора Тырынкаева значительно расширен: его путешествие в Москву, Санкт-Петербург в резиденцию Николая II, Париж на всемирную выставку является основным фоном при воссоздании его психологического портрета. Подобная широта ракурса повествования наблюдается также в романе «Проказа и любовь» (2001), где в художественную ткань включено описание Москвы, образов царицы Марии Федоровны, князя Голицына.

Купец Тырынкаев – человек, сильно терзаемый душевной болью: он некогда совершил грех – не выполнил волю умирающего человека и присвоил его золото. Символическую нагрузку несет название романа, который идет лейтмотивом на протяжении всего произведения: в переводе с якутского «адага» (пути) означает колодку, конский или олений башмак для предупреждения бегства; колоду, в которую

забивают ноги узников. «Пути» имеют концептуальное значение в раскрытии идеи романа: душевные переживания сильно ограничивают духовный рост, эволюцию героя. Модификация пространственного ареала, пространственное расширение (от глухого налета до Москвы, Парижа) создает яркий контраст между неограниченной внешней свободой купца, с одной стороны, и ограниченностью, внутренней несвободой кающегося грешника – с другой.

Исследователь Д. Н. Замятин отмечает, что концепт путешествия есть классически географический (и уникальный) образ, в котором, в отличие от других образов, есть механизмы осмысления пространства, есть свой «двигатель». Человек, создавший центр в пределах своего ментального поля, становится осью вселенной, сконцентрировав вокруг себя весь окружающий мир, спектральные координаты некогда неосвоенного никем, пустого, хаотичного пространства.

Интересно отношение к времени и в романе «Аран уонна таптал» («Проказа и любовь», 2001). Художественное время охватывает период от 1891 до 1898 гг. В качестве наглядно-образительного метода описания автором используется такая мера хронотопа, как час, день, неделя, календарные праздники, времена года, годы. Сюжетное время романа то убыстряется, то замедляется. Ускорение темпа времени наблюдается в случае стяжения автором сюжетных событий: «Саҥа дьыл, ол кэнниттэн сэттэ хонон баран Кириһиэнньэ ааспыттааҕа» (Новый год, затем через семь суток прошло Крещение), «Кыһын ортото ааһар» (Проходит середина зимы), используются также авторские разъяснения «Күн-дьыл биир кэм турбат, оттон сайынны кэмнээби күн ааһара бэрт түргэн» (Время не стоит на одном месте, летнее же время проходит еще быстрее).

Стоит обратить внимание на то, что имеется несколько форм времени, которые развиваются в различных темпах. Параллельные сюжетные линии героев Кэрэ Кэтириины, Молооһой Уйбаан, Кэт Марсден, представленные как разновременные пласты в произведении, имеют

различные временные темпоритмы. К примеру, детальная хронология времени (хроникальность, авторский акцент на дату) пребывания в Якутии мисс Кэт Марсден, характеризует особую роль ее миссионерской деятельности, параллели с описанием странствия святого, помазанника указывает на особый статус данного персонажа в романном пространстве. Вообще, онтологический смысл понятия пространства наиболее полно раскрывается по отношению к Кэт Марсден, ее образ есть выражение мотива странничества.

При описании жизни больницы-лепрозория, где проводит дни в заточении Молодой Уйбаан, автор намеренно замедляет время действия, которое наделяется такими свойствами – медленного, тихого, бесконечного, скучного, унылого, тяжкого бремени.

Показательно что, при чтении текста срывается закон обратного восприятия: возникает многоассоциативный ряд. Узость (пространства, взгляда) – ограниченность – неволя – широта (чувств, пространства) – внутренняя свобода. Так, закрытая реалья, представленная топологическим пространством нахождения героев Кэтэриинэ и Уйбаан, олицетворяет широту чувств, души, взглядов романых героев. Заключение главных героев в закрытое пространство лепрозория выражает отрицание ими традиционных, старых понятий и утверждение новых ценностей, раскрывающих всю полноту человеческих чувств.

Любопытно использование разных временных моделей, это описание времени долгого, мучительного ожидания, которое можно рассмотреть в качестве мотива, наиболее объемлюще раскрывающего переживания, взаимоотношения героев («Күн халлаан оройугар тахан, тоһоһонон саайыллыбыт курдук биир сиргэ турарга дылыта» – Солнце, взобравшись на вершину неба, стояло на одном месте, словно прибитое гвоздем). В данном случае стоит отметить, что отрывки лирического характера, наполненные романтизмом, располагают медленно текущим временным арсеналом, чем текст авантюрного, приключенческого типа.

Если мы обратимся к образу автора, то увидим, что он выполняет функцию координатора времени и интерпретатора всего идейно-смыслового содержания романа.

Характер связи между пространством и человеком обретает своеобразный дополнительный смысл. Постижение пространства героем, характеризующее раскрытие его сознания на новом уровне, продолжается на всем протяжении романов Н.Г. Якутского и является показателем духовного роста человека.

Историзм и глубокий национальный характер мировосприятия подчиняет себе все объекты романов Н.Г. Якутского, который сумел ощутить изменения времени и пространства, испытать динамичность, бешеный ритм своей эпохи. Авторское понимание времени раскрывается в тесной связи с историческим временем, основной характеристикой которого является открытость ко всему новому, новым горизонтам, новому качеству сознания.

Айсен ДОЙДУ

ЧАГИЛКАН, ОБГОНЯЮЩИЙ ВЕТЕР

(сценарий полнометражного анимационного фильма)

Виды прекрасной природы Верхоянья: стремительные, бурные реки, которые перескакивая через пороги, текут дальше, омывая берега, заросшие пустым хвойным лесом, чистые хрустально-прозрачные озера, где плавают юркие рыбки, стоят высокие, покрытые снегом, горы, упирающиеся вершинами до облаков... Бегут, перепрыгивая через валежник тонконогие олени, медведь бредёт, тяжело переваливаясь, вдоль реки, горные бараны-чубуку скачут по острым камням хребтов, бежит через кусты красной смородины лось с огромными ветвистыми рогами...

На этом живописном фоне идут титры фильма: название, фамилии художников, актёров, режиссёра, и т.д.

По песчаному берегу реки идут, разговаривая, двое: Владислав Чуев, фотограф из Москвы, и корреспондент детского журнала «Чуораанчык» Кюнней Далбарова.

– Университет, Ленинские горы! – улыбается Кюнней. – Как быстро пролетели годы учёбы... Где наши ребята теперь?..

– Большинство разъехались, – отвечает Слава, глядя на свою черноглазую подругу. – Один даже, Женька Фальк, в Америке, работает в журнале «Week», а трое – в Москве. Ты знаешь их. А здесь хорошо, – оглядывает горы москвич. – Не хочется даже никуда... Прекрасно!

– Когда обратно домой? – девушка поднимает цветной камешек, разглядывает.

– Ну, это после спортивных игр в Якутске «Дети Азии», да и то... – парень нежно смотрит на подругу. – Зависит от некоторых обстоятельств.

– Каких? – загадочно улыбается Кюнней. – Скажи.

– От тебя, Кюнней, – остановился он, взял ее за руки. – Сама знаешь, не так ли?

– Ладно, посмотрим, – покраснела она. – Время покажет.

В этот «эксклюзивный» для них момент к ним, крича и размахивая шапкой, бежит мальчик. Это Чагил, внук старика Сэнкэна.

– Вот некстати, – буркнул Слава, положил фотоаппарат в футляр. – Чего это?

– Дедушка Сэнкэн потерял вас, – подбежал к ним Чагил. – Ужин давно готов. Ждёт!

Вечер. У крытого шкурами оленей жилища тордоха ярко горит костёр, возле которого ужинают, пьют из кружек чай четверо. Старик вынимает из большого котла кусок оленины, кладёт в общую миску в центре стола сколоченного из досок, режет мясо острым якутским ножом.

– Ешьте, гости дорогие, – говорит он. – Если мало, то ещё сварим... Мяса много!

– Спасибо, Сэнкэн, – благодарит Кюнней. – Мы наелись, пожалуй, на целую неделю, хватит до Якутска. – Она засмеялась, потом сказала: – Вы лучше расскажите нам какую-нибудь северную сказку. Пожалуйста! Я запишу это и напечатаю в журнале «Чуораанчык».

– Это детский журнал такой, – пояснил Слава. – Где Кюнней работает. Знаете?

– Я знаю, – кивнул Чагил. Он проглотил вкусный кусок оленины, сказал: – Там сказки разные ... Рассказы. Читал!

– Вот-вот, – улыбнулся Слава. – Ждём вас, слушаем.

Дед Сэнкэн подбросил в костёр дрова, ярко вспыхнуло пламя, освещая всё вокруг до верхушек ближних лиственниц красноватым светом. Он сел на место и начал сказку о страшном Корэндо и хосуне Уняны, которую слышал давно от своей бабушки здесь, в этих местах.

На экране эвенкийский праздник Бакалдын, где собрались все сородичи. Они поют и темпераментно танцуют сэдэ, подпрыгивая, забывшись в экстазе. Всем хорошо, радостно на празднике лета.

– Не веселилась лишь старуха Чомо, которой было больше ста лет, ибо она чуяла, что случится что-то ужасное, непоправимое. Она просила всех остановиться, прекратить веселье в поздний, ночной час. Однако никто не внял её предупреждению, её словам. Веселье продолжалось. И вдруг в небе раздался страшный шум: свист и вопль.

Это прилетел, размахивая железными крыльями, ужасное чудище Корэндо. Оно стало глотать людей одного за другим – всех проглотил кроме старухи Чомо, которая успела спрятаться под большим железным котлом, в котором варили мясо. Чудище улетело.

Старик замолчал, отхлёбывая густой, горячий час из кружки. Все с интересом слушали сказку, особенно внук Чагил.

– А дальше?.. – спросила Кюнней. – Я записываю.

– А дальше было так, – произнёс Сэнкэн, допивая чай. – Пошла старуха Чомо на берег реки и увидела там стаю гусей, которые увидев её, улетели, крича «га-га-га» прочь.

После них на песке остались их помёты в виде палочек. Она собрала их, понесла домой, положила в люльку-эмкэ и начала, нагревая, качать, будто там ребёнок. Качала-качала – вдруг из люльки раздался слабый голос, будто заплакал ребёнок. Заглянула Чомо туда и увидела ребёнка-мальчика. Обрадовалась старуха и стала кормить, воспитывать его, дала ему имя – Уняны. И стал мальчик у неё быстро расти, мир познавать. Старуха рассказала ему, что однажды всех его сородичей проглотило чудище Корэндо с железными крыльями, и мальчик сильно огорчился.

Он вырос большим и сильным, стал приносить Чомо – матери своей – разных зверей: лисицу, рысь, волка, медведя и даже огромного лося с крепкими рогами, – спрашивал, не этот ли зверь проглотил их сородичей.

– Нет, – ответила старуха Чомо. – У чудища Корэндо были большие железные крылья, и оно летало высоко, выше облаков.

– А я сделаю крылья ещё больше, и полечу выше его, – ответил Уняны и пошёл ковать себе крылья из железа, выплавляя из руды. Так пластина за пластиной и получились у него большие крылья. Он полетел. Потом спустился вниз и спросил у старухи:

– Так ли летало чудище Корэндо?

– Нет, – ответила Чомо. – Гораздо выше и быстрее.

Три раза ковал Уняны и три раза летал он в небе, спрашивая Чомо. За это время он ещё больше вырос, стал настоящим сильным хосунум. На третий раз, посмотрев на его полёт, старуха сказала:

– Похоже, это так. Но чудище Корэндо могучее и страшное. Победишь ли ты его, не знаю.

Старуха Чомо показала хосуну¹, куда, в какую сторону улетело чудище Корэндо, и, расправив большие железные крылья, Уняны полетел. Долго летел хосун над лесами, реками и полями и, наконец, он прилетел к месту, где жила первая жена чудища по имени Скребок, спросил у неё:

– Где твой страшный муж? Я прилетел сразиться с ним, Скребок!

Засмеялась жена чудища, сказала:

– Куда тебе до могучего Корэндо... Тоже смельчак нашёлся! Ха!

Рассердился Уняны и раскидал, разломал удобное место, куда садился Корэндо, и полетел дальше.

Прилетел хосун ко второй жене чудища, но и она презрительно рассмеялась:

– Тоже мне смельчак безродный нашёлся..... Ха! Съест он тебя!

Разломал в гневе место, куда обычно приземлялось могучее чудище, и дальше полетел. Прилетел к третьей жене Корэндо, которую звали Мялка.

– Эй, Мялка, где твой безобразный муж? Я прилетел расправиться с ним... Говори!

Схватила за живот Мялка, долго хохотала, сказала:

– Дурак! Шутник ты безродный... Хочешь одолеть всемогущего Корэндо моего? Не смеши, проваливай отсюда!

¹ Хоһуун – храбрый человек.

Закричал в страшном гневе своём Уняны, разломал, развеял место, куда любил прилетать после своих подвигов чудище Корэндо, и дальше полетел. Долго летел он и, наконец, нашёл чудище, которое лежало на песке у моря, грело пузо своё огромное, ненасытное.

– Эй Корэндо! Чудище Корэндо! – я прилетел сразиться с тобой, крылья расправляй! Отомщу за своих сородичей!

Засмеялся Корэндо, хмыкнул презрительно, сказал:

– Вот даем рыбу-кита, потом пузо погрею на солнышке, потом посплю немного, проснусь – и биться будем. Недолго.

Но налетел сверху на чудище Уняны, размахивая острым батасом², крикнул:

– Не дам тебе дрыхнуть, сейчас заколю!

Рассердилось тут чудище, взлетело высоко в небо, и стали они биться. Но Уняны, более ловкий и проворный, молодой, быстро наскочивал на чудище со всех сторон, стал одолевать. Захотелось чудищу передохнуть где-то, и он полетел к жилищу своей первой жены, хотел приземлиться, но всё было там раскидано, разломано. Полетел Корэндо к месту второй жены, но и там всё оказалось разорено. Закричало чудище от досады и полетело к уютному гнёздышку своей третьей жены Мялки, но и там не нашёл, куда спуститься и передохнуть.

– Ну, ты хитрец безродный! Держись теперь... Покончу с тобой!

Полетели они обратно, поднялись высоко над морем. Всё выше и выше поднималось чудище, но крылья Уняны были новее и лучше, и сам он был меньше и легче врага. Поэтому поднялся хосун выше чудища, завис над ним и проткнул острым батасом под самым затылком Корэндо, где у него

² Батас – старинное якутское холодное оружие в виде большого ножа, насаженного на длинную рукоятку.

было самое уязвимое место. Ух! Полетело сражён-ное чудище с высоты, в море упало, захлебнулось.

Вытащил хосун Уняны чудище на берег, рас-порол его большое брюхо батасом... И вышли оттуда все сородичи парня – эвенки. Обрадова-лись люди, увидев свою родную тайгу, море и светлое солнце. Вернулись! Стали славить хосу-на Уняны.

Старик снова замолчал, наливая в кружку чай из медного чайника. Все молча смотрели на него. Темная августовская ночь, как чудище Корэндо из сказки, проглотило, погрузило в темноту реку, тайгу и высокие горы... Горел лишь костёр в ночи. И тут в наступившей тишине далеко за речкой раздался необычный пронзительный крик, чем-то похожий на свист. Все с удивлением и легким испугом прислушались.

– Что это? – подняла голову Кюнней. – Зверь какой-то?

– Нет, – произнёс Сэнкэн, ставя кружку на стол. Это не зверь, и не человек. Это чучуна.

– Чучуна? – удивленно спросил Владислав, ма-шинально потянувшись за фотоаппаратом.

– Это очень высокий, лохматый, ходящий на двух ногах, как человек... чучуна. Встречаться с ним в тайге... не советую, – произнёс старик. – Охотники иногда встречают его, но сторонятся. И правильно.

– Это... снежный человек, йети? – догадался Владислав. – Так? – он повернулся к Кюнней. – В Якутии он водится? Кто-нибудь видел?

– Иногда печатают о них в наших газетах, но я не встречала... Говорят, снежного человека заме-тили даже на сопках рядом с Якутском.

– Вот это... чудо! – обрадовался москвич. – Вот бы мне щёлкнуть его... Сенсация! А где он тут об-итает? Далеко?

– Я знаю! – вдруг вклинился Чагил. – Там, за речкой, где ольха растёт... На горе есть пещера... Он, говорят, там жил. Мне отец рассказывал.

– Да, правда, есть там одна пещера, и мы туда ходили с сыном, отцом Чагила, охотились... – спо-койно начал старик. – Но она пустая.

– Так был или... что? – просила Кюнней.

– Слушайте, – поднял руку Сэнкэн. – Как рас-сказывали наши старики, в начале прошлого века

недалеко отсюда, в Баракиле, жила семья одного охотника... Вот имя его забыл, – махнул Сэнкэн ру-кой, потом продолжил: – И была у них дочь-краса-вица, высокая, длиннокосяя.

Далее рассказ старика мы виден на экране:

Крадётся меж зелёнохвойных лиственниц ка-кое-то высокое, лохматое существо, высматрива-ет, что творится около жилища-тордоха людей. А там, напевая весело песню, возится у костра, гото-вит еду в котелке красивая девушка.

Ближе подкрался чучуна, потом резко кинулся к девушке, схватил, забросил её на плечо, побе-жал в лес. На крик дочери из тордоха выбежали отец с матерью. Охотник схватил висевшее на вет-ке дерева свой лук, пустил стрелу вслед лохмато-му существу, но не попал.

– Чучуна! – крикнула мать. – Дочку украл!

Муж взял колчан со стрелами, побежал за во-ром-чудищем. Перейдя речку с кричащей от стра-ха девушкой на спине, чучуна быстро поднялся на гору, исчез. Искал охотник-отец свою дочь в горах, но не нашёл, вернулся к тордоху, к жене. Потом они долго горевали, потом переехали с этих мест на другое, далеко.

И вот чучуна принёс девушку в свою пещеру, сделал ей мягкую постель из веток и травы, ло-вил для неё зверей и рыб для еды. Потом чучуна украл огонь из костра охотников, развёл в пещере костёр, в пламени которого девушка коптила мясо и рыбу, грелась зимой от холодов. Так они прожи-ли вместе несколько лет, и появились у них дети: мальчик и девочка, похожие ростом и внешне-стью больше на отца-чучуну. Но в отличие от лох-матого отца, который ловко кидал в зверей и птиц камни и попадал, они стреляли как люди, из само-дельных луков, и довольно успешно. Дальнейшая судьба этих существ и украденной девушки неиз-вестна. Говорят, состарившись, она потом верну-лась к людям, но забыла язык и привычки людей, ночевала зимой на улице и в тордох не заходила. Вот и всё.

Старик закончил свой рассказ о чучуне, и тут за рекой, но уже чуть ближе, снова послышался про-

нзительный свист. На этот раз все у костра не на шутку испугались, прижались друг к другу.

– Ладно, пора спать, – сказал старик. – Забирайтесь в тордох. А я ещё посижу у костра. Идите!

Солнечное утро следующего дня. Завтракая у костра, Слава и Кюнней решили пойти к горе, где по преданию жил в пещере чучуна. Чагил тоже решил пойти вместе с ними туда и взял с собой мелкокалиберную винтовку -ТОЗовку с патронами.

Слава хорошо накачал большую резиновую лодку, которую они привезли сюда из Якутска, погрузил туда необходимые в походе вещи: три рюкзака с продуктами, спальный мешок Кюнней, одно большое верблюжье одеяло, две подстилки из оленьих шкур, два куска целлофана, спиннинг для ловли рыбы и т.д. Палатку решили оставить, ибо от дождя можно накрыться большим куском целлофана.

– А примус где? – улыбаясь, пошутил Слава. – Ты взяла?

– А самовара тебе не надо? – в тон ответила девушка. – Думаешь, что я в походах не бывала? Тайгу не знаю?

– Ладно, извини, – засмеялся парень. – Это я так... для настроения.

– Для настроения ты, друг любезный, лучше бечёвку проверь... Лодку, гружённую, вверх по течению будем тащить. Пороги!

– Какие ещё пороги?.. Я ещё тебя, милая, поверх вещей посажу, как королеву. Смотри, какая силища у меня! – Слава согнул в локтях правую руку, поиграл мышцами.

– Видала? Качался для приключений в Якутии, в байдарках покувыркался... Силён!

– Тоже мне Илья Муромец! – засмеялась Кюнней. – Ты топор, дорогой, забыл... Хвастунишка!

– И то правда, – поморщился Слава, посмотрел на Чагила. – Ну-ка, пострел, сбегай наверх... Там ещё старые газеты возьми, для огня. Ну!

Старик Сэнкэн в это время с лодки проверял сети, доставал пойманную рыбу. По просьбе гостей он перевёз их на другой берег, сказал, чтобы, долго не бродили. Они не сказали ему, куда идут, ибо он, точно, не отпустил бы их.

Прощавшись с Сэнкэном, молодые люди пошли по каменистому берегу в сторону высоких гор. Слава тащил на бечёвке гружёную лодку, а Чагил длинным шестом подпирал её сбоку, чтоб не прибило к берегу.

Вот и первый привал, отдых. Они поели бутерброды с колбасой, плотно поесть решили вечером у костра.

– Дай-ка, Чагил, ружьишко своё, – сказал Слава. – Стреляет?

– Хорошо стреляет, – кивнул Чагил. – Попробуй.

Москвич вогнал в ствол патрон, прицелился в сухую ветку стоящей наверху лиственницы, выстрелил. Мимо. Ещё один выстрел – мимо.

– Не так, – взял у Славы тозовку мальчик. – Надо смотреть чуть ниже... Наверх стреляешь.

Он ловко вскинул ружье, выстрелил. Сучок дерева обломился, полетел вниз. Потом мальчик прицелился в камень, торчащий из воды на противоположном берегу, нажал на курок. Пух! Верхушка камня от пули, отколовшись, полетела в сторону.

– Вот так надо стрелять! – произнесла Кюнней, хлопнула Славу по спине. – Эх, ты, богатырь... Стрелок!

– Ладно, ладно... – буркнул москвич. – Научимся. Не всё сразу. Не так ли? – посмотрел он на Чагила.

– Так, – улыбнулся мальчик. – Научим.

– Ну, чего мы тут разлеглись... – поднялась Кюнней. – Ягод сладких поесть захотелось. Пойду, поищу.

– Хорошо, мы тоже пойдём, – встал Чагил.

Увидев заросли охты – «якутского винограда» – Кюнней с Чагилом кинулись собирать и есть эту крупную сладкую ягоду, а Слава пошёл дальше фотографировать сидящую на ветке дерева пару симпатичных белок. Заметив за мелким ручейком нечто тёмное, лохматое, москвич поспешил туда. Когда он, приготовив фотоаппарат, подходил к лиственнице, куда забралось это существо, из-за кустов ольхи неожиданно вышла медведица,

остановилась. Слава охнул, попятился от страха, потом побежал. Медведица бросилась за ним, а парень, подбежав к сухому дереву, быстро поднялся по веткам наверх. Медведица, рыча, стала трясти дерево.

Всё это видели со стороны Кюнней с Чагилом. Девушка, испугавшись за друга, вскрикнула, выронила из рук пакет с ягодами. Чагил быстро передёрнул затвор винтовки, побежал к попавшему в беду москвичу.

Медведица, рыча, всё сильнее раскачивала дерево, а медвежонок рядом с любопытством смотрел снизу на сидящего на верхней ветке человека, на груди которого что-то заманчиво блестело. Чагил бежал быстро, чтобы успеть до падения сухого дерева... Хай! И, когда дерево опасно затрещало, мальчик, вскинув ружьё, выстрелил. Чух! От резкого звука за собой, увидев ещё одного двуного, медведица отскочила, побежала к кустам ольхи... Испугалась! Медвежонок последовал за ней.

Слава бледный от стресса, прыгнул с дерева на землю, и дерево, наклонившись, разом рухнуло, ломая ветви. Ух!

– Ты спас меня, Чагил! – радуется москвич, обнимает его. – Как ты быстро прибежал... Хана бы мне. Конеч! – потом он, заметив на груди фотоаппарат, воскликнул: – Вот дурак, не щёлкнул зверя... Какой бы кадр получился бы. Супер! «Между жизнью и смертью» назвал бы я, – он засмеялся.

Тут подбежала Кюнней и, ругая друга, стала колотить его по спине кулачками:

– Вот дурак! Не видел что ли?.. Живой! Молись Богу!

Слава, смеясь, стал шутливо креститься и кланяться, потом, потом повернувшись к мальчику пафосно сказал:

– Ура спасителю! За мной, Чагил, должок. Отблагодарю! Фотоаппарат, «мыльницу» тебе подарю... Встретимся ещё.

– Нет, – вдруг тихо сказал Чагил. – Мне фотоаппарат не нужен. – Вы лучше возьмите меня с собой в Якутск, там скоро будет спортивный праздник. «Дети Азии» называется, я слышал... У нас есть

приёмник в тордохе. Там соберутся дети со всего мира: японцы, арабы, китайцы, монголы... Я тоже хочу участвовать, состязаться вместе с ними.

– Состязаться? – удивилась Кюнней. – Как это... ты – состязаться?

– Я быстро бегаю! – зажглись в глазах мальчика огоньки. – Первым приду!

– А дедушка? – спросил Слава. Его тоже с собой возьмём? Случайно он не штангист? – грубо пошутил он.

– Он меня в Якутск не отпускает, – грустно произнёс Чагил. – Но я всё равно убегу. Хочу и всё!

– Да-а... – улыбнулся Слава. – Смелый ты парень, однако. Далеко пойдёшь. – Потом, помолчав, сказал: – Ну, чего мы тут стоим? Двинулись – надо успеть до вечера. Где эта пещера?

Они спустились по склону к речке, развили костёр, расположились на отдых. Пока в котелке, висевшем над огнём, нагревалась вода, Слава со спиннингом пошёл удить рыбу; он знал, что линька можно вытащить на блесне из ямы около берега, где вода завихрялась, как бы крутилась на месте, останавливалась «передохнуть» перед дальнейшим устремлением, быстрым бегом к долине.

Москвич быстро поймал жирного линька на обед, крикнул:

– Эй, повара, берите рыбу! Я ещё наловлю... сколько надо?

– Одной пока хватит! – ответила девушка. – Рыбы в речке много... По пути наловим.

Тут к костру подошёл с ружьём Чагил. Он принёс добычу – рябчика, бросил на землю.

– Ну-у... это мы оставим на ужин, – сказала Кюнней. – Смотрю, мы тут с голоду не помрём. Всё есть!

– Есть! – подошёл к ним Слава с рыбой. – И в магазин ходить не надо... Не так ли? – Он посмотрел на Чагила.

– До ближайшего магазина отсюда двести километров, в посёлке, – усмехнулся мальчик. – Может, я сбегаю?

– Потом, потом... – засмеялась Кюнней, стала чистить ножом рыбу. – Лучшая еда – самая свежая.

– Варить даже не надо, – добавил Слава, складывая спиннинг. – Можно и так слопать!

– Можно, – произнёс Чагил и, отрезав кусок линька, с удовольствием проглотил его. – Хо!

К вечеру «счастливая тройка», как назвал компанию москвич, дотащила до развилки, где речка раздваивалась, и тут возник вопрос: куда дальше идти?

– Мы с отцом сюда не доходил, – сразу сказал Чагил. – Не знаю, как идти нам, налево, или направо.

– Вот незадача, – вздохнула Кюнней, снимая рюкзак. – А давайте на пальцах – чёт или нечёт. Если чёт, то идём направо, нечёт налево. Согласны?

– Делать нечего, – сказал Слава. – Кинем жребий.

Втроём «кинули пальцы». Получился нечёт.

– Значит, налево, – произнесла Кюнней. – Как дальше... Где привал делать будем?

– Дальше надо идти, – сказал москвич. – До полной темноты ещё два часа. Сделаем привал, заночуем.

Уже стемнело, когда друзья добрались, уставшие, до песчаной отмели, открытого места, где было меньше мошканы.

– Здесь и заночуем, – объявил Слава, возлагая на себя роль командира. – Встанем пораньше.

Москвич взял в руки топор, пошёл в лес за дровами, нарубить сухого валежника. Чагил вытаскивал вещи из резиновой лодки, кидал мешки на берег. Кюнней устало легла на траву, закрыла глаза. Тут она услышала стук копыт по земле, ближе звуки... Она открыла глаза и увидела темнолицего человека, сидящего верхом на олене.

– Доробо, – поздоровался мужчина, замолчал.

– Здравствуй! – ответила девушка, поднялась. – А вы кто?.. Мы отдыхаем тут, потом дальше пойдём. А вы откуда? Охотник?

– Нет, – соскочил человек с оленя. – Вот ищу

своих оленей из стада. Убежали. Вы не видели их по пути? Трое, одна с оленёнком.

– Нет, оленей не видели, – тут подошёл к ним Чагил с большим рюкзаком. – Ты, догор³, со стада Багардырова?

– Да, – ответил он. – Чаллаем зовут, может, слышал.

– А-а, – вдруг засмеялся мальчик. – Тот самый, кто верхом на лосе катался? Ха!

– Было такое, по пьянке, – засмеялся человек. – Темно было, прямо на него с дерева и свалился, хорошо на рога его острые не напоролся... И помчал он меня-то с испугу... Ха!

Тут подошёл Слава с сухими дровами и ветками, поздоровался с незнакомцем, потом спросил у Чагила:

– Где газета? Принёс с лодки? Костёр побыстрее разжечь... Где?

– Зачем газета, – сказал Чаллай, вытащил из-за пазухи кусок берёсты, протянул москвичу. – Этим лучше. Сразу.

Слава разжёл костёр, Кюнней стала вытаскивать из рюкзака хлеб, пачки сухого супа, консервы, колбасу, которую они привезли из города. Чаллай вдруг, закрыв глаза, стал нюхать воздух: «У-у-у».

– Что это... Нюхаешь? – посмотрела на него с удивлением девушка.

– Колбаса-а-а-а... – сказал, улыбаясь, гость. – Давно не ел. В городе только.

Кюнней увидела его старую, рванную местами одежду, женский платок на голове, худое «голодное» лицо... Стало жалко оленевода.

– Ладно, возьми колбасу себе... Бери!

– У нас рябчик есть, – вмешался Чагил. – Быстро общиплю сейчас... Ючюгей⁴.

Чаллай обрадовался, взял «городской деликатес», понюхал с наслаждением, спрятал подарок за пазуху, сказал:

³ Догор – друг (якутск.).

⁴ Ючүгэй – хорошо (якутск.).

– А вы приходите завтра к нам ... Стойбище близко, тут за поворотом речки... – Он подмигнул Чагилу. – Оленинкой вкусной угощу, на дорожку дам ещё сколько надо.

– Это можно, – улыбнулся Слава, разжигая костёр. – Оленину ещё не пробовал. А вот устрицы всякие, черепаху... едал. В Париже.

– Ты ещё, Слава, червячков дождевых попробуй, – съязвила Кюнней. – Их тут у нас полно.

– И поем! – весело ответил москвич. – Если прикажешь.

– Вот ты какой? – удивилась она. – Запомню.

Наступила тёмная августовская ночь. Догорал костёр, и они, разомлев от сытного ужина, смотрели на красные языки огня.

– Самое время послушать страшные сказки, – сказала Кюнней. – Ты, Чаллай, знаешь какую-нибудь?.. Расскажи. А я запишу.

– Знаю одну, – согласился оленевод. – Вот слушайте. Всё точно не запомнил... Как умею...

Всё то, что рассказывает Чаллай видно на экране. Образы оживают, двигаются.

– Заблудились однажды в тайге две молодые глупые девушки. Идут, идут и вдруг вышли к избушке, где из трубы дым валит... Там жил один толстый, очень жадный, старик. Он варил себе вкусный обед из большого жирного гуся, которого забил на озере. Увидев в окно двух исхудавших от голода девушек, жадный старик снял с печи кастрюлю, спрятал под лавку, забросал сверху хламом, чтоб не увидели.

Вот заходят девушки в избушку, здороваются, чуют носами – пахнет чем-то вкусным, варёным.

– Мы заблудились, – они говорят, – и голодные очень. Есть что-нибудь покушать?

– Нет, – отвечает хозяин. – Сам голодный сижу. Вот собираюсь на охоту... Добуду что-нибудь, сварю и съем.

– А чем так вкусно у тебя пахнет здесь?

– Это я вчера гуся сварил... Съел давно. А вы со мной в курун⁵ сейчас идите, там, я видел много

5 Курун – выжженный лес (якутск.).

сладкой землянике выросла – вот и поедите вдоволь. Пошли!

Пришли они в лесок этот, курун, и стали землянику сладкую собирать да кушать. А жадный старик надел на пенёк свою рваную шапку, как будто он тут находится, рядом, и тихо-тихо, прячась за деревьями ушёл, побежал в свою избушку, чтобы быстро поесть своего гуся. Убежал.

Девушки собирают ягоды и видят, что старик там за пенёком сидит – шапка его видна. Вечер настал, досыта наелись они земляники, пора идти. Подходят они к пенёку, а там только старая шапка старика, а самого нет, убежал. Заплакали сестрицы от обиды, но, что делать, надо дальше идти.

Вот идут они по лесу, видят, что на звериной тропе камень круглый, прозрачный как лёд лежит. Обрадовалась сестрица младшая, хочет поднять этот камень, взять с собой, но старая сердится, говорит:

– Не бери, дура. Брось!

Послушалась младшая не взяла этот красивый камень. Идут они дальше и видят, что лежит на пути ещё один круглый камень, но только чёрный, страшный. Тут нагнулась старшая взяла.

– Не бери, – сказала тут младшая.

– Возьму, – ответила старшая. – Как ребёнок он у меня будет.

Промолчала младшая, пошли они дальше. Идут и видят избушку, из трубы которой валит дым. Зашли они туда и видят, что в котле варится много рыбы. Но в избушке пусто, нет никого. Подождали они хозяина, но никто не пришёл. Голодные, они стали жадно есть рыбу, всю съели в котле, наелись. Смотрят, а в углу висит детская люлька-бисик. Положила туда старшая сестра свой чёрный камень, стала качать, напевая:

– Ребёночек мой чёрненький, расти, расти...

Чего сидеть в пустой избушке, девушки пошли в лес собирать ягоду-голубику. Собрали много в туесок, пришли обратно в избушку, но там опять никого нет. Пусто. А на печке в котле опять варится

много рыбы. Что за чудо! Опять, проголодавшись в лесу, они стали есть варёную рыбу в котле. Всю съели.

Тут младшая заметила на стене воткнутую стальную иголку, с напёрстком удивилась. И решила взять их, мало ли, вдруг пригодятся.

Назавтра сёстры опять пошли в лес собирать ягоду-бруснику. Собрали много, вернулись в избушку. Зашли они и видят, что их камень превратился в чёрного сидячего ребёнка. Удивились сёстры. И тут на глазах ребёнок этот поднялся, встал на ноги, пошёл, хохоча, потом побежал. Чёрный ребёнок стал расти и расти и превратился, вконец, в большого страшного человека, который, вскрикнув, сказал:

– Ну, девки, хороши вы! Теперь будем жить вместе в избушке.

– Хорошо, – сказала младшая сестра. – Мы сейчас пойдём в лес собирать ягоду на ужин.

– Идите, – ответил чёрный человек.

Они вышли и пошли в лес. Старшая пошла налево, где больше ягод, а младшая осталась.

Потом внезапно чёрный человек превратился в мальчика, потом в младенца. Увидела всё это младшая сестра в окно, испугалась, прибежала обратно к сестре и рассказала подробно, как всё было. Посоветовались они что делать, придумали план, как избавиться от этой беды.

Вернулись в избушку, видят, что камень, превратившись в ребёнка, сидит в люльке, ждёт их. Старшая сестра, набравшись храбрости, говорит чёрному ребёнку:

– Нам не нравится, что котёл пахнет ржавчиной, помыть его надо.

Ребёнок смотрит на них исподлобья, молчит. Взяли девушки котёл с рыбой, вытащили на улицу, вылили уху с рыбой. Потом стали усиленно мыть и чистить котёл песком, затем положили под солнышко сушить. Далее разожгли костёр около избушки и повесили котёл над огнём. Раскалился котёл над костром докрасна... Схватили сёстры его с двух сторон, занесли быстро в избушку и это раскалённый котёл надели на голову чёрного ребёнка.

– Абытай⁶! Горячо! – истошно завопил ребёнок-абаасы⁷, выскочил из люльки, превратился в настоящее чудовище с острыми зубами, красными глазами, длинными руками.

Выбежали сёстры на улицу, побежали что есть мочи прочь от страшного места. Бежит абаасы за ними вот-вот схватит за длинные косы. Тут вспомнила младшая сестра про иголку и, собрав все силы и дух свой, бросила её назад через плечо, крича:

– Пусть вырастет за спиной густой-прегустой игольчатый лес!

Вырос мигом за сёстрами густой, как стена, игольчатый лес. Наткнулся сходу на это абаасы, запутался, стал барахтаться, как рыба, пойманная в сети.

Девушки побежали дальше, ушли было далеко, но абаасы выпутался из зарослей игольчатого леса и побежал быстро-быстро их догонять... Он всё-таки настиг их, протянул руки когтистые, чтобы схватить, но тут младшая сестра кинула назад через плечо наперсток и крикнула:

– Напёрсток-напёрсток, превратись в непроходимый лес!

И там, где упал напёрсток, вдруг вырос высокий, толстоствольный лес. Абаасы сходу наткнулся на деревья, закричал от досады, стал ломать-крушить всё кругом, стараясь выбраться.

Побежали сёстры дальше, пока чудовище барахталось, ломало деревья, чтоб выбраться. Убежали девушки далеко, но сильный абаасы снова всё разломал, разбросал – выскочил на свободу и кинулся догонять беглянок. Наконец, он почти их догнал, руки протянул, чтобы ухватить их, но тут младшая сестра вытащила из волос своей гребешок и бросила через плечо назад с криком:

⁶ Абытай – междометие, выражающее ощущение острой боли, например, при ожоге (якутск.).

⁷ Абааһы – мифологическое, фольклорное – злой дух, злое начало; всё вредное и враждебное человеку (якутск.).

– Гребешок-гребешок, стань высокой каменной горой со множеством острых и тонких вершин!

И превратился гребешок в высокую каменную гору. Ударился абаасы об острые углы, бил, грыз, царапал когтями склоны высокой каменной горы, так и не смог одолеть препятствия. Остался. Завыл от обиды.

Побежали сёстры прочь от горы, бегут-бегут и вдруг увидели широкую реку, у которой были с сильным завихрением, с затягивающим вниз течением и очень глубоким дном. Кто туда попадал, тот, захлебнувшись, погибал.

Девушки увидели на берегу этой реки седую старуху, которую звали Сото⁸. Подошли они к ней, стоят.

– Бабушка, милая, переправь нас на тот берег, – говорит старшая сестра.

– А как вам нравится моя белая голень? – спрашивает старуха.

– О, голень твоя стройная и красивая, – отвечает младшая сестра.

– А как вам нравятся мои глаза?

– О, глаза твои яркие, светящиеся как у горноста, – отвечает младшая сестра.

Понравилась старухе ответы девушки и она вытянула одну ногу до того берега, и сказала:

– Ну, переходите.

Сёстры быстро перешли по длинной костяной ноге старухи и побежали дальше.

Тут неожиданно подбежал к берегу порезанный до крови острыми камнями, запыхавшийся от бега, чёрный абаасы. Удивилась старуха увидев его.

– Переправь-ка, старуха, меня на тот берег, – говорит ей чудище.

– А как тебе мои белые ноги? – спросила старая Сото.

– Твою сухую голень пинком обломаю! – рычит абаасы.

– Хорошо, – кивнула Сото. – А как тебе мои красивые глаза?

⁸ Сото – голень.

– Проткну когтями твои косые глаза! – отвечает чудище.

– Хорошо, – кивнула Сото, вытянув длинную ногу до того берега, сказала: – Проходи!

Побежал абаасы по ноге старухи... Тут она убрала ногу, и абаасы с криком упал в воду. Стал он барахтаться, орать что есть мочи, но водоворот затянул его вниз, и он, глотая воду, погрузился на дно навсегда – утонул.

Побежали сёстры дальше, и наткнулись на высокую, очень худую женщину с круглыми глазами, которая рубила сухие ветки для дров. Женщина перестала махать топором, посмотрела на них.

– Мы заблудились, – сказала старшая сестра. – Куда мы пришли?

Высокая женщина ничего не ответила и жестом пригласила в свой большой дом, который стоял в тени густоветвистых деревьев.

Сёстры вошли в дом, и сразу потух свет, стало темно как в горной пещере. Ни зги не видно. Они испугались и кинулись обратно к двери, выскочили... Но женщина с круглыми глазами схватила за руку старшую сестру. Вторая стала дёргать сестру, стараясь вытащить её, спасти. Но длинная женщина не отпускала, тянула к себе. Тогда младшая схватила сестру за длинную косу, потянула и... оторвала голову, потом побежала с ней прочь. Голова старшей сестры болталась за спиной бегущей и хохотала.

Увидев по пути дерево полусгоревшее от удара молнии, девушка оставила голову сестры на ветке и пошла дальше, жалея горько, что так ужасно получилось. А голова старшей сестры осталась на ветке и громко хохотала.

Девушка одна пошла по лесу дальше и пришла к кривой избушке, вошла туда. Она увидела там трёх синих девушек. Это были дочери духа-хозяина воды. Одна из них улыбнулась и сказала:

– У нас один общий муж.

Удивилась девушка, и тут в избушку вошёл крупный мужчина и сказал жёнам:

– Что расселись? Где ваша одежда? Принесите сюда.

И пошли голубые девушки к большому озеру за одеждой из тины. Пошли обратно к избушке с кучками зелёной тины. Остановились, решили отдохнуть. Уже вечерело, солнце садилось за вершины деревьев.

– Пойду посмотрю дорогу, – сказала наша девушка, пошла.

Она вышла к большой поляне, где посередине стоял высокий железный дом, скрипел железными ставнями и дверью. Испугалась она, но решила зайти.

Вот зашла она в этот железный дом и, к удивлению и радости своей, увидела сидевшую на лавке свою старшую сестру – целой и невредимой.

– Как это ты здесь оказалась? – спросила она. – В таком красивом железном доме живёшь.

– Помнишь, ты голову мою оставила на ветке дерева, в которую ударил и сжёг Чагылган-молния. Он пожалел и женился на мне, оживил. И теперь Чагылган мой муж. Но ты, сестрёнка, берегись, он убьёт и съест тебя.

Тут раздался гром, сверкнула молния, и во дворе раздался грозный мужской голос.

– Спрячься, сестрёнка, – тихо сказала старшая. Залезай под лавку!

Девушка спряталась, и тут в дом ворвался сверкающий, как серебро на солнце, тонкий человек. Он понюхал воздух, оглядел всё кругом.

– Чем это тут пахнет? – грозно спросил он у жены. – Человек?

– Нет никого, – ответила она. – Это я у печки, готовя ужин, случайно обожгла свои волосы, вот и пахнет.

– Не ври! – сверкнул очами хозяин. – Чую!

– Потом у огня случайно сожгла подошвы своих торбас⁹.

– Опять врешь! – громко сказал Чагылган. – Поднял вверх свой железный посох, откуда вылетает огонь, сжигающий всё.

9 Торбаса – обувь на мягкой подошве.

Испугалась жена, крикнула:

– Выходи сестрёнка, или оба погибнем!

Делать нечего, девушка вышла из-под лавки, встала перед грозным Чагылганом-молнией.

– Я знаю всё, – казал хозяин, глядя на девушку. – Хочу поесть, найди мне что-нибудь съедобное, тогда оставлю в живых.

Хозяин склонил низко голову, задремал, ибо очень устал, носясь по небу и обильно посылая молнии налево и направо.

Пользуясь этим, наша девушка побежала к своим новым знакомым – дочерям духа воды. Она привела их к старому хотону¹⁰, где они и переночевали в отсеках для сена.

Проснулся ночью Чагылган, вышел во двор и почувал запах девушек в хотоне, обрадовался.

– Нашлась пища для меня! – воскликнул он и сжёг огнём всех троих – скушал.

Потом взмыл вверх, полетел на юг пускать всюду стрелы-молнии.

Вышли сёстры из железного дома Чагылган-молнии, убежали. И прибежали они к избушке большого мужчины-сахы. Обрадовался саха сёстрам, спросил:

– А где трое дочерей духа воды? Нашли они всю одежду?

– Нет, – сказала младшая сестра. – Их съел Чагылган-молния. – А мы убежали от него.

– Вот и хорошо, – сказал мужчина. – Вместо них, холодных и мокрых, я беру в жёны вас обоих – тёплых и разумных. Согласны?

Видят девушки, что этот саха-мужчина крупный, красивый и работающий, и, выхода нет, согласились. Им некуда идти, ибо заблудились и могли попасть опять к страшным чудищам и абаасы.

Так и стали они жить. Построили дом, нарожали детей.... Долго жили, не горевали. Вот и вся сказка.

10 Хотон – коровник.

Наутро оленевод Чаллай поднялся рано, разжёг костёр, заварил чай, приготовил всем завтрак. Первым проснулся Слава, поднялся. Стал делать зарядку. Чаллай, усмехаясь, разглядывал парня в трусах, спросил:

– Зачем приседаешь? Руки тянешь?..

– Это зарядка! – бодро ответил Слава. – Не нравятся?

– Мы, таёжники, с утра до вечера итак тело своё мнём... Нам это не подходит. Лишнее.

– Лишнее! – засмеялся москвич. – А нам городским это полезно. Гиподинамия!

Оленевод допил из кружки горячий чай, поднялся, сказал:

– Ладно, друг... Спасибо за ночлег. Приходите к нам в стадо... В гости ждём – динамиа!

– Ладно, – согласился москвич, потом вспомнив, сказал: – А главное-то забыли у тебя спросить.

– А что?

– Мы идём в горы... Ищем чучуну.

– Чучуну? – удивился Чаллай. – Зачем он вам?..

– А-а-а... Сфотографировать. На память. Есть у вас по близости такой товарищ?

– Не знаю, – почесал затылок Чаллай. – Я его не встречал. Может, про это знает наша Матта. Расскажет.

Тут проснулись от голосов мужчин Кюнней и Чагил.

– Я слышала, – поднялась девушка. – Про кого ты, догор, говоришь? Кто эта Матта?

– Это... удаганка, лечит и предсказывает всё. Бабушке сто десять лет. Очень старая.

– Сто десять?! – подскочил от удивления Слава.

– Вот это... кадр! Удача! Всё! Кушаем, доедаем и туда – к стойбищу. Подъём!

– Значит, придёте, – обрадовался оленевод. – Ючюгей. Приходите. Дорогу вчера... указал. Придёте?

– Придём, придём! – улыбнулась Кюнней, поправляя густые волосы. – Ждите.

Солнце уже поднялось высоко, и члены группы «охотников за чучунной», сытно позавтракав

рыбой, которые им любезно «прошашлычил» у пламени костра их новый друг Чаллай, стали укладывать все вещи обратно в лодку, чтобы звери лесные не растащили их. Нагруженную вещами лодку ребята привязали, удлинив бечёвку, к дереву, пустили по течению, оттолкнув от берега. По совету Чагила лодку сверху забросали, густыми ветками деревьев – так надёжнее, зверь не тронет.

Они втроём тронулись в путь по указанному оленеводом пути, рассчитывая к обеду дойти до стойбища.

За берёзовой рощей, на небольшой поляне возвышался, накрытый шкурами оленей тордох¹¹. Рядом стояла «русская» брезентовая палатка, около которой стоял самодельный походный стол, горел костёр. Аппетитно пахло варёным мясом.

Увидев гостей, Чаллай радостно закричал: «Гости наши идут! Вот хорошо!»

На крик из палатки вышли взрослые и дети. Это была семья эвенов Багардыровых, которая временно расположилась со своим стадом недалеко от речки Толокон.

– Вот мы и явились к вам, – сказала, улыбаясь, Кюнней. – Вот от нас маленькие подарки... – Она протянула Чаллаю банки сгущённого молока и вишнёвого компота. Детям отдала кулёк конфет и шоколад «Алёнка».

– Мясо готово, – сказал Чаллай. – Сегодня забрили оленя для вас... Свежее. Кушайте много!

– Спасибо, – поклонился по-джентельменски Слава. – С удовольствием.

Дети тут же бросились делить шоколадку... Вкусно! Мальчик, по таёжному обычаю, один кусок протянул Чагилу. Тот взял, чтобы не обидеть, и они стали разговаривать, завели знакомство.

Все сели за стол, полилась беседа: «Кто? Откуда? Зачем?». Слава особо не стеснялся, стал глотать куски вкусной оленины, нахваливая, что такую замечательную еду нигде не ел, даже в Париже.

Чагил, немного поев, убежал с ребятами к речке соревноваться: кто лучше стреляет из самодельных луков по целям.

Закончив трапезу, Кюнней спросила у Чаллая:

¹¹ Тордох – конусообразное жилище из ровдуги, жилище кочевых эвенов.

- А где бабушка Матта?
– Она в тордохе сидит. Отдыхает.

Слава, темпераментно жестикулируя, рассказывал оленеводам о Москве, Санкт-Петербурге, где в лучшем художественном музее в мире «Эрмитаже» работает смотрительницей его любимая тётя. Тётя Аграфена Анемподистовна. А какие там чудные картины! Рафаэль, Рембрандт, Гоген, Дали и другие гении человеческого рода! Хозяева, раскрыв рты, слушали пафосные рулады москвича.

Кюнней, взяв свой блокнот, зашла в тордох. К удивлению девушки старуха Матта не отдыхала, лёжа в постели, а, что-то тихо напевая, шила из мягкой шкурки детские рукавички. Увидев гостью, она подняла седую, белую как снег, головку, сказала:

- Ну-у... пришли. Ждала.
– День добрый! – поклонилась Кюнней. – Вот пришли...
– Садись, доченька, – ласково сказала Матта, отложила шитьё. – Как старик Сэнкэн поживает, много ли рыбы наловил?
– Хорошо, – ответила девушка. – Вы знаете его?
– А как же! – ответила старуха. – Он женился на моей племяннице Даае... А сам он эвенк из Киндигира, сюда приехал в колхоз, да так и остался. Добрый человек.
– Хороший, – согласилась Кюнней, потом осторожно спросила: – Вы, уважаемая Матта, говорят много знаете... Вот и хотели мы... если можно...
– Знаю, – загадочно улыбнулась старуха. – Вы хотите узнать про того, кого ищите... не так ли?
– Да-а... – удивилась Кюнней. – Про чучуну.
– Они жили здесь когда-то в этих местах, – сказала она. – Давно это было. Потом ушли на север, испугались чего-то.
– Значит, зря мы пришли... нету здесь чучуны, – огорчилась девушка, вздохнула. – Да-а-а...
– Не печалься, – оживилась Матта. – Один из них вернулся вроде. Здесь.
– Как?! – обрадовалась Кюнней. – Выходит, это он кричал ночью... Мы слышали.
– Слышали, значит. – Она посмотрела на молодую гостью своими очень живыми, пронзительными глазами, сказала:

– Только не туда вы завернули вчера, не той протокой пошли. Вам надо вернуться к развилке и пойти к белеющей высокой горе. Он сейчас там. Один.

– Вот как! – поверила Кюнней старушке, потом тихо сказала: – Расскажите мне, пожалуйста, о чучуне. Это правда или просто фантазия? Фактов мало, люди не верят.

– Не верят, – усмехнулась Матта. – Тем и лучше, меньше беспокойства... для него. Пусть себе живёт! Трогать его не надо.

– Но всё-таки... – умоляюще посмотрела на старушку Кюнней. – Расскажите мне про это загадочное, интересное существо.

– Расскажу, – согласилась Матта. – Слушай. Давно это было, давно, когда ещё самолёты по небу не летали и проводов всяких не было. Жил в этих краях охотник по имени Дэлгэни, наш предок. Выпал осенью снег и он пошёл на охоту. Ружья тогда не было, и взял он лук и длинный батас.

Далее рассказ старухи виден на экране.

Идёт по тайге Дэлгэни и видит на свежем снегу следы босых ног ребёнка. Удивился охотник-эвенк: «Чей это ребёнок так далеко забрёл. Заблудился? Холодно, замёрзнет он». Пошёл он по следу и увидел среди деревьев быстро идущего мальчика в лохматой меховой одежде. Он хотел крикнуть, позвать ребёнка, но в этот момент на мальчика из-за валежника напал медведь.

Увидев такую беду, закричав, Дэлгэни бросился на медведя с батасом, медведь уже подмял ребёнка под себя, но, услышав крик человека, обернулся, вскочил, поднял вверх лапы, зарычал. Мальчик, воспользовавшись моментом, встал и быстро побежал прочь.

Когда Дэлгэни приблизился, зверь бросился на него, сверкая клыками. Охотник вытянул вперёд свой батас, но зверь, нападая, ударил левой лапой, выбил из рук оружие. Дэлгэни, очень быстрый и ловкий человек, успел нырнуть под лапу медведя, высочил, не дал себя подмять. Зверь быстро поднялся на задние лапы, раскрыв широко пасть, снова ринулся. Однако, охотник сунул левую руку в рукавице в пасть медведю, устоял, близко, вплотную прижал его тело к себе, не давая ему ударить когтистой лапой. Так они топ-

тались, как борцы, некоторое время, и Дэлгэни, улучшив момент, правой рукой вытащил свой острый охотничий нож, висевший на поясе, ударил разъярённого зверя под левой подмышкой – прямо в сердце. Медведь завопил, ослаб и медленно упал на снег. Сдох.

От боли в прокусанной левой руке у Дэлгэни померкло в глазах, он застонал, пошатываясь, пошёл обратно по своему следу.

Из руки обильно текла кровь, и надо было чем-то перевязать, перетянуть в локте ремешком... Дэлгэни снял с трудом оленью дошку с себя, увидел, как кровь текла и текла, окрашивая снег в красный цвет. Снова потемнело в глазах, он сел на холодную землю, откинулся и потерял сознание.

Очнувшись охотник, открыл глаза и с удивлением увидел, что лежит в пещере на тёплой лосиной шкуре, накрытый сверху своей оленьей дошкой. Он сел, посмотрел на раненую левую руку – кровь не текла, остановилась. Чудо! Рядом на каменном полу у его головы лежал большой кусок свежего оленьего мяса и горстка мороженой брусники.

В пещере никого не было. Поел Дэлгэни мясо, утолил голод, съел всю ягоду, почувствовал прилив сил. Он подождал хозяина пещеры, посидел, потом поднялся и вышел на воздух.

Потом, надев дошку, охотник быстрым шагом направился к речке, узнал, где находится и прямоком пошёл к своему жилью. Но кто его спас, он не знал. Главное, что жив остался.

Через несколько дней к тордоху, где жил охотник Дэлгэни с отцом, стариком восьмидесяти лет, ночью кто-то приходил и оставил у входа тушу чубуку. Утром мужчины, увидев такой неожиданный подарок, весьма удивились. Около туши на белом снегу остались отпечатки ног, похожие на человеческие следы двух существ – большого и маленького.

Старик посмотрел, улыбнулся и сказал:

– Однако, это чучуна приходил со своим ребёнком. Награда за спасение сыччя¹². Тебе.

Старушка замолчала.

¹² Сыччый – ласковое обращение к ребёнку.

– Как это интересно! – обрадовалась Кюнней. – Спасибо за рассказ, за ценные советы... Туда и пойдём.

Тут в тордох вошли Слава и Чагил, поздоровались вежливо.

– Ну, вот и мужчины твои пришли, – улыбнулась Матта. – Хорошие.

– Я, к примеру, довольна, – сказала девушка, посмотрела на Славу, сказала: – Ну, вот теперь я знаю, куда нам точно идти. Бабушка Матта всё рассказала... Махтал¹³!

– Я вот смотрю на мальчика, внука старика Сэнкэна, – вдруг произнесла Матта. – Он человек не простой, добьётся своего. Духи ему благоволят.

– А мы с Кюнней? – тут спросил москвич. – Какие?

– У вас всё быстро меняется, мелькает как в кино. Надо остановиться. От вас обоих зависит, как будет жить дальше. – Она посмотрела на девушку. – Ты, милая, сама тут решишь, как и что. Он высоко и низко ходит. Надо остановиться.

– Ну, это про самолёты и... метро, – улыбнулся Слава. – Середина – это твой путь Кюнней.

– Путь, – повторила девушка. – Пора идти, время не ждёт... Ещё раз спасибо, бабушка Матта.

Они попрощались и вышли из тордох.

Правый рукав Толокона становился всё уже, течение быстрее, порогов больше. Слава тащил на бечёвке нагруженную лодку, Чагил толкал её шестом. Кюнней, хромая, тащилась позади с рюкзаком на спине. В одном месте, где было много острых камней, она споткнулась и разбила колено до крови, но встала, пошла, однако рюкзак не отдала ребятам. И вот теперь её колено распухло от ушиба, и стало невыносимо больно идти.

– Подождите, – сказала она. – Я отдохну малость. – Села на круглый камень у воды.

– Ух! – Слава вытер рукавом рубашки обильно выступивший на лбу пот. – Мы, пожалуй, далеко забрались. Может, достаточно? Здесь лагерь устроим?

– Надо здесь, – согласился Чагил. – До горы совсем близко, пешком дойдём без груза...

¹³ Махтал – благодарность.

– Лады, – сказал Слава, снимая рюкзак. – Покушаем малость – и вперёд. Без лодки.

Они выбрали хорошее место для лагеря, развели костёр, повесили котелок с водой над огнём. Горячий чай даёт силы в трудном пути, и они это знали. Тут Чагил взял своё ружьё, пошёл в тайгу.

– Эй, ты чего это? – закричал Слава. – Куда?

– Подстрелю чего-нибудь на ужин, – ответил громко мальчик и деловито пошёл дальше.

Утро следующего дня. Позавтракав, друзья без вещей решили идти дальше к горе, где, как сказала старуха Матта, и находился живой подогреватель их интереса – чучуна.

У Кюнней за ночь коленка как будто стала меньше болеть, и она тоже решила идти с «мужиками». Но, сделав несколько шагов по камням, она опять охнула, присела: ходить не могла.

– Вот катавасия! – хлопнул по пряжкам Слава. – Проблема. Ладно, ты оставайся тут в лагере, а мы пойдём с вдвоём. Я же должен сфотографировать чучуну. Кто нам поверит!

– Идите, – сказала девушка. – Я останусь, хоть покараулю наше барахло, лодку.

– Да-а, – задумался Слава, потом сказал: – Хорошо. Вечером вернёмся. Ужин приготовь. Чай свари!

– Идите, идите, – помахала рукой девушка, улыбнулась. – Слушаюсь, товарищ генерал! – Шутливо козырнула. – Ужин будет готов!

Полдень. Они вдвоём поднимаются вверх по каменистому склону горы. Надо найти пещеру, где обычно живут чучуна. Лезут. Тут Слава вдруг говорит мальчику:

– Нет, Чагил, я дальше не пойду. Так вот.

– Как... не пойдёшь? – удивился мальчик. – Устал?

– Нет, не устал, – с печалью в голосе произнёс москвич. – Вернусь в лагерь. Боюсь.

– Боишься? – не поверил Чагил. – Ты же смелый!

– Боюсь. Там же Кюнней одна осталась. Вдруг придёт чучуна... Да и звери хищные. Я должен быть с ней.

– А-а... – понял Чагил. – Хорошо, я доберусь до

пещеры, посмотрю – и обратно. Думаю, что там нет никого. Старуха Матта так сказала, просто так. Не верю я.

Слава снял с шеи фотоаппарат, чтобы отдать его мальчику, потом раздумал, сказал:

– Уронишь ещё случайно. Вещь дорогая – семьдесят тысяч стоит... Не «мыльница», – он виновато посмотрел на мальчика, сказал: – Прости, дружок... Потом. Я всё-таки вернусь... к Кюнней.

Слава стал спускаться по склону обратно, а Чагил полез дальше – туда, где росли кусты орехового стланика.

Вот добрался мальчик до места, где было относительно ровно, росла густая трава, кусты шиповника с оранжевыми плодами. Он сел передохнуть после крутого подъёма, и тут краем глаза заметил какую-то тёмную тень. Он обернулся и увидел лохматую фигуру, которая мелькнула среди деревьев. Что это? Чагил быстро вскочил, пошёл к деревьям. И тут он увидел огромного роста, лохматое существо, которое стояло за толстой лиственницей и смотрело на него. По телу мальчика пробежала дрожь, в глазах почему-то помутнело, поплыл туман... Но Чагил инстинктивно отвернулся, глубоко вздохнул и, постояв, резко повернулся. Существо побежало меж деревьев дальше, и мальчик, собрав силы, тоже побежал за ним... Это он – чучуна!

Очень высокий ростом и лохматый как медведь. Чучуна!

Чагил побежал за чучуной, стараясь не отстать... Быстрее, быстрее! Лохматое существо мелькало впереди между стволов лиственниц... Потом исчезло. Мальчик побежал дальше, стараясь найти, догнать его, но... Он остановился, почувствовав чей-то взгляд за спиной, Чагил обернулся и близко, перед собой увидел это очень высокое, похожее на обезьяну существо. Чучуна! Он быстро снял с плеча тозовку, прицелился прямо в лоб, но увидев горящий как будто, пронизывающий взгляд чучуны, Чагил остолбенел, помутилось сознание... Он упал на землю, выронил ружьё.

Ночь в последнем привале у горы. Кюнней и Слава сидят у костра, ждут с нетерпением Чагила. Где он?

– Ну, почему же ты его оставил? – с упреком сказала Кюнней. – Вместе же пошли.

– Не мог, – тихо произнёс москвич. – У меня тоже нога... Ушиб. Вот и вернулся.

– Ладно, – вздохнула девушка. – Подождём.

И уже под утро, когда поднималось солнце, вдали показалась тень идущего к потухшему костру человека. Это был Чагил.

– Чагил? – вскочила Кюнней, забыв о ноющей боли в колене. – Идёт!

От её громкого крика проснулся Слава, открыл глаза.

– Это он, – сказала ему Кюнней. – Вернулся! Вставай!

И вот они поднялись довольно высоко на гору, откуда была видна панорама всей долины, где текла их река.

– Пещера должна быть где-то здесь, – сказал Чагил. – Мы в этих местах охотились с отцом на чубуку.

– Чубуку, это что? – не понял москвич.

– Это горный баран, – сказала Кюнней. – И водится только здесь, в горах Верхоянья.

Тем временем Чагил быстро поднялся по крутому склону вверх, скрылся из виду. Слава, как всегда, щёлкал затвором фотоаппарата.

– Идите сюда! – раздался крик мальчика сверху. – Зде-е-е-сь!

Это была относительно просторная, с ровным полом и нишами, пещера, где можно лежать, дышать. Но она была абсолютна пустая, и следов пребывания людей или каких-то живых существ не было вовсе. Поиски ничего не дали, и Кюнней разочарованно произнесла:

– Ну, вот... А мы надеялись. Следов то нет!

Однако, Слава, освещая фонарём стены тёмной пещеры, заметил под самым потолком какие-

то чёрточки, линии. Он поднялся выше, на камень, стёр ладонью слой пыли, воскликнул:

– Смотрите! Знаки тут какие-то... Рисунки. – Он старательно расчистил там росписи.

Кюнней с Чагилом подошли к нему, стали смотреть:

– Да это... Это древние юкагирские письмена! – воскликнула девушка. – Мне их показывал в альбоме художник Николай Курилов, юкагир. – И, по-моему, это какое-то любовное послание... Я запомнила некоторые рисунки в том альбоме. Удивительно!

– Значит, это открытие? – обрадовался москвич. – Сенсация! – Он стал со вспышкой снимать эту находку.

– Выходит, что юкагиры тоже жили здесь когда-то, – произнесла девушка. – Да, это, действительно, был некогда большой многочисленный народ. Сейчас их осталось чуть больше тысячи человек. Время никого не жалеет.

– А чучуну не нашли, – вздохнул Чагил. – Но свист-то слышали. Прячется?

– Зато мы сделали гениальное открытие! – радовался Слава. – Не зря, выходит, пришли в пещеру... Не так ли Кюнней?

– Курилов обрадуется. Приедет сюда, – ответила, улыбнувшись, девушка. – Тебе, Чагил, спасибо. От него тоже жди награды. Так?

– В Якутск сам поеду, – упрямо посмотрел на Кюнней мальчик. – С вами!

Утро следующего дня. Над тордохом старика Сэнкэна поднялось в чистом небе яркое, улыбающееся солнце – божество древних народов Земли. Счастливо закончились приключения Кюннея и Славы в толоконской тайге.

Настал момент расставания, друзья собрались на берегу речки, где стояла приплывшая из посёлка моторная лодка, как и договорились перед приездом.

– Я тоже в Якутск поеду, – подошёл с рюкзаком, с вещами к лодке Чагил.

– Что!? – удивился Сэнкэн. – Я же сказал тебе, дурачок, что никуда ты не поедешь! Что я скажу

твоим родителям..... Один так далеко – в Якутск. Где такое видано? Нет!

Старик грубо выхватил у внука рюкзачок, отбросил его в сторону. И тут, всегда выдержанный, серьёзный Чагил, отвернувшись, горько заплакал, стал вытирать обильные слёзы рукавом куртки. Кюнней подошла к мальчику, обняла его, поцеловала в макушку, стала уговаривать:

– Не надо, Чагил. Успокойся. Ты ещё приедешь в город... Потом. Приходи в нашу редакцию... Будем рады тебе.

– Нет! – вырвался из рук её Чагил, побежал, плача, прочь по берегу.

Убежал. Все грустно смотрели ему вслед, молчали. Потом попрощавшись со стариком Сэнкэном, поблагодарив его за всё, оба сели в лодку. Взревел мотор, и лодка, развернувшись, быстро помчалась вниз по течению. Проезжая, за мысом они увидели одинокую фигуру Чагила, который стоял на берегу, отвернувшись, обидевшись на них.

– Проща-ай! – помахала рукой Кюнней. – Мы ещё приедем к вам... Чаги-и-и-ил!

Якутск. Стадион «Туймаада», где по круговой дорожке несутся бегуны. Тренировка юных спортсменов.

Слава Чуев стоит наверху, в проходе рядов трибуны, фотографирует. Ему интересно, как здесь готовятся к предстоящим играм «Дети Азии».

Люди в рабочих спецовках поднимают наверх гирлянды, панно, красочные плакаты. Москвич спускается вниз, чтобы сделать уже крупные планы. Ему издали машет рукой мальчик в спортивной форме. Это Ян, племянник Кюнней.

Тайга. Старик Сэнкэн как всегда проверяет в реке свои сети, вынимает пойманную рыбу, улыбается.

Около тордоха Чагил быстро доел из миски кашу, допил чай и, схватив рюкзачок, пошёл мимо лобазы и, что-то вспомнив, остановился. Забыл! Он вернулся, что-то написав на бумаге, оставил записку на столе. Побежал.

Вот он быстро бежит по узкой лесной тропинке... Выходит на поляну, где была лесосека.

Потом Чагил выбежал на широкую дорогу проложенную трактором, остановился, отдышался и побежал дальше.

Редакция журнала «Чуораанчык». Кюнней что-то печатает, сидит перед компьютером. Заходят Слава и Ян, здороваются со всеми.

– Принёс? – повернулась девушка к москвичу.

Слава показывает всем фотографии, которые снял в Верхоянских горах, куда ездил с Кюнней. Все с восхищением рассматривают эти красочные, отличные снимки.

– А кто это? – вдруг спросил Ян, показывая родственнице портрет мальчика с ружьём.

– А-а, это Чагил! – воскликнул Слава. – Который спас меня от медведицы. Я рассказывал тебе.

– Метко стреляет?

– Метко стреляет и быстро бегаёт, – ответил москвич. – Хороший парень!

Чагил с рюкзаком на спине бежит по лесной тропинке, которая должна вывести его к посёлку оленеводов.

Он остановился, потоптался малость, раздумывая, потом, махнув рукой, решил идти напрямик через густую чащобу.

Мальчик с трудом пробился через завалы и заросли, вышел к стремительно текущей речке и, долго не раздумывая, с рюкзаком вошёл в воду, поплыл... Намокшие в воде вещи, заметно потяжелели, мешали Чагилу плыть.

Его затянуло в водоворот, закрутило... Ударившись об камень головой он стал терять сознание, глотать холодную воду, захлёбываться... В последний миг мальчик успел каким-то чудом схватить конец нависшей над водой ветке ольхи, стал подтягиваться к берегу. Наконец, почувствовав под ногами дно, он выбрался, упал обессиленный на землю. Жив!

Широкая гладь Лены-реки, на волнистой поверхности которой отражается красный круг заходящего солнца. Недалеко от берега, бросив якорь, стоит большая самоходная баржа. На палубе видны фигурки людей, которые что-то тащат к трюму.

К берегу, к самой воде, запыхавшись, подбежал Чагил, громко закричал:

– Э-эй! Куда плывёте? Мне надо в Якутск, в город! Возьмите меня с собой!

Матросы остановились, молча посмотрели на мальчика, маленькую одинокую фигурку на огромном пустынном пространстве. Откуда? Кто это?

Спортивный зал стадиона «Туймаада». Главный тренер бегунов Тарасов делает свои замечания воспитанникам, говорит, что надо делать для победы.

– Приедут лучшие молодые стайеры Азии. Понимаете, какая ответственность лежит на вас. Мы не должны подвести Якутию, нашу Россию! – произнёс он с жаром. – Не надо расслабляться, соблюдайте диету, будьте, как бойцы, в форме. Результаты у вас, думаю, пока нормальные, но можно ещё лучше... Быстрее! – Он повернулся к Яну, сказал: – Вот Ян Сатаров – молодец. Показатели у него хорошие, если будет дальше в такой же форме, то у него хорошие шансы. Вопросы будут? – Он оглядел бегунов, потом сказал: – Ладно, пойдёмте вниз на беговую. Работаем сегодня до упора, до пяти.

– Выходит, ты Янка, у нас лучший из лучших! – толкнул в бок, тихо сказал Сеня, друг его. – Так? – он ехидно засмеялся.

Редакция журнала «Чуораанчык». Время позднее, и работники уже ушли, осталась у компьютера одна Кюнней.

В коридоре раздались чьи-то шаги, открылась дверь и в комнату вошёл... Чагил. От удивления, неожиданности такого факта Кюнней чуть не свалилась со стула.

– Как?! – воскликнула она. – Ты?.. Чагил? Не верю своим глазам! – Она ущипнула себя за руку. – Вот это... номер!

– Доробо, – поздоровался мальчик. – Вот я пришёл... Как и хотел.

Кюнней кинулась к нему, опрокинув стул, обняла его от радости.

– Молодец! Вот не ожи... А бабушка?
– Я оставил ему записку, что убегаю в Якутск. Не погнался, – засмеялся Чагил.
– Ах ты, ловкач! Убежал!

Она быстро налила неожиданному гостю чай, поставила на стол печенье и конфеты.

– Чай с дороги ... Вот печенье. Ешь!

Мальчик быстро схрумкал всё печенье – проголодался. Кюнней взяла свой мобильник и позвонила сначала Славе, потом племяннику Яну, чтобы в редакцию пришли: гость желанный издалека прибыл.

– Сейчас придут друзья, – сказала она. – А ты рассказывай, как добрался до Якутска, такие обстоятельства... На чём приехал?

– Пешком, – ответил Чагил, хватая конфетку. – Вернее, бегом. А потом по Лене на грузовой барже. За три дня добрался.

– За три дня! – всплеснула руками она. – Да ты просто герой! Это рекорд, достойный книги Гиннеса! Потом она спросила: – А приключения, опасности были? Расскажи.

– Да чуть было в речке не утонул, – ответил Чагил.

В это время, набрав в магазине всякую еду, в редакцию бежал по улице Слава, ибо, не веря сказанному, хотел поскорее увидеть маленького друга с Верхоянья. Успел всё-таки на спортивный праздник. Вот пострел!

В редакции.

– Выходит, дружок, ты чуть было не утонул в этой речке?

– Выбрался всё-таки, – сказал Чагил, махнул рукой. – Это рюкзак помешал. Там еда всякая была, рубашка... Выбросил.

В это время в комнату торопливо зашёл фотограф Слава, поставил пакет с продуктами на стул, воскликнул:

– О, маленький герой Верхоянских гор! Прие-

хал! – он обнял Чагила, сказал: – А вот тебе подарок. Я же обещал. – Он вынул из кармана куртки красивый фотоаппарат-«мыльницу». – Нравится?

– Штука хорошая, – улыбнулся мальчик, разглядывая «мыльницу». – Научишь снимать?

– Ну, это в два счёта... – подмигнул москвич. – Будешь классные снимки делать. – Он засмеялся. – Как я!

– А мы эти фотографии будем помещать, печатать в нашем журнале, – весело добавили Кюнней. – Сказку старика Сэнкэна про чудище с железными крыльями помнишь? Мы эту эвенкийскую сказку напечатать в ближайшем номере «Чуоранчика».

– Отлично! – хлопнул ладонью по столу Слава. – Хорошая сказка. Страшная! – он засмеялся. – А ты ещё знаешь, Чагил, другую, повеселее?

– Мне мама много рассказывала. Вот, например, есть одна, которая больше других нравится.

– Подожди, – вдруг сказала Кюнней. – Я тебе тоже кое-что подарю.

Она достала с полки тоненькую книжку, и протянула мальчику.

– Это книжка моих первых стихов, называется «Слова из воды, земли и облаков». Она о людях и природе.

– Ну-ка, ну-ка, дай посмотрю, – тут вклинулся Слава, открыл страницу, стал читать:

Четыре лапы, хвост кольцом,
И ушки острые торчком...
Сегодня нет тебя со мной,
Всегда мне близкий и родной...
В дверях ты ласково встречал меня,
Лизал мне щёки, лапами обняв...
Был лучшим самым из знакомых,
Живущих в городе двуногих.
Где дружбу мне найти такую,
Такую верность и любовь?
Но нет тебя, и я тоскую,
К тебе я возвращаюсь
В мыслях вновь...
Мой друг лохматый,
Славное создание,
Ты чудный представитель мироздания,
Как образец своей породы,
Живое воплощение природы!

– Да-а-а... – вздохнул Слава. – С чувством написано. – Он посмотрел на Кюнней, спросил: – У тебя была собака?

– Была... Тузик. Погибла, попала под машину. Ну, хватит об этом. – Она посмотрела на Чагила, сказала: – Расскажи свою сказку, и мы обязательно, напечатаем её в нашем журнале.

– И гонорар получишь. Ха! – рассмеялся москвич. – Приятное с полезным!

– Ну, тогда слушайте, – начал Чагил.

Вот стоит маленький мальчик в лесу, собирает в туюсок ягоду-голубику. Тут подбегает к нему рогатый олень и говорит:

– Видишь, как я быстро бегаю! У меня четыре ноги, а у человека только две. Мы, олени, в тайге самые быстрые.

– Ну и что? – пожал плечами мальчик. – Мы люди, всё равно умнее и быстрее всех. Я обгону тебя в беге.

– Хвастунишка ты! – засмеялся олень. – Никогда ты меня не обгонишь!

– Хорошо, – сказал мальчик. – Давай побежим наперегонки вокруг этой горы. Кто первым окажется здесь, где стоим, тот и победитель.

– Давай! – согласился олень, приготовился. – Раз! Два! Три!

В последний момент мальчик вскочил на оленя, схватился крепко за его рога. Помчался олень из-за всех сил и в пылу азарта не заметил лёгкого седока. Обогнув гору, олень прибежал к месту, где встретились. А мальчик спрыгнул в кусты голубики и закричал оттуда:

– Я давно здесь, ягоду ем! Где ты, олень так долго бегаешь?

Удивился олень и, ничего не сказав, умчался прочь. Прошло несколько лет, мальчик подрос, возмужал. Снова прибежал к нему олень, и снова они поспорили, кто из них быстрее бегаёт. На этот раз олень первым предложил условия соревнования:

– Знаешь, за этой каменной горой, у подножия, растёт самое большое дерево в тайге. Так вот по-

бежим мы отсюда, и я приду туда первым. Согласен?

Согласился соперник и олень, подпрыгнув, помчался вокруг горы. А юноша, зная гору, вошёл спокойно в пещеру, которая, петляя, выходила с другой стороны. Вышел он из пещеры, и, увидев вдали бегущего оленя, спокойно побежал к дереву. Олень хотел догнать бегущего перед ним соперника, но тот к дереву прибежал первым.

– Человек быстрее и умнее всех! – стукнул юноша в грудь себе. – Победил! Ничего не сказал олень и быстро умчался в лес.

Прошло ещё несколько лет, и юноша возмужал, отрастил усы, и, когда он сидел у камня вдруг, узнав, к нему опять прибежал олень.

– Два раза ты меня победил, человек! – сказал олень. – Но в третий раз меня не обгонишь, ибо я быстрее всех в тайге! Так говорят. Сделаем круг!

– Хорошо, – согласился человек, поднялся и сказал: – Но теперь договоримся, что если ты олень проиграешь, то будешь служить мне всю жизнь, ездить буду на тебе и на твоих потомках.

Согласился олень на это условие, надеясь на силу своих четырёх ног. Побежал олень что есть мочи, быстрее ветра помчался. Засмеялся человек и спрятался за камень, залёг. И вот прибежал олень, запыхавшись, к камню, а там уже сидит себе спокойно человек, и курит трубку.

– Опять не догнал, – произнёс человек. – Говорил я тебе, олень, что человек на всём белом свете быстрее и умнее всех. Теперь будешь служить мне, как договорились.

Заплакал олень от досады, но слово есть слово. Сел человек на глупого оленя и поехал, приговаривая:

– Всех быстрее и умнее человек. Умнее!

Чагил закончил свою сказку, посмотрел на старших друзей. Слава поднял вверх руки, произнёс с пафосом:

– Круто! Это почти философская притча получается. Ум человека может решить все проблемы, даже безвыходные. Выходит победителем!

– Он схитрил, обманул оленя, – простодушно изрёк Чагил. – Это как-то не очень красиво. Мне жаль оленя.

– Разве человек не таков? – произнесла Кюнней. – Особенно современный.

– Да человек был таким во все времена, – заключил москвич. – Натура!

– Однако человек без обмана может перегнать любого оленя, – серьёзно сказал мальчик. – Сильная тренировка нужна только.

– Как?! – удивилась Кюнней. – Он физически никак не сможет! Тут ты уже дружок лишку дал...

– Дело в расстоянии, – не сдавался Чагил. – Олень не может без остановки пробежать семьдесят километров. Сдохнет! А вот человек, не спеша, может это одолеть. Тренировка решает, дыхание. Первым придёт.

– Ух ты, какой! – воскликнул Слава. Додумкал. Молодец!

Раздались быстрые шаги, и в комнату вошёл Ян, племянник Кюнней.

– Молодец, что пришёл, – обрадовался Слава. – Вместе домой поедем, на дачу.

– Знакомься, – представила ему гостя Кюнней. – Тот самый герой из тайги. Чагил.

– А это Ян! – хлопнул мальчика по плечу москвич. – Кстати, тоже бегун. Участник предстоящих международных соревнований. Почти герой. Перспективный!

Ребята пожали руки, с интересом разглядывая друг друга. Молчали.

– Поедем все на дачу Яна? – повернулся Слава к девушке. – Я купил продукты. Пир закатим ради встречи, приезда Чагила нашего. Как?

– Окей, – согласилась Кюнней. – Поехали!

Они подошли к большой двухэтажной даче, где жили Ян и его гость из Москвы, Слава. На плитке была надпись: «Осторожно! Злая собака!». Они вошли во двор, и тут неожиданно на них выскочила большая лохматая лайка на цепи, неи-

ство залаяла на «чужого» Чагила. Однако мальчик не испугался злого пса, а спокойно пошёл на него, глядя прямо в глаза. Лайка замолчала, попыталась и быстро забежала в конуру.

– Что за фокусы? – удивилась Кюнней – Она даже иногда на меня, знакомого человека, рычит.

– А бояться не надо, – сказал Чагил и снял с ошейника собаки цепь, отпустил её. – Гуляй!

Пёс, словно ждал этого момента, радостно виляя хвостом, побежал к Яну, облизал руку и ринулся, прыгая по всему двору. Свобода!

– Не надо лайку держать на привязи, – сказал назидательно Чагил. – Это охотник, в лесу должна бегать, дичь и зверя искать, а вы... Загубите её. А собака что надо, на медведя пойдёт.

– Да-а, пожалуй, ты прав, – согласился москвич. – Чем лайке в городе заниматься? Людей кусать?

– Хорошо, я скажу родителям, когда они вернутся из Турции, – согласился Ян, глядя как собака носится вокруг дачи, обнюхивая всё. – Он повернулся к своим гостям, сказал: – Ну, теперь на веранду... Я самовар поставлю, чаем угощу с клубничным вареньем. Айда!

Полдень. На стадионе «Туймаада» идут последние «премьерные» тренировки юных стайеров. Тренер Тарасов с секундомером в руках засекает результаты ребят своей группы.

Первым, как всегда, прибежал к черте Ян, надежда якутян. Он улыбается, доволен.

На скамейке трибуны сидит его новый друг из тайги Чагил, смотрит на спортсменов в ярких тренировочных костюмах.

Последняя тренировка бегунов закончилась. Завтра уже начало больших международных соревнований. Все расходятся.

На выходе Яна встречает Чагил, и они идут в соседний парк отдыха кушать мороженое, которое очень нравится Чагилу. В тайге, у них, такого нет.

– Смотрел я, как ты быстро бегаешь, – сказал Чагил. – Подумал, что я, пожалуй, бегаю быстрее тебя, – неожиданно нагло заявил он. – Лучше.

– Ха! – засмеялся Ян. – Ты же д... Из тайги. Там беговых дорожек нет. Хвастун ты! Я три года тренируюсь... Первым приду.

– Давай на спор, – не отступал упрямый Чагил. – Отмерим расстояние и вместе побежим по ровной дорожке парка. Я лучше тебя. Давай!

– Ну, ты даёшь! – удивился супернахальству друга Ян. – Хорошо. Если ты отстанешь от меня на десять метров, то... купишь мне мороженое. Как?

– Согласен, – серьёзно посмотрел на него Чагил. – А если я приду первым, то купишь мне ты. Давай!

Друзья отметили старт и финиш, и Чагил, бросив в кусты резиновые сапоги, в которых пришёл в Якутск, приготовился к бегу.

Они побежали. Первым вырвался Ян, уверенный, что проучит этого «таёжного хвастуна». Уже пробежали половину дистанции, и тут Ян, к удивлению, заметил, что Чагил его догнал, потом, гортанно вскрикнув: «гра!» обогнал его, вырвался вперёд. Ян, не верил своим глазам, прибавил скорость, но соперник всё дальше отрывался от него – уходил.

К финишу первым пришёл, к удивлению спортсмена Яна, «деребас» Чагил. Как это?

Огорчённый позорным проигрышем, Ян, вытирая со лба пот, процедил:

– Круто! Ну, ты... супер, однако. Кинул меня!

– Ладно, – махнул рукой Чагил. – Я могу ещё быстрее... Пожалел, – он засмеялся добродушно, сказал: – Я же говорил деду, что буду участвовать в этих соревнованиях – «Дети Азии». А он не хотел отпустить. Вот и докажу. Как ты, Ян, считаешь, могу я участвовать?

– Ты?! Побежишь? – удивился Ян. – Но это невозможно. Там всё заранее решено, отобрано, а ты вот так с улицы хочешь зайти... Не получится.

– Получится, вот увидишь, – твёрдо произнёс уверенный в себе Чагил. – Я побегу и всех оставлю. Первым буду! И назовут меня сородичи, люди – Чагилкан, Обгоняющий Ветер! Увидишь!

– Чагилкан, Обгоняющий Ветер, – повторил Ян. – Ну, прямо как какой-то индейский воин. Интересно!

– Ладно, пошли обратно, – повернулся Чагил. – А то мои сапоги сопрут. Говорят, тут у вас в Якутске много воришек всяких. Опасно.

Город был красочно украшен. Закончилось ве-

чером торжественное открытие международных спортивных соревнований «Дети Азии». На другой день с утра на трибунах стадиона «Туймаада» было много народу.

В комнате бегунов собралась вся команда Тарасова. Не было только Яна Сатарова.

– Где Сатаров?! – строго спросил тренер. – Скоро забег!

Ребята молчали. Тут заиграл мобильник Тарасова, и он отошёл в сторону, с кем-то стал быстро разговаривать. Мальчики стали шептаться, где Ян и кто видел его последним из них.

В этот момент Ян с Чагилом, темпераментно жестикулируя, громко спорили у входа в спортзал.

– Да не возьмёт он тебя! – говорил сердито Ян. – Документы все заранее заполняются, и заявка давно написана... Как ты не понимаешь, «мамбет» бестолковый! – в сердцах, возмущаясь, оскорбил Ян друга.

– Увидят, что «мамбеты» лучше бегают... Я там, в тайге, с утра до вечера бегаю... С детства, с малых лет... А вы здесь только по часам, по расписанию. И легкие у меня накачены – вот, слушай, – Чагил стал бить себя по груди. – Слышишь, как гудит? Это чистый таёжный воздух! А ноги? Пощупай!

– Нет, – ответил Ян, щупать ноги его не стал, пошёл к дверям спортзала.

– Бумаги! – закричал Чагил. – Не бумаги ваши, а правда должна быть... Правда! Я быстрее тебя бегаю... Быстрее и лучше! Ты же видел... Видел!

Ян остановился, молча посмотрел на друга, который, казалось, уже презирал его, не верил ему.

– Не хочешь, – обиженно произнёс Чагил. – Не веришь мне... Правде не веришь! Вы все тут в городе... Такие друзья как вы, мне не нужны. Идите вы все!.. – он вынул из кармана куртки «мыльницу», размахнувшись, бросил далеко в сторону газона. – Всё! Не увидите меня больше здесь... Никогда!

Мальчик, чуть не плача, пошёл прочь, не оглянувшись. Что-то ёкнуло в груди у Яна, и он побежал за «мамбетом», остановил его, сказал:

– Прости меня Чагил! Прости! Я передумал. Всё будет по правде, как ты сказал. Побежишь. Понял?

– Как?! – зажглись огоньки в глазах Чагила. – ты веришь мне? Веришь?! Побегу?

– Да, – улыбнулся Ян. – Я придумал одну штуку. Всё получится!

Тренер Тарасов, посматривая на часы, нервно ходил взад и вперёд по комнате, он даже, волнуясь, вытащил из пачки сигарету, хотел чиркнуть спичкой, но, вспомнив, что курить тут категорически запрещается, чертыхнулся и выбросил сигарету в форточку. Тарасов уже обзвонил все адреса, но в городе никто не знал, где сейчас бегун Ян Сатаров, что с ним случилось. Облом!

И тут резко открылась дверь, и в комнату с переметнутой рукой, с марлевой повязкой на голове вошёл Ян. За ним следом зашёл чернявый, крепко сбитый мальчик, подросток.

– Где ты пропадал? – накинулся было на Яна тренер, потом спросил испуганно: – Ян, что с тобой случилось?

– Да вот торопился, бежал... Упал, ударился головой о ступеньки... У врача задержался. Простите!

– Алдырхай! Это ужасно! – схватился за голову тренер. – Полный провал, позор перед всем миром!.. Конеч! Что я им скажу? А-а-а... – застонал он.

– Не конец, Ким Романович, тихо сказал Ян. – Другой побежит... Вместо меня.

– Другой! – взорвался Тарасов. – «Других» не бывает в соревнованиях! Только на тебя, Сатаров, была надежда... Конечно!

– Вот... вместо меня Чагил побежит, – робко произнёс Ян. – Бегает хорошо, лучше меня. Обогнал...

– Кто?! – повернулся к незнакомому мальчику тренер. – Лучше тебя? Обогнал? Как?

– В парке на спор соревновались вчера, и он... На три метра обогнал меня... Такой. Его зовут Чагил, Обгоняющий Ветер.

– Обгоняющий Ветер? – внимательно посмотрел на подростка Тарасов. – Кличка такая? Откуда он?

– Я из Сэбинкэнэ, – ответил Чагил. – Это далеко отсюда.

– Верхоянье, – кивнул головой тренер. – Я там был у вас раньше, охотился.

– У нас там все хорошо бегают. За оленями, зверями гоняются.... Тайга.

– Знаю, – задумчиво сказал Тарасов. – Но заявки, протоколы... Не выйдет. С этим у нас строго.

– Я принесу заключение врача, – тут быстро сказал Ян. – Я мигом!

Тарасов отошёл и, забывшись, замолчал, стал что-то усиленно обдумывать, потом взял со стола лист бумаги, ручку и спокойно сказал:

– Не надо справки. Ты, Чагил, напиши тут подробно фамилию, имя своё, год рождения и так далее, а потом.... Видно будет. Рискнём!

Чагил взял листок, стал писать. Тарасов опомнившись, придя в себя, потушил сигарету, скомкал и выбросил её в форточку.

– Вот чёрт! – выругался он. – Помоги, Тангара¹⁴!

Трибуны стадиона «Туймаада» заполнились болельщиками, которые орали, размахивая флажками, подбадривая своих юных спортсменов. Закончились соревнования бегунов на короткие дистанции.

В центре западной трибуны на лучших местах рядом сидели Кюнней и Слава. Они оба болели за якутян, которые выступали в общем зачёте неплохо. Победа теперь, полностью зависела от бегунов-эстафетчиков. Дали сигнал старта, и спортсмены рванули. Вперёд!

– А где наш Ян? – спросил москвич у подруги. – Я его что-то...

– Он в четвёртой, последней группе должен выступить... Вот эта последняя группа и решает победу. Подождём.

Юные спортсмены, передавая эстафетную палочку, пробежали несколько этапов, остался последний-финиширующий. Чья же команда придёт к победе первой? Почти все зрители, исключая гостей, болели за команду Якутии. Но якутяне, к сожалению, отставали, и впереди них победно бежали иностранцы. Наши были четвёртыми. Команда якутян, волнуясь, что проиграют, надеялись

¹⁴ Тангара – Бог (якутс.).

на своего последнего бегуна – Чагила, «тёмную лошадку».

Вот Чагил, схватив палочку, побежал за иностранцами. Трибуны ревели, подбадривая его: «Давай! Давай!»

– Так это не Ян? – удивился Слава. – Другой... Но его лицо... Странно!..

– Это Чагил! – узнала таёжного гостя Кюнней. – Как это?.. Не понимаю...

Вот Чагил легко догнал индуса, перегнал и на повороте приблизился к китайцу.

– Давай! Давай! – кричали болельщики, у которых появилась надежда. – Я-ку-ти-я!

На середине дистанции, обойдя китайца, Чагил стал нагонять японца в белых трусах, третьего в ряду. Все захлопали, засвистели болельщики-якутяне на трибунах:

– Давай ещё! Сюр¹⁵! Сюр!

Подбодренный криками земляков, Чагил ещё прибавил скорости и бежал из последних сил. Тренер Тарасов от радости вскоил со своего места, стал кричать вместе со всеми. «Какой! Молодец!» Рядом с ним с перевязанной рукой, подпрыгивая, громко орал Ян:

– Быстрее, Чагил! Дай перцу им!

Кюнней со Славой тоже замахали руками, кричали:

– Ча-ги-ии-иил! Ча-ги-ии-иил!

А Чагил, обогнав японца, на финишной прямой уже догонял темнокожего араба, который от усердия аж закрыл глаза... Вай! Уже близко финиш, и Чагил, вспомнил почему-то оленя из своей сказки, через не могу, сделал последний рывок – и перегнал иностранца... Он первым пересёк желанную черту финиша. Трибуны взорвались от восторга, все неистово захлопали, скандируя:

– Я-ку-ти-я! Я-ку-ти-я! Я-ку-ти-я! Я-ку-ти-я!

¹⁵ Сүүр – беги (якутск.).

На выходе все спортсмены-якутяне подбежали к Чагилу-победителю, подняли на руки, стали, крича, подбрасывать вверх. Кто-то сунул ему в руки букет цветов. Тут подошли к нему новые друзья его – тренер Тарасов с ребятами, поздравили, похлопали по спине.

– Ну, Чагил, теперь будешь у меня тренироваться, – сказал, улыбаясь Тарасов. – Я тебя никому не отдам. Герой!

Ян подошёл к другу, обнял его и сказал:

– Ну, теперь ты веришь мне?

– Ты же поверил мне, – улыбнулся Чагил. – Вот и правда, у нас всё получилось. Всё так и должно быть!

Тут подбежали к друзьям Кюнней со Славой – со счастливыми, сияющими глазами. Девушка обняла Чагила, поцеловала в щёку, выдохнула с восторгом:

– Здорово! Чагилкан, Обгоняющий Ветер! Так и напишу в журнале о тебе.

Тут мальчик протянул ей большой букет, прекрасных роз и сказал:

– А это, Кюнней тебе. Мальчикам цветы не к лицу.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. – Пошли победу отмечать. В кафе.

Они вышли из стадиона и вдруг, проходя мимо газона с цветами, Чагил, вспомнив, пошёл туда, стал что-то искать в траве. Он нашёл свой фотоаппарат-«мыльницу», подарок москвича, сунул, обрадовавшись, в карман, вернулся к друзьям.

– Ты чего там шарился? – удивленно спросила его девушка. – Что искал?

– Да вот бегал тут давеча и потерял фотоаппарат, – смущённо ответил он. – Он гладкий, маленький... вот и выпал. Нашёл, – он показал друзьям «мыльницу». – Всё нормально.

– «Мыльницу» – прищурился Слава, потом

сказал: – Подарю я тебе, дружок, однако, другой. Побольше, как у меня. – Он показал свой «Сапон».

– Только, если научишься хорошо снимать. Лады?

– Лады! – согласился Чагил. – Научусь. Постараюсь.

Тут на площадке появилась группа юных спортсменов с тренером Тарасовым. Увидев Чагила и Яна они обрадовались, затащили их в свой круг, где были и бегуны-иностранцы: японцы, арабы, монголы, китайцы... Они, хлопая Чагила по плечу, что-то лепетали на своих языках.

Эта была общая радость детей Азии, которые однажды собрались, объединились здесь – под северным небом Якутии. Были улыбки, смех и много цветов.

Ян обернулся, крикнул сестре Кюнней:

– Мы уходим! Позвали нас. Завтра увидимся. Пока!

– Пока, – помахал рукой Слава, сказал подруге: – Счастливый конец. Зе фул оф финиш! Хай! – потом, глядя ей загадочно в глаза спросил: – А мы с тобой куда двинемся? Давай в парк! Шампанским угощу!

– Ну, если шампанское, то я согласна, – шутиливо ответила Кюнней. – Пойдём.

Они оба пошли, разговаривая по аллее парка, где недавно бегали на перегонки Ян с Чагилом. Здесь, в эти дни спортивного праздника «Дети Азии» было как никогда много народу, детей, которые резвились на детских площадках, бегали, играя в прятки и пятнашки...

Вот прошёл между зелёных сосен старик с якутской лайкой на поводке, которой явно не нравился ошейник, и она рвалась, подпрыгивала, жалобно визжа: «Отпустите меня!»

– Печальное зрелище, – кивнул, глядя на лайку, Слава. – Ей бы бегать в дикой тайге, а тут... И в Москве они есть, живут в квартирах. Зачем?

– В Москве, – задумчиво произнесла Кюнней. – А ты, Слава, когда улетаешь обратно? Билеты купил?

– Билеты... – улыбнулся москвич. – Если ты не против, Кюнней, то я останусь здесь... надолго, – он выразительно посмотрел на неё. – Всё зависит

от тебя, дорогая, – он осторожно, очень нежно привлёк её к себе, тихо спросил ещё раз: – Согласна?

Она, смущённо отвернулась, и сказала:

– Я... я согласна.

– Ур-ра!!!! – воскликнул Слава. – Тогда едем... Едем!

– Куда? – удивилась девушка.

– Туда! В тайгу! С Чагилом и лайкой... Поедем?

– С радостью, – засмеялась Кюнней. – Как он без нас к деду Сэнкэну вернётся?.. Надо отвезти.

– Ох, этот Чагил...

– Не Чагил, – весело сказала она. – А Чагилкан, Обгоняющий Ветер!

С вершины высокой горы видна панорама тайги. По длинной извилистой речке мчится в радужных брызгах моторная лодка.

Всё ближе лодка, мчится, подсакивая на пенных волнах, разбрасывая искрящиеся в лучах солнца капли...

Видим сидячих в лодке людей. Они улыбаются, радостно машут руками. Это Кюнней, Слава, Ян, Чагил, и новый друг этой славной компании – юкагир Николай Курилов, поэт и художник. И ещё лайка Аргыс, без цепей и ошейника.

– Уру-у-уй¹⁶! Кэллиби-и-ит¹⁷! – ликуют они, увидев знакомый тордох на берегу.

Старик Сэнкэн, услышав шум моторки, спустился вниз, к речке, щербато улыбаясь, встретил гостей. Первым на берег прыгнул его внук Чагил, обнял деда, Сэнкэн шутливо поднял кулак, погрозил на беглеца пальцем:

– Вот я тебе!.. Убежал! А я тут волнуюсь...

– Говорил я тебе, что в Якутск всё равно убегу... И не зря. Смотри! – Чагил показал ему медаль спартакиады «Дети Азии». Вот наградили, а ты не верил... Первым пришёл!

Гости из Якутска вышли из лодки на берег, поздоровались с хозяином.

¹⁶ Уруй – слова!

¹⁷ Кэллибит – приехали.

– А это Николай Курилов, юкагирский поэт и художник, – представила Кюнней нового друга. – Приехал посмотреть на письмена в пещере чучуны. Помните, мы рассказывали? Помните?

– Да-да, – кивнул старик улыбаясь. – Вот внук мой... Ему дали медаль? Награда!

– Он всех там обставил, – сказал Слава, поднимая фотоаппарат. – Первый в Азии бегун – Чагилкан, Обгоняющий Ветер! – Давайте я сниму вас. – Он нацелился, стал быстро щёлкать. – Отлично!

– У меня тоже есть фотоаппарат, – показал, похвастался деду Чагил. – Смотри, это «мыльница», подарок Славы. Как?

– И ещё один подарок тебе, – вдруг сказал Ян. – Эту лайку, Аргыса, я дарю тебе. Собака должна жить в тайге. Не так ли?

– Ты даришь мне Аргыса? – обрадовался Чагил. – Правда? Вот это... здорово! Аргыс!

Лайка радостно бегала вокруг тордоха старика, прыгала, высоко хватая зубами висящие ветки деревьев. Она радостно лаяла, и было заметно, что собака попала в свою родную природную среду. Она была счастлива.

– Лайку? – удивился старик Сэнкэн. – Подарили? Вот это хорошо, – погладил пса, сказал: – Вижу, добрая лайка, сильная. И на сохатого, вижу, пойдёт, и на медведя может. Не зря ты, выходит, внук, в город съездил. Столько всего ты привёз... Ючюгей. Ну, друзья, пойдёмте к костру, поесть не мешает с дороги.

Вот сидят друзья у костра, хлебуют ложкой свежую уху. Старик молча смотрит на них, думает о чём-то.

– Ну, спасибо, Сэнкэн, наелись, – Кюнней отодвинула миску, сказала: – Самое время рассказать нам новую эвенкийскую сказку. Хочу книжку для детей написать. Расскажите?

– Можно, – согласился старик. – О подвигах хосуна Уняны с железными крыльями. Это продолжение моей первой сказки. Помните, рассказывал тогда вам здесь, у костра.

– Слушаем, – приготовила блокнот Кюнней.

– Так вот, после победы над чудовищем Корэндо наш Уняны решил найти себе достойную де-

вушку, жениться на ней. И рассказали ему, что есть такая, и зовут её Инмэкэн. Живёт она далеко, за высокими белоснежными горами, где бегают, охраняют свои владения лохматые как медведи великаны. Но не боялся наш Уняны никого на белом свете, решил поехать к красавице, признаться в любви, жениться на ней.

Слава повернулся к Кюнней, улыбнулся.

Гости притихли, ожидая, что расскажет им Сэнкэн дальше. И вдруг в наступившей тишине далеко, за рекой раздался пронзительный крик, таинственный и зовущий.

– Опять? Как тогда? – посмотрела на друга Кюнней.

– Чучуна, – сказал Слава. – Завтра пойдём к той пещере, где рисунки. Может нам повезёт на этот раз. – Он посмотрел на старика, спросил: – Это чучуна? Или зверь какой?

– Был тут у меня недавно охотник Бааска. Он рассказал мне, что видел на речном песке большие следы, похожие на человеческие, но в два раза длиннее и шире. Видимо чучуна вернулся сюда, в наши места.

– Мы поймем его! – громко произнёс Чагил. – В тот раз не видели, а завтра... У нас есть Аргыс, он быстро разнюхает его. Точно. Найдём его!

– И в город отвезём – в зоопарк «Орто Дойду», – добавил Ян.

– А это правда? – спросил Курилов, слушая разговор. – У нас, на Колыме, встречают чучуну иногда. И деды рассказывали. Интересно.

– Ружьё с собой возьмём! – выпалил тут Ян. – Мало ли чего... Дикий ведь он, прыгнет ещё. Завалим.

– Брать ничего не надо, – спокойно сказал старик Сэнкэн. – Ружьё ни к чему. Пусть бегают он себе, лучше не тревожить. Я вам не советую искать чучуну. Пусть у нас в тайге будет всё как прежде – покой и красота. Природа любит тишину и... свободу. Не надо.

– Пожалуй, Сэнкэн наш прав, – согласился москвич Слава. – Покой и красота! Это то, чего нам всем не хватает. Ну-ка, встаньте все ближе к костру... Я запечатаю этот прекрасный как сказка миг. Ну! Обнимитесь!

Все послушно встали у огня, обнявшись, глядя в объектив фотоаппарата.

Послышался щелчок.

– Готово! – сказал Слава.

Тут раздался за рекой, в таёжной глуши крик таинственного чучуны: «У-у-у...»

– Это голос тайги, голос Великой Природы, – сказал Слава. – Мир этому чуду!

Лайка Аргыс, словно соглашаясь с ним, с москвичом, подскочила и весело, с восторгом, залаяла. Она была на свободе, в своей родной стихии-тайге.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН как гений и пророк русской жизни

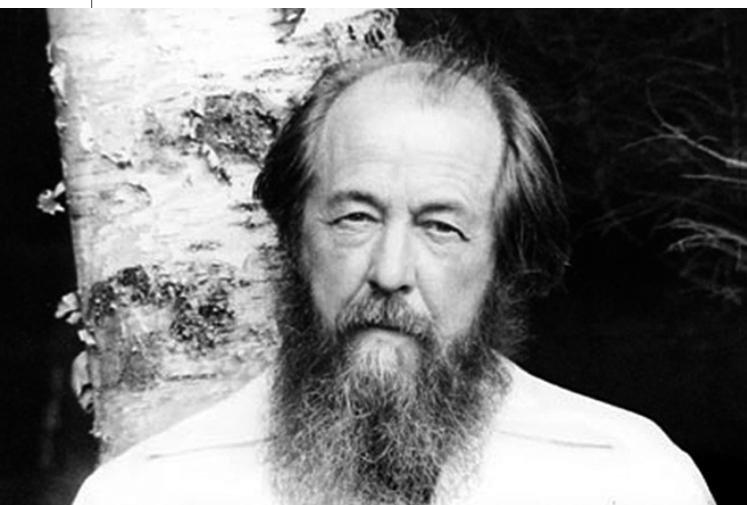
Признание пророческого характера русской литературы и пророка как главного героя русской жизни начинался еще со знаменитого пушкинского «Пророка». Помните эти строки, они как будто о герое этой статьи, Александре Исаевиче Солженицыне:

*Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

В преддверии его юбилея во многих материалах тема пророчества и даже богоизбранности Солженицына не редкость, что и не удивительно. Например, ведущий программ «Археология» и «Археология. Будущее» на радио «Свобода», историк и политолог Сергей Медведев задает вопрос своим собеседникам: «В какой момент Солженицын осознал себя пророком? Это было уже после рака: бог спас его от рака? У него же было сознание богоизбранности.

Михаил Голубков (заведующий кафедрой новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ): Конечно, рак – это тот момент, когда это укрепилось. Но мне кажется, оно было изначально, он всегда знал, что станет писателем. Но каким писателем, говорил он, если бы не лагерь? Советским. Вот таким писателем он не хотел стать. И, может быть, действительно, ощущение писательства – это богоизбранность»¹.

¹ Сергей Медведев. Зеркало русской контрреволюции. К столетию

Заметим, что не возможно не сравнить Солженицына с Львом Николаевичем Толстым, что стало тоже обязательным пунктом во многих рассуждениях о жизни и творчестве Александра Исаевича. И здесь, процитированный выше материал не исключение, называется он «Зеркало русской контрреволюции», по всей вероятности, по аналогии с «Лев Толстой как зеркало русской революции» Владимира Ленина.

Лев Толстой, Федор Достоевский, Александр Солженицын — имена изменившие мир, каждый по своему открывшие миру Россию и потаенные пружины человеческого существа и бытия, очевиден их всечеловеческий масштаб.

В лучшей на сегодня биографии Александра Исаевича, написанной Людмилой Сараскиной и изданной издательством «Молодая гвардия» двумя выпусками в 2008 и 2009 годах², анализируется восприятие пророка и пророчества в современной России, и отдельная глава так и названа «Сюжет о пророке и отечестве: новый поворот». Людмила Ивановна в следующей гла-

Александра Солженицына. Радио Свобода. 5 декабря 2018 г. URL: <https://www.svoboda.org/a/29639014.html>

² Александр Солженицын. — М.: Мол. гвардия, 2008. — 935 с. — (ЖЗЛ: Биография продолжается; вып. 15); Солженицын / Людмила Сараскина. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 959[1] с.: ил.: — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып.1175).

ве «Калёный клин». Хождение по лезвию ножа», как бы завершающим штрихом к «Сюжету...», приводит высказывания известных деятелей русской культуры, что нужно процитировать и здесь:

«В мае 2004-го исполнилось десять лет с момента возвращения на Родину — и сколько людей за эти годы, вопреки клевете и наветам, смогли сказать ему, как они рады, что он здесь, в России. «Только наличие Солженицына дает нашей жизни последних десяти лет тот нравственный и культурный стержень, который, собственно, и называется Историческим Смыслом» — писал в «Труде» Ю. Кублановский. Ему вторил Л. Бородин: «Солженицын подобен крепости, которая держится несмотря ни на что. И это многим даёт силу, энергию, вселяет надежду». «Звезду Солженицына погасить невозможно, — утверждал В. Дашкевич. — Уверен, пройдёт много лет, но семена, посаженные Солженицыным, всё же прорастут, и люди осознают его место в ряду самых великих пророков Отечества»³.

х х х

Итак, 11 декабря 2018 года исполнилось 100 лет великому русскому писателю Александру Исаевичу Солженицыну. Родившись в год начала русского лихолетья XX века в декабре 1918 года он прожил долгую жизнь, полную лишений, гонений и беспримерных триумфов, редко выпадающих на долю писателя Земли Русской. Его не стало 3 августа 2008 года.

Имя его с первых шагов в литературе стало символом. Символом освобождения от ига тоталитаризма-сталинизма, символом Правды. Он был символом стойкости. Никогда не подлаживался под власть и идеологию, будь это у себя на родине или в эмиграции. Кто-то называет его труды спорными. Он, как писатель и мыслитель, исследователь, не спорный, а скорее, многоаспектный, как и жизнь вокруг нас. Тем более в тех вопросах, на которые он искал ответы, разбираясь в лабиринтах истории России и революций,

³ Солженицын / Людмила Сараскина. — М.: Молодая гвардия, 2009. — С. 889-890.

репрессивной машины и сложносплетений века XX-го. «Жить не по лжи» - название его статьи 1974 года сегодня воспринимается как девиз всей его жизни. Он эту веру, иначе и назвать нельзя, стойко пронес через всю свою жизнь. В одном из последних интервью, данном журналу «Шпигель», в июле 2007 года он сказал: «... я всегда был убеждён в том, что совершал, и никогда не шёл против своей совести»⁴.

А в далеком 1962-м «Один день Ивана Денисовича» из ноябрьского «Нового мира» открыл советским людям глаза, ставшие словно незрячими в годы тотального обмана и ослепления ядом ненависти к выдуманному «врагам народа». С первых строк пронзает жесткая правда и люди читали взахлеб, научаясь видеть в своей ставшей привычной жизни весь ужас этого окружавшего зазеркалья: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъем – молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, намерзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота была долго рукой махать.

Звон утих, а за окном все так же, как и среди ночи, когда Шухов вставал к параше, была тьма и тьма, да попадало в окно три желтых фонаря: два – на зоне, один – внутри лагеря».

Тогда так начинался не только день Ивана Денисовича, но и новый день всей советской жизни и, естественно, русской литературы. И тьма постепенно расступалась. В 1970 году Александр Исаевич был удостоен Нобелевской премии по литературе с формулировкой, очень точной и четкой: «За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы». Иван Денисович воспринимается как образ нравственной силы, негибкости. Книги Солженицына проникнуты состраданием к человеку, как и вся русская литература в великих своих проявлениях.

«Один день Ивана Денисовича» был важнейшей частью десталинизации, начавшейся со знаменитого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. В том ряду – вынос тела Сталина из Мав-

⁴ «Написано кровью». Интервью А.Солженицына журналу «Шпигель». Известия. 24 июля 2007. URL: <https://iz.ru/news/326900>

золея в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года по решению XXII съезда КПСС, стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» в номере газеты «Правда» от 21 октября 1962 года...

В год столетия ясно одно – он, его личность и его произведения всегда будут притягивать к себе не только внимание историков, литературоведов, исследователей, но и широких кругов, тем паче и политиков. Ведь не издай президент В.Путин свой указ «О праздновании 100-летия со дня рождения А.И.Солженицына» в июне 2014 года, то может и не отмечали бы с таким размахом его столетие. Год 2018-й объявлен Годом Солженицына. В указе отмечено (заметим, что это важный момент для понимания приоритетов власти): «учитывая большое значение творчества А.И. Солженицына для отечественной культуры». Сей документ указывал правительству России образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования, а органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано, читай, обязательно (что правильно), принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвящённых празднованию 100-летия со дня рождения писателя. Таким образом, на государственном уровне признано, что Александр Солженицын один из столпов русской культуры и литературы XX-XXI веков. Глыба!

Понятно, почему еще стал так актуален в 2014 году грядущий юбилей писателя. Ведь Солженицын не только флаг антитоталитаризма, но и Русского мира, его духовности и патриотизма, почвенничества ...

100 лет – целый век! А кажется, что он наш современник. И был и есть он наш современник. Современны накал его повестей и романов, его сердце пламенеющее как светоч. Он мне видится человеком цельным, устремленным к своей цели, к своему пониманию Правды истории и судьбы Российского государства. В этом его сила и даже можно узреть и уязвимость. Ведь критикуют его иногда и за эту верность Великой России, граничащий с имперскостью сознания, христианской консервативностью. Но все согласны в одном, что он глыба, который не может

принадлежать, соответствовать полностью ни одной из идеологических течений, как великая личность, как Пророк.

Из детских амгинских воспоминаний помнится один эпизод, когда старший брат Николай говорил, что выслали писателя Солженицына и тогда запомнилась эта необычная для уха сельского мальчика фамилия. Позже, взрослея, я все искал в газетах, что за диссиденты Солженицын и Сахаров, находя только скупые сообщения «Правды» о том, что их наказали за предательство Родины. Находил в старших классах и с ужасом читал ядовитые статьи советской «правды» (здесь уместно с маленькой буквы, чтобы не оскорбить саму правду) о них - о диссидентах, которые уже потом в студенческие и журналистские годы ставшие для меня синонимами Правды.

Много разных слухов ходило о том, что его ссылали к нам в Якутию. Есть такая много раз слышанная версия, что обсуждалась возможность ссылки его в Якутию. В просторах интернета и теперь можно найти свидетельство тому:

«За антисоветскую агитацию и пропаганду писателю-диссиденту грозило семь лет заключения. Председатель Президиума Верховного Совета Николай Подгорный и председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин предложили сослать Солженицына в Якутию. Из лагеря, расположенного недалеко от Верхоянска, за сто лет не было ни одного побега»⁵. Вот так, главное – «ни одного побега».

Далее приводится очень жесткое резюме Андропова: «Председатель КГБ СССР Юрий Андропов настаивал на принудительной депортации писателя в капиталистическую страну. «Москва освобождается от паука, которого перед лицом Запада нельзя раздавить, и в то же время СССР демонстрирует человеколюбие, — говорил Андропов. — Там он как червь в яблоке, а вне яблока не стоит ничего и превращается в ничто».

В ответ Солженицын не стал «ничто», а стал ВСЕМ против мощнейшей не щадящей машины

⁵ Любовь ГРАНКИНА. В эмиграции Александр Солженицын провел 20 лет «ФАКТЫ». 13 февраля 2012 URL: <https://fakty.ua/146198-v-emigracii-aleksandr-solzhenicyn-provel-20-let>

КГБ и пропаганды КПСС. Он победил. Он разрушил их придуманный и выстроенный на костях миллионов глиняный колосс. Его правда победила.

С другой стороны, случись иное, скажем, не вняли бы старцы Политбюро словам Андропова, может быть, Солженицынские многие капитальные труды, эти энциклопедии по истории ГУЛАГа, мы и не увидели и не прочитали бы, ужасаясь и трезвев от пропагандистского яда.

В 1989-м появление «Архипелага ГУЛАГ» в «Новом мире» - значит все бесповоротно, жизнь меняется в стране по-настоящему. Это был рубеж, один из рубежей.

«Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда ежечасно летят самолеты, плывут корабли, гремят поезда - но ни единая надпись на них не указывает места назначения. И билетные кассиры, и агенты Совтуриста и Интуриста будут изумлены, если вы спросите у них туда билетик. Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных его островков они не знают, не слышали.

Те, кто едут Архипелагом управлять - попадают туда через училища МВД.

Те, кто едут Архипелаг охранять - призываются через военкоматы.

А те, кто едут туда умирать, как мы с вами, читатель, те должны пройти непременно и единственно - через арест».

Помню 18 сентября 1990 года, когда одновременно любимые мною тогда «Литературная газета» и «Комсомольская правда» опубликовали «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения», написанную с его далека – Вермонта. С каким трепетом открывал эту статью в «Комсомолке», вышедшей огромным тиражом и ... горькое разочарование. С другой стороны, чего ж мы ждали? Готового рецепта? Его и не могло быть. Он высказывал свое видение, предлагал выход из кризиса, на что имел полное право. Соглашаться или нет стране и народу, это было решать народам России, Украины, Казахстана, Беларуси, которых он призывал объединиться, а не распасться.

«Моя задача была лишь — предложить не-

которые отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательность, а только предпослать почву для обсуждений. Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний» - завершающее этот труд его пожелание, к сожалению, не было услышано.

Общий тираж «Комсомолки» и «Литературки» со статьей Солженицына составил 28 млн. экземпляров (!) — это тоже говорит о многом. Об авторитете его Слова. Труд этот в течение 1990-1992 гг. был издан во Франции, Германии, Италии, США, Англии, Дании, Польше, Голландии.

Помню еще 1994 год — его возвращение, его проезд из Владивостока по всей стране в Москву. В Москву! Изменить страну! Ждали его выступления в парламента... Не срослось у него с Борисом Николаевичем, ни с Думой. Так уж распорядилась история.

Заметим, что Александр Исаевич очень критически относился не только к Борису Ельцину, но и к Михаилу Горбачеву, в то же время подчеркивал в интервью журналу «Шпигель» «Но надо признать, что именно Горбачёв (а не Ельцин, как теперь звучит повсеместно) впервые дал гражданам нашей страны свободу слова и свободу перемещения»⁶.

4 сентября 2005 года по праву установили памятник во Владивостоке, куда вступила его нога после долгих лет разлуки с родиной. Не обошлось без хамства со стороны сталинистов, на что пришлось ответить Наталие Дмитриевне Солженицыной и сыновьям Александра Исаевича Ермолаю и Степану через «Российскую газету»: «Три дня назад во Владивостоке открыли памятник Александру Солженицыну, нашему мужу и отцу, а сегодня в СМИ прошла новость о том, что «молодой сталинист» повесил на памятник табличку с надписью «Иуда». Это только значит, что и после смерти слова Солженицына нужны как никогда. Он всегда призывал правдиво смотреть на свою историю, знать ее, гордиться

6 «Написано кровью». Интервью А.Солженицына журналу «Шпигель». Известия. 24 июля 2007. URL: <https://iz.ru/news/326900>

ся достойными ее страницами, но и признавать и каяться в ошибках и преступлениях»⁷.

Солженицын или Сталин. Эта дилемма в сознании россиян присутствует незримо, вот уже сколько лет, с тех ноябрьских дней 1962-го.

Закономерно, что если мы пишем о сталинских репрессиях то обязательно обращаемся к его трудам. Вот и я, когда работал над биографической книгой о Максиме Кировиче Аммосове, использовал его цитату из «Архипелаге ГУЛАГ» о том как система готовилась к массовому БОЛЬШОМУ террору, как шла полномасштабная подготовка — психологическая, организационная, юридическая с 1920-х годов методически и неумолимо. В том же беспримерном труде Александр Исаевич описывая царскую ссылку упоминает о «приятельных» взаимоотношениях политических с местными жителями, ссылаясь на труд известного революционера Феликса Кона «За пятьдесят лет»: «Ф. Кон пишет, что якуты встречали политических приятельно, с надеждой, как своих врачей, учителей и законосоветчиков в защите от власти. У политических в ссылке были во всяком случае такие условия, что выдвинулось из них много ученых (чья наука только и пошла со ссылки) — краеведов, этнографов, языковедов, естествоиспытателей, а также публицистов и беллетристов»⁸. Этот небольшой отрывок, на мой взгляд, иллюстрирует то, что Александр Исаевич знал, изучал историю якутской ссылки до 1917-го года и подчеркивает ее отличие от системы ГУЛАГа.

Возвращаясь к его работе «Как нам обустроить Россию?», перечитаем еще раз внимательно. И, первое, не пророческие ли слова начинают эту его работу: «Часы коммунизма — своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»⁹. Далее,

⁷ Мы все еще не простились с прошлым. Семья Солженицына ответила тем, кто осквернил новый памятник писателю во Владивостоке // Российская газета — Федеральный выпуск № 6773 (202). 09.09.2015 URL: <https://rg.ru/2015/09/10/solzhenitsin.html>

⁸ Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. 6. М., 2011. С. 264.

⁹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию?

есть и много других его, скорее, не пророчеств, а предупреждений. Например: «А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: не т у н а с с и л на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Не т у н а с с и л на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

Одной из последних его крупных работ стал не менее спорный труд «Двести лет вместе (1795—1995)» — литературно-историческое исследование, двухтомник об истории русского еврейства. Критики увидели в нем, что писатель возлагает на евреев вину в российской катастрофе XX века. Сам писатель так объясняет во вступлении почему он взялся за эту работу и на что надеется:

«Никогда я не признавал ни за кем права на сокрытие того, что было. Не могу звать и к такому согласию, которое основывалось бы на несправедном освещении прошлого. Я призываю обе стороны — и русскую, и еврейскую — к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха, — а так легко от него отвернуться: да это же не мы...

Искренно стараюсь понять обе стороны. Для этого — погружаюсь в события, а не в полемику. Стремлюсь *показать*. Вступаю в споры лишь в тех неотклонимых случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды. Смеем ожидать, что книга не будет встречена гневом крайних и непримиримых, а наоборот, сослужит взаимному согласию. Я надеюсь найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских».

Такой человек как Солженицын не мог не обратиться к этому вопросу, на самом деле болезненному для российского общества. В этом его смелость и заслуга. Его голос важен для преодоления непонимания и, иногда, и отчуждения.

В чем-то с ним не соглашаясь, имею ввиду его воззрения на СССР и Россию после 1985 года, мы понимаем насколько этот человек был и есть велик и грандиозен, сумевший свершить революцию в умах, повлиявший на культуры и литературу не только русскую, но и народов

мира. Он хотел лучшей участи для своей страны и он как никто другой понимал во что превратил созданный Сталиным ГУЛАГ страну и людей. И правы родные Александра Исаевича: «Вот теперь во Владивостоке этот молодой человек заявляет, что хочет установить памятник Сталину, по приказу которого тысячи наших граждан убились в его же городе, сотни тысяч отсылались отсюда на Колыму. А Солженицын у него предатель, прямо как в советской прессе полвека назад. Черное - белое, а белое - черное. Как и живой писатель ранее, сегодня уже его памятник требует от нас четкой оценки своей истории... Без трезвого понимания прошлого нам не построить достойного будущего»¹⁰.

Повторим в завершение слова Александра Исаевича вынесенные эпиграфом к книге Л. Сараскиной: «Я хотел быть памятью. Памятью народа, который постигла большая беда».

¹⁰ Мы все еще не простились с прошлым...

Галина Эдуардовна Каскевич родилась в Новосибирске. Окончила школу в Калининграде. Училась на геолого-географическом факультете Ростовского государственного университета. В студенческие годы проходила геологическую практику в Янской ГРЭ в 1979 и 1980 гг. В 1981 г. приехала работать в п. Батагай Верхоянского района. Более 30 лет трудилась в системе региональной геологии в Якутии, из них – 25 лет полевых сезонов провела в горных районах Восточной и Южной Якутии, в тундре, на побережье моря Лаптевых.

Автор двух поэтических сборников «Будем жить!» и «Путь».

В настоящее время живёт в п. Мохсоголлох Хангаласского улуса.

Галина КАСКЕВИЧ,
пос. Мохсоголлох

«ЕСЛИ ТЫ НЕ УМЕЕШЬ ПАДАТЬ, ЗНАЧИТ, ТОЧНО НЕ МОЖЕШЬ ЛЕТАТЬ...»

Как часто мы уходим от себя
И двери нараспашку оставляем...
В долгах и суете вдруг погрязаем.
Жизнь проживаем серо, не любя.

А как любить, когда душа забыта,
Оставлена давно на сквозняке?
И еле слышный голос вдалеке
Напоминает, что не всё прожито.

Что кутерьма вокруг и пустота,
Что надо бы к себе поворотиться,
Что там внутри, как раненая птица,
Живая наша мечется душа.

Повязанные разными долгами
И материально-умственным нитьём,
Мы не летаем больше. Мы бредём.
Куда бредём, порой не знаем сами.

Но вдруг в ту дверь, что мы закрыть забыли,
Врывается, как воздуха поток,
Как солнечных лучей горящий сноп,
Душа родная. И откуда крылья?

Откуда силы, чтоб летать хотеть?!
Себя ты ощущаешь вновь рождённым,
И видишь путь доселе запрещённый!..
Теперь уже душе не умереть!

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. «ЕСЛИ ТЫ НЕ УМЕЕШЬ ПАДАТЬ, ЗНАЧИТ, ТОЧНО НЕ МОЖЕШЬ ЛЕТАТЬ...»

СОЗВУЧИЕ

Свет мой зеркальце, скажи,
 Да всю правду доложи...
 А.С. Пушкин
 Только тем, кто готов увидеть,
 Только тем, кто готов узнать,
 Отправляют «зеркало» свыше,
 Чтоб в себе всё как есть принять.
 И чем больше в тебе изъянов,
 Тем богаче твоя душа.
 Без конфликтов – не интересно.
 Не построишь без них ни шиша!..
 Если ты не умеешь падать,
 Значит, точно не можешь летать.
 И восторженность от полёта
 Ни за что тебе не понять.
 А вот если в глазах то буря,
 Т вселенская пустота,
 То молчание гробовое,
 То оркестры гремят с утра,
 То искрятся они, сияют,
 То от боли подёрнулись пеплом,
 Это значит – душа живая,
 И её не прикроешь телом.
 Ищет, милая, и находит
 Среди хаоса материального
 Тех, кто также по миру бродит,
 Выбираясь из Зазеркалья.
 И поёт она, и ликует,
 Если встретит родную душу.
 Пусть уставшую, но живую,
 Что умеет слышать, не слушать,
 Что увидит, а не посмотрит
 И почувствует боль и радость.
 Тел по жизни – десятки, сотни...
 Душ созвучие – это благодать.

ОДНО МГНОВЕНИЕ

Одно мгновение может
 изменить рисунок жизнь.
 Одно мгновение –
 Нет пути назад.
 Но слово, даже мысль –
 И всё иначе.
 Ты на вершине был,

Но камнепад
 Увлёк в страну
 Терзания и плача.
 Ты был внизу.
 В болоте прозябал.
 Увидел луч
 И по нему поднялся.
 До звёздочки ближайшей
 Вдруг достал.
 Сумел взлететь
 И... в памяти остался.
 Так происходит миллионы лет.
 И время здесь
 Как Книга Откровений,
 Где сохранён
 Событий многих след,
 Как в каталоге
 Знаковых явлений.

КОГДА ДУША БОЛИТ

Когда душа болит
 Или взгрустнётся просто,
 Иль кажется, не мил уж свет,
 Оставь дела и посмотри на звёзды –
 Они пришлют единственный ответ.

В сиянии и медленном движении
 Гармония небес воплощена.
 В них – бездна Времени
 И Мига отражение,
 И Памяти Вселенной глубина.

Мы с них пришли,
 И мы туда вернёмся,
 Пройдя земной урок, что задал Бог.
 Оставь дела и посмотри на звёзды,
 Коль хочешь, чтобы Мир тебе помог.

О ТОМ, ЧТО...

Мы весело жили,
 Мы были другими –
 Над бытом парящими,
 Над суетой.
 Седыми мы стали,
 Но вот не забыли

О том, что не стоит
Стареть душой.
О том, что сегодня
Рождается завтра,
Том, что ценить
Нужно в жизни миг.
О том, что своя
Есть у каждого правда,
Неважно, юнец ты
Иль древний старик.
О том, что любовь
Цены не имеет.
О том, что где-то
Нас помнят и ждут.
О том, что не стоит
Казаться умнее,
Что души родные
Всегда поймут.
И если душа
Родилась крылатой,
То в жизни покоя
Уже не сыскать.
Мы тем уж безмерно,
Друзья, богаты,
Что просто умеем
Любить и летать.

СКАЗ О ВРЕМЕНИ

Время – река, что несёт свои воды в загадочном Где-то,
Заполняет Пространство округи невидимым Светом...
Пенно грохочет, зажатое узким и мрачным ущельем,
И тормозит, удивлённое щедро распахнутой дверью
В необозримую зелень равнинных лугов заливных
С глазами уставшими стариц. И плещется в них...
Иль вдруг, как стрела, устремляется в синее небо:
Времяворот, где встречаются Были и Небыль.
Время – эпоха, оно же – просторы Вселенной.
Неуловимо ля жизни одной. Неизменно
И бесконечно для Тех, кто стоит на Горе над Рекой,
И с Высоты наблюдает а Света чудесной игрой.

26–27.01.2018 г.

Жизнь прекрасна, если...
Разглядывать бабочек,
Нюхать цветы,
В ладонях держать
Белый свет от луны,
За солнечным зайчиком
Бегать, смеясь,
На водном трамвайчике
Вымокнуть всласть
Под тёплым июльским
Весёлым дождём
И шлёпать по лужам
Потом босиком...
Зимою деревья
В лесу обнимать,
Им сказки
Про радости мая шептать.
Во сне отрываться
От грешной Земли,
Бесстрашно летая
Средь звёзд кутерьмы.
От радости плакать,
С восторгом кричать,
В минуты лихие
Покой созидать...
Забыла
Про рощи сказать и леса,
Про горы и реки,
Про птиц голоса,
Про кошек, собак –
Наших братьев меньших,
Про зонтик
Про время грозы на двоих,
Про дождь в январе
И в июле пургу,
Про нежную прелесть
Цветов на снегу...

А всё это в целом –
Желание жить.
И просто за пазухой
Сказки носить!

29.11.2016 г.

Я не старости страшусь, а пустоты.
Только чтоб не доживать свой век,

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. «ЕСЛИ ТЫ НЕ УМЕЕШЬ ПАДАТЬ, ЗНАЧИТ, ТОЧНО НЕ МОЖЕШЬ ЛЕТАТЬ...»

К маяте придя из суеты,
Где в болезнях меркнет человек.

Я хочу отмеренный мне Путь
На предельной скорости пройти,
Чтобы не свернуть, не увильнуть,
Чтоб искать и все-таки найти.

Чтобы каждой клеткой ощущать,
Что живёшь, что, в общем-то, здоров,
Чтоб желанье было отдавать,
Чтоб, как в детстве, много ярких снов.

Я не старости страшусь. Нет-нет!
Не хочу я выпасть из седла
И уйти в трясины прошлых лет,
Радость жизни бросив «во вчера».

Боги, помогите не узнать,
Что такое Время доживать.
20.03.13.

Никогда ни о чем не жалею.
Не жди. Не планируй. Мечтай.
Если хочется - пой,
Если можешь – летай.

Если сегодня нет сил,
И обручем давит боль,
У друга их попроси,
Часть груза забрать позволь.

Устал. Не можешь идти.
Бывает. Но помни всегда,
Что светлячком на Пути
Подсветит твоя Звезда.
23.03.13.

ПУТЬ

Сыну
Путь прямой и ясный,
Путь прямой и светлый.
Он заложен в душу
Ниточкой приметной.

Есть на нем ухабы,
Ямки, грязь и лужи,
Гололёд, завалы
После зимней стужи.

Даже камнепады
Обрушает жизнь...
Ты ж иди, не падай
И Пути держись.

Разгребай завалы.
Камни убирай.
Если силы мало,
Сядь и отдыхай.

Только по прямой,
Пожалуйста, иди.
Не виляй, не пяться
И держись Пути.

Каждый новый день –
Это новый шаг.
Да, бывает лень,
Коль в душе бардак.

Да, бывает так
Хочется свернуть!..
Если в сердце мрак,
Тягостен тот путь.

Компас на Пути –
Радость, доброта.
Цель, что впереди, -
Ясность на года.

Каждый новый день
Солнечно встречай.
Если рядом Друг,
Лаской привечай.

Главное всегда
На своём пути
Людям помогай.
И свети! Свети!!!
27.05.13

Народный писатель Якутии Семен Руфов и народный поэт Якутии Василий Сивцев.

Семен РУФОВ,
народный писатель Якутии

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал
Игру его любил отец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облекал...*

А.С. Пушкин

В первые сонеты – 14-строчные формы стихов зародились в XIII веке в Италии, но они сейчас распространены по всему миру. Раньше формы написания сонетов соблюда-

лись строго, затем все это постепенно перешло в более свободную форму. Так появились итальянские, французские, северные (английские) формы сонетов. Известно, что вышеупомянутые в сонете Пушкина великие поэты искусно владели техникой написания сонетов: Петрарка написал свыше 317 сонетов, Шекспир – 154, Камознс – 350. Также Пушкин упоминает имена англичанина Вордсворта, поляка Мицкевича и своего друга Дельвига, которые с помощью чувственных сонетов воспевали природу и любовь.

Сложностью своей формы сонет требует от поэта особого умения и усердия. А самая наивысшая форма в этом жанре – это «венок сонетов», состоящий из 15 сонетов. В нем есть так называемый магистрал – заключительный 15-й сонет, который слагается из первых строк остальных 14 сонетов. Он связывает между собой все части «венка» и раскрывает основное содержание всего произведения. Поэтому, поэт, взявшийся за сонет, первым делом пишет магистрал.

Я впервые с воодушевлением прочитал «венок» Валерия Брюсова «Светоч Мысли», написанный им в 1918 году – это был гимн человеческой силе духа! Но, даже такой формалист как Брюсов в некоторых местах нарушал правила рифмовки (например: кольцевая рифма «абба» в некоторых местах превращается в перекрестную рифму «абаб»), иногда вместо нужных 11 строк он сделал 13 строк. Этим примером я хотел показать, насколько сложен жанр сонетов, что самому мастеру стихосложения не удалось добиться полностью идеальных форм. Также трудно приходится и якутским поэтам, пробующим себя в написании сонетов.

В романе «Пушкин» московской поэтессы Л. Серостановой, состоящем из 512 сонетов, описывается жизнь великого поэта от рождения до самой смерти. Также был представлен перевод этих сонетов на английский язык, сделанный мужем поэтессы Уолтером Мэйом. Я не знаю, насколько удачно был сделан перевод, но в русском тексте (не вдаваясь в анализ содержательной стороны текста, хотя я заметил некоторые упущения фактов и сомнительный субъективный взгляд автора) я встретил много слов, строк, слабых рифм, не отвечающих форме сонета.

Роман «Евгений Онегин» Пушкина был напи-

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

сан 14-строчными строфами, что очень походит на форму сонетов. Я считаю, что в применении именно этой формы и заключается секрет легкости и хорошей запоминаемости произведения. Но, следует учесть уникальный талант Пушкина: умение правильно подбирать и сочетать слова по звучанию, которые ласкают слух любого читателя. Поэтому, говоря, не всякому дается это умение – писать сонеты. Сонет – это созревшее большое произведение. Поэтому Пушкин назвал произведение «Евгений Онегин» романом в стихах, а не романом в сонетах!

В нашу якутскую поэзию жанр сонетов вошел довольно давно. Лирические сонеты Ивана Гоголева были превосходными. Талантливым молодым поэтом Альбертом Виллойским (Егоровым), умершим очень рано, был написан неплохой «веннок» (наверное, Альберт был одним из первых, кто попробовал себя в этом жанре). За ним «венки» родились и у Моисея Ефимова, Вениамина Миронова («От ыйа»), Василия Алексеева и др. Своей решительностью и твердостью духа наша якутская поэзия еще раз доказывает свою зрелость и возможность представлять сложный жанр сонетов на родном языке. А книга с 454 сонетами талантливого поэта Василия Сивцева является настоящим свидетельством этому.

Читатели знают Василия Сивцева как высококультурного, эрудированного поэта, критика и публициста. Он начал писать сонеты не так уж много лет назад, и его творческая работа, можно сказать, проходила у нас на глазах. Поначалу большинство его сонетов относились к любовной лирике, но поэт не стал останавливаться на этом, его вдохновение словно маленький ручей, разбежавшийся до большой реки, широко расплескало свои границы. Василий Сивцев изучал много литературы, перечитывал поэтов, советовался. В результате огромной кропотливой работы количество его сонетов постепенно росло. Все, что окружало поэта, происходящие события, его чувства и переживания облекались в строки сонетов. Некоторую часть сонетов иногда печатали в газете, которые всегда с неизменной радостью встречали и читатели, и друзья. Это придавало ему сил двигаться дальше. Так были написаны первая сотня сонетов, затем вторая сотня, третья... Василий мечтал выпустить книгу сонетов, хотя в тот момент с этим

было так сложно! Друзья поэта подбадривали его: ты сам не знаешь, за какое великое дело ты взялся.

Читая творчество Василия Сивцева, отмечу использование им свободного стиля в форме сонетов и в их содержании, что по современным меркам считается нормальным. Его сонеты больше близки к английской форме. Это значит, что количество слогов в строке не всегда являются одинаковыми, а система его рифм могут быть разными. Поэт больше предпочитает закрытые катрены «абба», терцы же (последние шесть строк) часто встречаются разные. Такие сонеты более воздушны, тем самым удобны для чтения. Автор также решил не загонять себя в рамки условных правил соблюдения тезиса-антитезиса-синтеза в содержании.

В сонете предпочитается строгое правило рифмовки, так как хорошая качественная рифмовка может зацепить всю строку. Слабые рифмы в сонете все равно, что дом без дверей. Я всегда говорил своему другу Василию о необходимости соблюдения одинакового количества слогов в одной строке с учетом всех рифм. Он несколько раз редактировал свои стихи, если что-то еще осталось исправить, думаю, в следующих публикациях он это сделает. Потому что каждый поэт, писатель при жизни всегда оттачивает свое произведение.

Однажды на 200-летие Пушкина в Михайловском Василий Тарасович с большим воодушевлением и радостью сказал:

– Как хорошо быть живым и стоять на международном празднике Великого Поэта. Это и есть счастье! Я завершу свою книгу «венком сонетов» о Пушкине. Тогда у меня получится ровно 456 сонетов!

– Это гениальная идея, – ответил я. – Заверши книгу достойно «венком», словно шапкой Мономаха. Во всем мире, наверное, нет такого поэта, который написал столько сонетов!

Да, действительно, если хорошо оформить сборник сонетов Василия Сивцева, то это может стать отличным подарком даже на свадьбу молодоженам. Люди будут дарить его друг другу, как это делают с поэмой Руставели!

1999 г.

Перевод с якутского Марии Никитиной.

Василий СИВЦЕВ,
народный поэт Якутии

Я СОЛНЦА СВЕТ, ТЕПЛО ДАРЮ, РОЖДАЯСЬ ЗАНОВО В ЗАРЮ...

(сонеты из книги "Водопад")

88

Под сводом небесной пустоты
Холодные ветра силы напрягли,
И в мощный вихрь следом запрягли
Облак мимолетных белые черты.

Зажурчали воды темные
По лесам, горам, долам широким.
Над аласом моим родимым
Вскружили ветрища шумные.

После этой бурной разборки
Стали мысли яснее, добрее,
Жизнь снова сложилась на полки...

Светлые думы наши смелее
Помогают творить и клеить обломки,
В дорожку зовя поскорее.

13.10.96

96

Человек, состарившись, узнаёт,
Как жизнь бывает коротка
И сердце плачет не от пустяка,
Будь он моложе, не поймет.

Спыхватится, чтоб многое успеть,
Захочет что-то поменять или исправить,
Но не получится на место прежнее поставить,
В бессилии вскрикнет, не желая стареть.

Я сам от них недалеко ушел,
И жизнь как будто тоже проморгал,
Как все люди я искал, чего-то не нашел,

Но все же многим чем-то помогал,
Когда был счастлив, песни пел,
Со всеми вместе гордо я шагал.

08.12.96

103

Звук якутского хомуса зазвучал,
И я внезапно озарился, понимаю:
Что прошлое народа потеряю,
Ведь я историю свою не почитал.

И этот чудный звук родной и близкий
Поймет, споем любой народ,
Не нужно будет делать перевод
Языка саха на русский иль английский.

Его магическое пение
Очистит души, окрылит
И донесет свое послание.

Он сердце наше оживит.
Возобновим же звук традиций –
Хомус нам веру сохранит.

114

Холодный свет как месяц источаю –
Мне грустно на душе и одиноко.
От этого не хорошо мне – плохо,
И всех, кто рядом с болью отторгаю.

Когда же я безумно рад –
Я солнца свет, тепло дарю,
Рождаясь заново в зарю,
Как птица, что поет у врат.

Знаю, это сила волшебная,
Что радость в труде прибавляет,
Быть может она очень редкая.

И сто лет человек проживает,
Эту тайну с небес получая.
А бог меня этим не обделяет?

116

Открытие сделать я хочу:
Хотя бы озеро найти,
Новую звезду в ночи –
Знать неизведанное в быту.

И в радости и в горе
Есть тайна, словно мрак.
И сердце замирает так,
Как будто с телом в споре.

Путь другой, быть может, он опасен,
Как безмолвная лесная тьма.
Молодецкий пыл мой здесь напрасен.

Никто не сможет дать ответа,
Что чья-то жизнь длинее, у кого короче,
Кроме всевышнего и божьего завета.

*ПЕРЕВОД С ЯКУТСКОГО
МАРИИ НИКИТИНОЙ*

Василий ЖИРКОВ,
заслуженный работник
образования РС(Я)

МАЭСТРО ДЕТСКОГО BEL CANTO

Широко известный не только в Якутии, но и в России и за рубежом образцовый вокально-хореографический детский народный ансамбль «Кэнчээри» – детище заслуженного работника культуры России, Якутии, отличника образования РСФСР, СССР, РС(Я), почетного гражданина Усть-Алданского улуса, мелодиста, композитора-песенника, общественного деятеля, подвижника детского вокально-хорового искусства, просветителя, маэстро детского бельканто – Василия Степановича Парникова.

В 1976 году, впервые услышав пение ансамбля «Кэнчээри», я был восхищён звучанием хорового коллектива. Это был высокохудожественный образец звучания детских голосов, идеал, к которому стремится ухо каждого педагога в работе с детским хором – высокий, полётный звук на хорошем дыхании, в серебристо-хрустальных обертонах, окрашенный во все цвета звуковой палитры во всём диапазоне детских голосов.

Как же он добивается таких высоких вершин в труднейшей профессии хормейстера, руководителя детского хора? Из года год, на протяжении многих десятилетий Василий Степанович выращивает новых и новых юных певцов, которые покоряют специалистов и слушателей разных стран.

На репетициях хоровой группы ансамбля «Кэнчээри» замечаешь, как Василий Степанович обращает пристальное внимание детей на звучание каждой фразы в высокой позиции, в головном резонаторе. Ни один звук, ни какие нота и слог не должны звучать блёкло и тускло.

Василий Степанович характеризует этот звук, как «дьүрүһүтэ ыллааһын» – звонкое вибрирующее пение, издающее живой, переливающийся, журчащий

В.С. ЖИРКОВ. МАЭСТРО ДЕТСКОГО BEL CANTO.

звук. Он должен быть живым, одухотворенным, осмысленным каждым ребёнком-исполнителем, дающим звук в высоком певческом формате. Этому хормейстер уделяет много времени и внимания.

Каждый ребёнок ищет блеск, серебристость своего голоса. Атмосфера репетиций бывает свободной и деловой. Конечно, руководителем ансамбля учитывается увлеченность, требуется осмысленность певческих задач каждым певцом.

Если рассказать подробнее о руководителе ансамбля Парникове Василии Степановиче, то он родился в мае 1945 года в семье сельских тружеников. Мама – Евдокия Семёновна – была дояркой, отец – Степан Николаевич – председателем колхоза. В семье никто не занимался музыкой. В четыре года Василий впервые услышал звуки гармошки. Тогда на участке, где жила семья, не было ни радио, телевидения. И это было чудо для юного слушателя! Маленький Вася не отходил от гармошки и всё хотел, чтоб она звучала. Позже, после смерти отца, живя и обучаясь в интернате, Вася познакомился с нотами и инструментами. В интернате был духовой оркестр, в котором играли воспитанники интерната. Там же в интернате Василий научился играть на баяне.

Трудовую деятельность Василий Степанович начал в 1963 году художественным руководителем Дюпсунской средней школы. Работал учителем истории, музыки, физкультуры в Оспёхской, Наяхинской школах.

В это время был создавался знаменитый хор Наяхинского наслега Усть-Алданского улуса, который позже стал “Наяхинским народным танцевально-хоровым коллективом”. Коллектив хора организовал и работал его руководителем талантливый хормейстер Васильев Семён Гаврильевич. Не имея специального образования хормейстера, повышая свою квалификацию на курсах хормейстеров, Семён Гаврильевич создал хоровой коллектив, который стал широко известен в Якутии и России, завоевав звание лауреата многих конкурсов в Якутске, Иркутске, Москве, Чите и Магадане. Наяхинский хор пер-

вым из якутских самодеятельных хоровых был записан на Всесоюзном радио и на грампластинку фирмы “Мелодия”.

Василий Степанович пел в Наяхинском хоре 12 лет. Он был и артистом хора, и солистом, также выполнял общественную работу – старосты хора и комсорга. Деятельность Василия Парникова в Наяхинском хоре послужила ему своеобразным музыкальным университетом. Он всю жизнь учился, повышая свою квалификацию музыканта-хормейстера.

Работа над академическим пением кропотлива и долговременна. А ведь это был неизвестный хоровой коллектив из дальнего села. Яркое выступление только что основанного коллектива “Кэнчээри” говорило о мастерстве и таланте хормейстера ансамбля.

В связи с первыми выступлениями ансамбля «Кэнчээри» сразу появились восторженные отзывы о его творчестве.

В 1976 году завуч музыкального отделения ЯПУ, хормейстер Геннадий Куртов взволнованно выступил перед студентами отделения: «Вот вы послушали, как прекрасно поют дети из сельской восьмилетней школы!.. А когда вы, будущие учителя музыки, будете петь как они?»

В 1978 году главный хормейстер Дворца детства Узбекистана сказал: «Удивительно, как звонко поют дети из далекой северной страны! Мы еще не умеем так петь».

На научно-практической конференции 1979 года после первого Всероссийского музыкаль-

ного праздника в Перми было высказано такое мнение: «Песни «Кэнчээри» якутской делегации профессиональны, танцы поставлены на классической основе. Выше всех похвал!»

После этого на адрес Мюрюнской восьмилетней школы руководителю ансамбля «Кэнчээри» В.С. Парникову пришло письмо: «Уважаемый Василий Степанович! Правление Всероссийского хорового общества всем участникам вокального ансамбля «Кэнчээри» Усть-Алданского района и Вам лично за успешное участие в концерте Всероссийского музыкального праздника школьников, прошедшего в городе Пермь с 5 по 10 декабря, объявляет благодарность! Желаем еще больших успехов в творческой работе.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

Председатель правления Всесоюзного хорового общества, Народный артист СССР, композитор, хоровой дирижёр Владислав Геннадьевич Соколов Москва. 26 декабря 1979 г.»

В этом же году ансамбль «Кэнчээри» был приглашен на Центральное телевидение участвовать в передачах «Молодые таланты» и «Весёлые нотки».

Летом 1979 года в Ялте, в международном лагере «Спутник», начальник по политической работе В.С. Шипко сказал: «Дорогие маленькие друзья! Большое спасибо за Ваши песни и танцы! Советские и зарубежные гости уходят с концерта с большим удовлетворением. Всем очень понравилось Ваше выступление! Молодцы! Просто прекрасно! Вам давно пора высту-

пать за границей. Успехов всем в искусстве!»

Заслуженный деятель искусств РСФСР, художественный руководитель хоровой капеллы мальчиков в г. Горьком (ныне Нижний Новгород), организатор и руководитель камерного хора Горьковского хорового общества, профессор горьковской консерватории, член правления Всесоюзного хорового общества, композитор Лев Константинович Сивухин услышав выступление «Кэнчээри», похвалил: «Вы поёте прекрасно! Можете выступать где угодно!»

В 1983 год. Главный хормейстер ансамбля песни и пляски им. В.С. Локтева Московского Дворца пионеров А.А. Егорова, повторно пригласив для показательного выступления ансамбль «Кэнчээри», перед хормейстерами

московского Дворца пионеров, сказала: «Слушайте, как технически поют дети, какое дыхание, какая выразительность! Большое спасибо, ребята! Приглашаем Вас на Новогодний вечер Дворца!»

Высоко оценивая выступление «Кэнчээри», художественный руководитель и главный дирижёр Ансамбля песни и пляски Московского дворца пионеров, заслуженный деятель искусств РСФСР А.С. Ильин отправил благодарственное письмо в адрес Мюрюнской восьмилетней школы: «Коллектив действительно показал высокое хореографическое искусство. Думаем, ансамбль является гордостью Якутии! Благодарим участников ансамбля «Кэнчээри» и его руководителя за искусство!»

Редакция газеты «Пионерская правда» писала: «В Союзе нет коллектива такого уровня в образовательной школе! Просто прекрасно! Спасибо за большое искусство!»

В 1985 году во время Международного детского фестиваля в рамках XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» главный редактор

Чехословацкого радио Мирослав Турек сказал: «От всего сердца я ставлю «пятёрку» нашему другу В.С. Парникову и его коллективу за выступление ансамбля в Артеке на Международном детском празднике! Пусть всегда встречаются наши зрители с такими мастерами искусства, как ансамбль «Кэнчээри»».

Заслуженный работник культуры России, организатор и художественный руководитель многочисленных хоровых коллективов в Новосибирске, в том числе известного студенческого любительского академического хора Новосибирского электротехнического института, профессор Новосибирской консерватории им. М.М. Глинки Юрий Александрович Брагинский во время республиканского семинара по развитию хорового искусства в Якутии сказал: «Василий Степанович, извините меня, пожалуйста. Я позавчера неправильно выразился об уровне хорового искусства в Якутии. Оказывается, Вы достигли европейского уровня развития! Большое спасибо за высокое искусство!»

Жак Карро, учёный-филолог из Франции, переводчик Национальной библиотеки Пари-

В.С. ЖИРКОВ. МАЭСТРО ДЕТСКОГО BEL CANTO.

жа отметил: «...В Мюрюнской школе меня поразила детский ансамбль, руководимый месье Парниковым... Участники ансамбля «Кэнчээри» поют почти как профессионалы, это меня поразило и обрадовало. Меня тронули французские песни в их исполнении».

В 1992 году Генеральный консул РФ в Тунисе Б. Чигорин после выступления на международном фестивале в Тунисе сказал: «У нас бывают многие коллективы со всех стран мира. Они выступают в одном жанре. Я не видел до сих пор такого универсального коллектива, такого профессионального уровня, как Ваш коллектив! Ваши дети также талантливы, но очень скромные в повседневной жизни. А на сцене так преображаются, выступают от души. Я до сих пор не знал якутов. Раз дети такие талантливые, то представляю, как талантлив ваш народ. А ваш президент очень мудр, раз так заботится о своих детях, за будущее своей республики. Большое спасибо за высокое искусство!»

В 1994 году Клод Гоазген, вице-мэр Парижа восхищён: «Ваши песни профессиональны, танцы прекрасны! Я даю Вам первое место и приглашаю в Париж!»

... Идёт время, меняются люди, исчезают и возникают государства, а слава, признание, характеризующие творчество ансамбля «Кэнчээри», остаются!.. Это феномен!

2003 год. Международный фестиваль в Турции: «Кэнчээри» покорила Турцию! Мы еще раз приглашаем Вас в следующем году!»

В 2006 году Председатель комитета по материальным ресурсам Государственной Думы России Н.В. Комарова сказала: «Я не думала в сельском районе встретить творческий коллектив такого высокого уровня мастерства, как этот ансамбль «Кэнчээри»! Просто восхищена талантом, мастерством детей! Спасибо большое за прекрасный концерт!!!»

Август 2007 года. Директор Фестивального комитета Г.В. Скворцова выразила благодарность: «Уважаемый Василий Степанович! Оргкомитет Международных фестивалей Международной программы «Жизнь городов» выражает Вам искреннюю признательность

и благодарность за содействие в организации поездки во Францию образцового детского коллектива «Кэнчээри» (с. Борогонцы) под Вашим руководством и его участие в Международном фестивале «Хрустальная лира». Ансамбль с большим успехом выступал на разных концертных площадках в Порт-Баиле (Нормандия), достойно представил Республику Саха (Якутия) и Россию на международном мероприятии. Коллектив награжден специальным призом и Дипломом Гран-При фестиваля. Оргкомитет фестиваля высоко оценил выступление ансамбля во Франции, вклад в популяризацию российского искусства за рубежом, укрепление международного имиджа России... С удовольствием примем коллектив на наши международные фестивали».

7 декабря 2007 года Главный регент храма Христа Спасителя в Москве удивился: «Неужели это дети поют?! Они прославили Якутию!»

Алексий II, Патриарх Всея Руси отметил: «Исполнение якутских детей на высоком уровне литургических произведений показывает развитие духовности до самых северных окраин нашей необъятной России!»

Владыка Зосима, епископ Якутский и Ленский тоже не остался в стороне. Он подчеркнул: «Исполнение детей ансамбля «Кэнчээри» и хора «Соловушка» в храме Христа Спасителя – это эпохальное событие, это прорыв в духовном и культурном развитии Якутии!»

В сентябре 2012 года организаторы 30-го народного фестиваля туризма и искусства в г. Лоянь (Китай) объявили: «Ваш коллектив самый лучший!!!»

А 25 ноября 2012 года главный регент Храма Спасителя в Москве И.Б. Толкачев выразил свою признательность: «Ваши дети отлично поют! Большое спасибо за сотрудничество!»

29 ноября 2012 года С.А. Возной, главный регент Казанского кафедрального собора города Санкт-Петербурга снова подтвердил мастерство воспитанников Василия Степановича: «Ваши дети прекрасно спели! Большое спасибо за успешное участие в богослужении!»

В 2015 году преподаватель института им.

Гнесиных М. Александрова выразила своё восхищение: «Я восхищена исполнением детей ансамбля. Сперва не поверила, что это дети поют. Какие чистые, сильные голоса!!!»

2015 год. Ш. Вудворд – президент Всемирной организации музыкального образования (США): «Я восхищена одаренностью и гениальностью этих детей!»

Сколько бы времени ни прошло, внимание к ансамблю не угасает. В 2016 году во время Всероссийской независимой экспертной комиссии Москвы Международного форума «Инновация и развитие» ансамбль «Кэнчээри» и его руководитель Василий Степанович Парников получил много восторженных отзывов о творчестве ансамбля.

Да, за эти годы, когда в нашей стране шли огромные социальные преобразования, ансамбль «Кэнчээри» сохранил и развил свое творчество. Благодаря огромной целеустремленности, постоянству руководителя, внедрению им своей уникальной собственной методики выращивания и развития детских голосов, ансамбль «Кэнчээри» не утратил своё искусство, а преумножил его.

Все достижения ансамбля, подтвержденные профессионалами-музыкантами, говорят о том, что В.С. Парников педагог-новатор, хормейстер, сумевший создать детский певческий коллектив универсального исполнительского мастерства. Диапазон исполнительского мастерства воспитанников детского ансамбля «Кэнчээри» распространяется от этнического фольклора до мировой классики. Прекрасно звучат произведения Каччини, Перголези, Моцарта, Глюка, русская духовная музыка. Поэтому Василия Степановича можно назвать основателем первого универсального детского коллектива, исполняющего произведения, как в академической, так и народной манере.

Конечно, ансамбль «Кэнчээри» является достойным брендом и визитной карточкой музыкальной культуры Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации.

Ещё в начале творческого пути ансамбля первый профессиональный хормейстер Яку-

тии, народная артистка РС(Я), заслуженная артистка РСФСР и ЯАССР Ф.А. Баишева, будучи председателем Якутского хорового общества, писала о Василии Степановиче, как о хормейстере-самородке, который учит детей пению академическому и одновременно – в народной фольклорно-этнической манере. Ф.А. Баишева благославила В.С. Парникова на вокально-хоровое творчество.

Н.С. Толбонова, заслуженный работник культуры РС(Я), бывший директор Республиканского Дома народного творчества пишет: «... Этот коллектив стал гордостью хорового исполнительства не только Республики Саха (Якутия), но и России.

Надо заметить, что сегодня по всей России нет ему подобных детских любительских хоровых коллективов, которые бы на протяжении многих лет функционировали и достигали такого исполнительского мастерства, как «Кэнчээри». Василий Степанович воистину является феноменом в музыкальной практике, которому надо поклониться и преклониться. Он того достоин!»

Ещё в 80-х годах Василий Степанович выдвинул концепцию, что детей можно и нужно обучать сразу трём направлениям пения: академическому, народному и эстрадному. Конечно, среди педагогов вокала академического стиля случился переполох! Как? Ведь это три разные, взаимоисключающие манеры исполнения!

Здесь нужно пояснить, что якутское народное пение имеет свою специфику и требует достаточной подготовки и особого мастерства. Якутское народное пение в стиле «дьиэрэтии» и «дэгэрэн» требуют многочисленных призывков при пении, мелизмов, вздрагиваний, особой вибрации голоса. Вокалисты-академисты всегда считали и считают, что народное пение портит академический голос, так как является «горловым».

Но Василий Степанович решил доказать на практике обратное. И результаты налицо. Все дети ансамбля могут и умеют петь в академической, народной (фольклорно-этниче-

ской) и эстрадной манерах. И это могут дети из якутской сельской глубинки! Благодаря этому, в 2009 году ансамбль впервые в Якутии поставил детский вариант оперы «Нюргун Боотур Стремительный» П.Ойунского на либретто Суорун Омоллоона, музыку М. Жиркова и Г. Литинского по сценарию и режиссуре Василия Парникова.

Постановка оперы-олонхо в детском варианте имела большой успех. Запись данной постановки оперы-олонхо служит наглядным пособием и на уроках музыки, и на уроках якутского языка общеобразовательной школы.

Саргылана Максимова – воспитанница ансамбля “Кэнчээри”, проректор АГИКИ, кандидат исторических наук – отмечает полную социализацию и адаптацию детей в разновозрастном коллективе: “В ансамбле были выработаны свои оригинальная структура и стиль организационного поведения: самоуправление и самоорганизация. Особенно это было нужно в поездках, на гастролях, когда мы были в коллективе как один человек. Все удивлялись нашему поведению и организованности. А какую ответственность нёс наш руководитель! Специалисты говорили, что мы в совершенстве владеем академической

манерой исполнения. Конечно, залогом успеха коллектива стал неутомимый постоянный труд талантливого руководителя ансамбля – Василия Степановича Парникова».

Озвучивая педагогическую деятельность Василия Парникова, обозначая его как большого мастера – маэстро детского Bel Canto нужно оглянуться назад. Какую армию воспитанников, певцов, патриотов своей республики, Родины им воспитано!

Сколько из них стало профессиональными музыкантами, сколько стало классными педагогами, сколько работает в народном хозяйстве! Это – одна большая семья! Благодарность создателю, художественному руководителю ансамбля “Кэнчээри” – Парникову Василию Степановичу за настоящее большое искусство!

Иван Никитич Корякин-Бетюнский родился в 1938 году в Амгинском улусе. Является членом Союза журналистов РФ, СССР, Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей РС(Я). Он обладатель премии “Золотое перо” по номинации “Освещение жизни сельчан” Союза журналистов Республики Саха (Якутия), лауреат премии им. Прокопия Караканова-Бурдук Буокая, награждён знаком В.В. Никифорова-Кюлюмнюра.

Отличник печати, советской торговли и сельского хозяйства РС(Я). Почётный гражданин Амгинского улуса и Бетюнского наслега, почётный ветеран РС(Я), обладатель знака “Гражданская доблесть”.

Автор детских книг “Белые крапинки на шерсти”, “Санда и Памусик”, “Санда за границей”, “Удивительный миг”, “Жестяное ухо”, “Как помог туюсок”, “Снежный забор”.

Автор сборника стихов “Родная земля”, очерков “Тёплое дыхание Амги”, песен “Плыви, моя Амга”, “Высеки светлую искру”. Составитель книг по истории родного наслега и Амгинского улуса “Любимый Бетюн”, “Желая облегчить людям жизнь”, “Анна Совет”, “Приоткрывая завесу времени, создавая будущее”, “Госпожа алааса Туора” и др.

Стихи и рассказы Ивана Бетюнского были напечатаны в сборниках “Алгыстаах айанна” (“Благословенному пути”), “Оһуор” (“Узор”), “Полуостров любви”, журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», а также в республиканских газетах.

Иван БЕТЮНСКИЙ

“ЗОВУ СЕРДЕЦ СВОИХ ОТЗЫВАЙТЕСЬ...”

КАК МЫ ЖДАЛИ ТЕБЯ, ТЕПЛЫЙ МАЙ

Как мы ждали тебя, тёплый май,
Чтобы выйти в леса погулять.
На ветвях, глазок, набухай,
Чтоб потом листвою сиять.

Как мы ждали тебя, светлый май,
Чтоб увидеть в реке ледоход.
Снег в полях, сейчас же растай,
Чтоб пошли с ребятнёй мы в поход.

Как мы ждали тебя, синий май,
Чтобы уток прилёт подловить.
Сон трава, скорей расцветай,
Чтобы внучке букет подарить.

Как мы ждали тебя, милый май,
Чтобы радость свою растрюбить.
Голос свой, кукушка, подай,
Чтобы уши мои усладить.

Как мы ждали тебя, свежий май,
Чтобы в солнца лучах посидеть.
С теплотой меня принимай,
Не забудь нашу землю нагреть.

Как мы ждали тебя, славный май,
Чтобы выйти гурьбой на парад,
Чтобы встретить с тобой Первомай,
Посмотреть салют стар и млад.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАНЫЕ ДНИ.

Как мы ждали тебя, чистый май,
Чтобы лето с тобою встречать,
Силы духа нам всем пожелай,
Чтоб трудиться и отдыхать!

РОДНОЙ ЯЗЫК

С грудничковых годов
С молоком я впитал
Звуки маминых слов
И под песни я спал.

Голос мамы звучал.
Под него я мечтал
Человеком расти,
Миру счастье нести.

Резво в школу бежал,
Я уроку внимал,
Хорошо понимал,
Что учитель сказал.

Песни пел тойуксут¹
Всем известный в селе.
Был он сед, стар и крут,
С ободком на челе.

Олонхо распевал
В балагане зимой,
Он тогда чаровал
Душу, ум-разум мой.

С сотней разных парней
Я солдатом служил.
Среди этих людей
Я язык не забыл.

По-якутски писал
Письма девушкам я
И стихи сочинял
На родном языке.

Так и вырос, друзья,
Человеком я стал.

Всё, что думаю я
По-якутски сказал.

Это счастье, что есть
Мой родимый язык.
Я могу всё прочесть,
Написать – не забыть.

И потомкам своим
Что оставить мне есть –
Бережно нами храним
Наш язык – наша честь!

Благодарен судьбе,
Также, мама, тебе,
Что речь древних владык –
Наш якутский язык

Через годы прошёл,
Не ушёл, не отцвёл,
Не пропал, не отстал,
Нашей светочью стал.

Береги же язык –
Без него ты безлик.
Это счастья тайник,
Без него бы ты сник...

ТИХО ПЛЕЩЕТСЯ ОЗЕРО САЙСАРЫ

Не поблѣкнут в веках его чары.
Тихо плещется наше Сайсары,
Что в долине Туймаада блестит
Меж берѣз и каменных плит.

Огради его, житель Якутска,
От грязи и стихийных бедствий.
О, когда же люди очнутся?
Может, не знают последствий?

Давайте, друзья, сохраним
Прекрасное озеро мы,
Давайте его превратим
В зону отдыха вместе с детьми.

Молодёжь к берегам соберётся
И веселье в души ворвётся –
Всех любовью окутаешь ты,
Распустив на клумбах цветы.

Пусть влюблённые тихо пройдутся
По дорожкам вдоль берегов,
Пусть в сердцах и душах зажгутся
Чувства самых разных родов.

Я люблю тебя, озеро наше,
Твою ровную гладь, ширину –
Ты становишься краше и краше
Голубую сгоняя волну.

Госпожа ты, озеро наше,
На твой образ как Богу молюсь.
Помогай своим детям ты чаще,
А я светом души поделюсь.

ДЕТИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Пули над ухом визжат...
Фашизм во всём виноват...
Никого из людей не жалела
Война, что нуждой одолела.

Советской страны молодёжь
Пала жертвой в поле боёв
Под орудий истошный рёв.
Никого уже не вернёшь.

Кто смелее, сильнее, ушли
В поле брани нас защищать.
Сиротелые сёла вдали
Оставались их ожидать.

Год засушливый вдруг наступил,
Саранчой поля облепил,
Ни травинки не проросло,
Ни колосьев, как будто назло.

Нет ни одежды на детях,
Ни еды на столе в этот год.

Лишь мечтали дети о снедах,
Становилось больше сирот.

Щёпоть муки да глоток молока,
Травы с полей, сосна да ботва
Голод умеривали лишь слегка,
Путь к смерти прикрыли только едва.

Ребёнок, женщина, старик
Держали тыл для фронта прочно.
От них зависел напрямик
Исход боёв. Уж это точно.

Побеждая в себе эти беды,
Каждый житель решил для себя:
“Всё для фронта и всё для Победы!”
И работать, не помня себя...

Каждый день непосильной работы
Добавлял и детям заботы:
Победить фашизм косою,
Желали дети порою.

Но вот, красное знамя Победы
На Рейхстаг водрузили солдаты.
И над Родиной светлое солнце
Светит, и флаг гордо вьётся.

И налаживать стали на свете
Нашу жизнь – города и сёла –
Тех военных лет лихих дети,
Такова им досталась доля.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИЗОБИЛИЕ ОСЕНИ!

Когда наступают морозы
И инеем стянет плетень,
Забивают скотину колхозы
На церковный Дмитриев день.

На Покров выбирают коровок
И кормят отборной травой.
В ноябре этих буйных головок
Отправляют на мясо в забой.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

80 ЛЕТ ПОЭТУ ИВАНУ БЕТЮНСКОМУ

В каждой семье домочадцы
Запасаются яствами впрок,
Ожидают сестрички и братцы
Пожирнее мяса кусок.

Оживляются разом хозяйки,
Набирают сукровицу, кровь,
Для колбас это будут начинки,
Потроха для зимних чаёв.

То и дело слышны издалёка
Посуды, ножей перестук,
Это будет сейчас без намёка
Стряпня и готовка подруг.

Ежегодно к застолью зовёт
В честь забоя праздник щедрот.
В клубе после труда и работ,
Продаёт продукты народ.

Ребра телят, жеребят потроха,
Сóрат², сметана, морс, быппах³ налит.
Оладьи и вафли, лепёшки, чохоон⁴ –
Изобилие осени нас удивит!

Пирожки и котлеты, тефтели, салат,
Шашлыки и лангеты, булочки в ряд –
Ароматом своим заполнили зал,
Вот взял бы в тарелку всё и забрал!

Варенье, капусту, картошку возьмишь,
Сладостей детям своим наберёшь,
Всё, что угодно душе ты найдёшь,
Купишь – к семье домой понесёшь.

У клуба машины стоят и дымят,
Всем хочется что-то купить и продать.
Отборного мяса хоть завались,
Радуйся только и зиму трудись.

Колбасу кровяную взять не забудь,
Карасей хоть немного для жены ты добудь.
Загружай-ка ты санки по полной, мой друг,
Возвращаться ведь будет уже недосуг.

Сельским хозяйством, друзья, занимайтесь,
Сено косите, живность держите,
Зову сердец своих отзывайтесь,
По обычаю предков наших живите!

И будет тогда наша жизнь прекрасной,
Преклонному возрасту и неподвласной.
Прославим родную нашу природу,
И споем всем селом ей чудесную оду!

*Перевод с якутского
Ираиды Поповой*

1 Тойуксут – народный певец-импровизатор.
2 Суорат – кисломолочный продукт.
3 Быппах – кумыс из коровьего молока.
4 Чохоон – застывшее сливочное масло, взбитое с тёплым молоком.

Коротко о себе: пишу стихи с детства, в том числе и для детей. Родилась в 1955 году в Киргизской ССР в семье офицера. 20 октября 2010 года вступила в Союз писателей России. Ветеран труда Ставропольского края. Проживаю в г. Михайловске Ставропольского края.

Издала книги лирических стихов: «Созвучие», «Созвучие-2», «А лето всё-таки придёт», «Цветы и облака», «На июльских перекрёстках»; стихи для детей «Летающий цветочек», сказки в стихах: «Шесть белых цветочков для спасения бабушки», «Вкус соли», «Происшествие на Гамме».

Стихи публиковались в журналах: «Литературное Ставрополье», «Бийский вестник», «Нижний Новгород», «Ставрополье XXI век», «45-я параллель», «Нана», «Голос Кавказа», «Литературный Кисловодск» и других.

Дипломант III Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова», категория «Мастер», 2017 г. Дипломант краевого литературного фестиваля-конкурса «Кубани слово золотое...», стихи для детей, 2017 г.

Наталья Владимировна Окенциц

Наталья ОКЕНЦИЦ,
Ставропольский край

ОЗЕРО СЧАСТЬЯ

ВОРОБЬИНОЕ УТРО

Скрипело красное крыльцо
О том, что счастья в жизни мало.
И небо звёздное дышало
Холодным воздухом в лицо.
Я снова в сумраке одна.
Понять-простить порою трудно...

Судьбу делить ни с кем не буду.
Уже закончилась она.
И лишь когда настало утро,
То показалось – воробей
Со мною весело и мудро
Судьбою делится своей.

СРОК ДАВНОСТИ

Разве поздно ворвался свет
Прямо в душу, пронзая тело?
За ошибки далёких лет
Я прощенье просить хотела.

Трепетала, ждала, звала.
На воде собирала блики.
Уходила на край села.
Только ветер меня окликнул.

Только поле смотрело вслед,
Провожая пернатых стаю.
За ошибки далёких лет
Ветер в поле меня прощает.

НАТАЛЬЯ ОКЕНЦИЦ. ОЗЕРО СЧАСТЬЯ.

ПОСМОТРЮ НА НЕБО

Я уже ничего не боюсь.
Облака – торжество над утёсом.
Что за грех моя светлая грусть?..
Заплела бы мне мамочка косы...

С облаками привет передам.
А кому? Да, конечно же, маме.
«Не устала? Не холодно там?» –
Я опять говорю с облаками.

Мама... Прочную нить не стереть.
Ты со мной, как великая сила.
Мы любили на небо смотреть...
Часто ссорились. Всякое было...

ВОСПРИЯТИЕ

Не умолкают голоса.
Весь мир на фоне ярких красок.
Он бесконечен и прекрасен:
Восторг, волненье, чудеса...

Весна – как символ перемен.
Цветы у самого порога.
И я прошу: «Не надо много...
Что я сумею дать взамен?»

К чему приводит каждый шаг?
Ответа точного не знаю.
И мир огромный принимаю,
Как дар великий – просто так.

РОДНЫЕ МЕСТА. ВОЗВРАЩЕНИЕ...

Много счастья на свете всякого,
От которого – слёзы из глаз.
Я увидела речку – заплакала.
Речка быстрая, горы – Кавказ.

Три орла небо меряют крыльями.
Что меня ожидает вдали?

И спешу я дорогами пыльными.
А душа обновилась. Болит...

Мне глаза улыбаются карие.
Та улыбка, как утренний свет.
Неужели разлуки состарили
Нас с тобою, подруга?.. Привет!..

МОЯ ПОЭЗИЯ

У поэзии тайная сила,
Что волнует порою до слёз.
Я с любовью частенько шутила,
Но стихи сочиняю всерьёз.

Я душой никогда не кривила,
Разбавляя свой крик тишиной;
За поэзией в небо ходила,
И спускалась под землю порой.

И она, моё сердце терзая,
Вырывается, просит: «Уйди!»
То ли это подруга плохая,
То ли свет, что ещё впереди.

У ЗАКРЫТОГО ОКНА

У закрытого окна осенью
Простодушные слова просятся.
Незабытый паренёк кашляет.
Простудился, будет ждать, кажется.

У закрытого окна ласточки
Закружили... к небесам ластанся.
И оторванные все листики
Ветер солнечным ковром выстелил.

У закрытого окна вечером
Обнимается заря с вечностью.
В душной комнате в слезах девушка, –
Не пускает погулять дедушка...

МОЯ ЖИЗНЬ – ЭТО...

Моя жизнь – это праздники, будни;
Это море, земля и лес;
То, что было и есть, и будет;
Это счастье и тяжкий крест;

Платье серое, белая скатерть;
Небо, солнце, луна, люди...
И на всё это сил хватит.
И улыбка для всех будет.

СТУДЁНАЯ ПОРА

Разыгралась зимой несусветная вьюга.
Я за дверь – в этот холод и шум.
За плохие стихи не похвалит подруга.
У Вселенной стихи попрошу.

На диване не пишут студёные строки,
И от чая не крепнет спина.
И не кажется небо безмерно глубоким.
В непогоду гуляю одна.

Стылый ветер лютует в кристальной аллее.
Разрывается снежная сеть.
В непогоду меня белый свет не жалеет.
А за что меня нужно жалеть?

ОЗЕРО СЧАСТЬЯ

Озера синь рябая...
Дно застилает илом...
А на прибрежных сваях
Доски – сплошным настилом...

Ляжешь на доски эти,
Бросишь рыбёшкам хлеба...
Рядом резвятся дети...
Кто же счастливым не был?

Нужно такую малость:
Бережно жить на свете,

Чтобы любовь осталась,
Чтобы погладил ветер.

Солнце роняет блики,
Детство зовёт упрямо.
Кажется, вдруг окликнет
И приголубит мама.

НА СВЕТЛОЙ ГОРЕ

Мою душу коварные воры
Обобрали сегодня до дна.
Кто со мной на зелёную гору?
Вот опять отправляюсь одна.

Ах, какие чудесные виды!..
Что за грех моя светлая грусть...
Постараюсь уйти без обиды.
Просветлённой обратно вернусь.

Горизонт, облака – это вечность.
Небо близко, а боль далеко.
И какой-то весёлый кузнечик
Прямо в сердце запрыгнул легко.

ДОВЕРИЕ

Моя жизнь пронеслась со свистом.
То ли явь, то ли сладкий сон...
Доверяла её таксистам
На загруженной трассе «Дон».

Доверяла врачам и скальпелям,
Доверяла учителям
И случайным мужчинам, мальчикам,
И заснеженным поездам.

Доверяла, казалось, многим.
Но, поверьте, в тяжёлый час
Доверяла всецело Богу.
Доверяю ему сейчас.

В ЛЕСУ

Я летом нынешним опять
 Ходила в лес, где страшно очень.
 Когда душа бродить захочет, –
 Её так сразу не унять.
 Я беззащитною была,
 Совсем одна в лесной пучине.
 Теперь в лесу холодный иней...
 Орешек белочка взяла
 Доверчиво из тёплых рук.
 Мы с ней смотрели друг на друга...
 И мир обрушился вокруг
 От одиночества-испуга.

ДВЕ НАКИДКИ

...Две накидки на плечи:
 Шаль шерстяная и небо звёздное.
 Как разгулялся вечер!..
 Счастье пришло ранимое, позднее.
 Вот я стою растерянная.
 А впереди – дорога...
 Одна накидка потеряна.
 А вторая – от Бога...

ГОДЫ ПРЕДСТОЯЩИЕ

В семьдесят с лишним лет
 Манит седое небо,
 И поднебесный свет
 Пахнет кусочком хлеба.

В семьдесят с лишним лет
 Солнце всего дороже.
 Смотришь прохожим в след...
 – Кто же тебе поможет?

В семьдесят с лишним лет
 Тоже смеяться можно.
 И отогреет плед.
 Я доживу... возможно...

В семьдесят с лишним лет
 Не утихают раны.
 Помнишь любви рассвет,
 И не хватает мамы.

ЗАМУЖНЯЯ

Попросится в душу холодная ночь,
 Впущу свою спутницу лунную.
 Мужчина попросится – выгоню прочь.
 Пусть даже потом передумаю...

НАИВНАЯ

Быть наивной не так плохо.
 Показалось – меня любят
 Все соседи, друзья, снохи
 И снующие вокруг люди.

А наивность – не друг злости.
 Распахнулась душа настезь.
 Впереди – подвесной мостик
 Над пучиной людской страсти.

... Как жестоки порой люди!
 На вокзале стою ночью.
 Всё казалось – меня любят.
 Только, правда, страшна очень.

ВПЕРВЫЕ

Я обласкана щедрой судьбой.
 Удручающий ветер затих.
 Захотелось просить для других
 Перед ликом Матроны святой.

Что за слёзы из радостных глаз?
 Я смешною кажусь. Ну, и пусть!..
 За Россию впервые молюсь:
 Всё когда-то у нас в первый раз...

– Дай нам веру, здоровье, покой...
 А ещё... ты, Матрона, прости...

Уголька бы к зиме привезти
Бабе Вале – старушке одной.

ГОРИЗОНТ

Взойдёт окраина села
Вратами радужной погоды.
Не пожалею эти годы,
Что добрым людям отдала.

Но что же нужно мне самой?
Хочу до усталы, до боли,
С утра до ночи светлым полем
Идти до кромочки земной.

А горизонт зовёт, зовёт
И отдаляется без меры.
Я столько лет живу без веры.
Она сама меня найдёт...

СТЫЛАЯ ЧЕРЕШНЯ

Мороз и ветер за окном.
Цветет до времени черешня,
На этом свете безутешном,
Где воют волки за селом.

Вдвоём напали на одну –
Мороз и ветер непогоды.
А в бесконечном небосводе
Сменилось солнце на луну.

Черешня всё перенесёт.
В корнях уже достаток силы.
Её бы только не спилили
Со зла в неурожайный год...

БЕСКРАЙНЯЯ ДУША

Для души ограждения нет.
Знать она бесконечно большая!
Это в ней зародился рассвет.
В ней летит поднебесная стая.

Поместились: леса и поля,
Удивляя своей новизною.
В ней цветы прорастают весною,
И вращается наша Земля.

Ты, душа, необычный багаж.
Вот и думаешь ветреной ночью:
«Если душу такую предашь –
Она станет малюсенькой точкой...»

ГОРНЫЙ АПРЕЛЬ

Апрель, – весны лихой напиток,
Хочу до капельки испить.
Огонь-трава, ты ядовита.
Коварной ведьмой будешь жить.

И я, сломить тебя, не смея,
Иду по горному хребту,
Спадая дикой орхидеей,
На всю земную красоту.

Уснула бухта ненароком.
Плывут за счастьем корабли.
А ты отходишь боком, боком...
И растворяешься вдали.

И словно щедрая награда:
От сердца радостная весть,
Что никого уже не надо.
Ведь у меня любимый есть.

НА КУРОРТЕ

Здесь Кавказского хребта
Пышные отроги,
Тёплой бухты красота,
И конец дороги.

В лунном космосе апрель
Не поймёт усталость.
Город, словно колыбель,
Данная, на старость.

А для грусти места нет,
Как и нет причины.
Закричу серьёзно в след
Доброму мужчине:

«Да скажи ты мне слова...
Чтобы были с перцем.
Чтоб кружилась голова,
Вырывалось сердце...»

УШЁЛ...

Глубокой ночи лунный свет...
Вино, пролитое на скатерть...
У доброты остатка нет,
А я боюсь её растратить.

Не проводила как всегда,
Забыв сказать: «Ты самый лучший...»
А за окном на провода
Сугробами ложатся тучи.

И неустанно шалый ветер
Срывает лепестки на вишне.
И в эту ночь на белом свете
Я так боюсь остаться лишней...

ЗИМНИЙ ВЕТЕР БЕСИТСЯ...

Зимний ветер бесится –
Всё ему не так.
Забралась по лестнице
В детстве на чердак.

В хороводе вертится
Всё моё село.
И сорвало лестницу,
Шапку унесло.

Я спуститься, кажется,
Сверху не могу.
Жизнь моя не вяжется –
До сих пор в снегу...

До сих пор я брошена
Там, на чердаке.
В платице изношенном
В холод – налегке.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Воды бескрайняя картина...
Тепло. И радостно дышать.
Волна похожа на дельфина:
Легка, свободна, хороша.

Она спешит, не уставая,
По колыбели бытия.
Зачем живу? Кто я такая?
И в чём особенность моя?

Красиво всюду: справа, слева.
И птицы просят: «Поделись...»
А мне бы в даль, а мне бы в высь...
Нельзя – душа отяжелела.

Я жизнь люблю и верю снова.
Но призадуматься пора
От недосказанного слова
До пожелания добра.

ПРОСНУЛСЯ ВОЗДУХ

Пронзает ветер тишину
Надрывно.
И гонит сонную волну
С обрыва.
В осеннем золоте магнит –
Осины.
Проснулся воздух и летит
Красиво.

А свет струится по ребру
Вселенной.
Быть солнцу, – значит быть добру.
Нетленно...
Волнует магия лучей.
– Что было?
Мы повстречались, но зачем
Любила?..

БЛИЗКО, РЯДОМ...

Как же близко, как же рядом
Смерть и жизнь, да зло с добром.
На пенёк устало сяду.
В город я пойду потом.

Руки в речку опускаю.
С неба чистый воздух пью.
Листья, братия лесная,
Обожаю ваш приют.

Осень рыжая по лисьи
Кружит по лесу с утра.
Я жалею каждый листик.
Нам осыпаться пора...

ОЗАРЕНИЕ

Мне должно быть немножко холодно.
Мне должно быть немножко голодно.
Захотелось задорно, – криками
Разменять тишину в округе
И поймать, как мустанга, молодость,
Что несётся в степи по дикому.
И назвать её верным другом.

Я хочу налегке за городом
С кем-нибудь полетать на планере,
Стать весёлой, красивой, лучшей;
Впечатлений найти с три короба:
Дно морское изведать с камерой,
Затеряться в лесу дремучем...

А иначе, зачем мне эта, –
На великое чудо, похожая,
Лучезарная порция света
От улыбки ребёнка прохожего?

ЗАМОРОЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ

У деревни заброшенной, сани
Режут кромку застывших полей.

Недалёкое прошлое ранит
Недосказанной болью своей.

Что любовь? Оказалась спесивой...
Я волчицей гналась за тобой.
И легка я была, и красива.
Ты меня называл не судьбой.

Мой закат в белом холоде алый.
Так, наверное, счастье горит...
Той зимы замороженной мало.
Время в зеркале пальцем грозит.

НЕ БРОСАЙТЕ...

Роняет старая рябина
Седые листья на село.
Живёт неслышно баба Зина
И любит Родину светло.

Она, сама того не зная,
Служила Родине своей,
Из года в год легко рожая
Красивых, крепких сыновей.

Она сама того не знает,
Зачем уехали они.
Одна осталась, коротая
В заботах солнечные дни.

Она сама того не знает,
Где силы и былая мощь.
Повсюду Родина родная,
А на столе соседский борщ...

ЗИМНЯЯ ОТРАДА

То ли радость, то ли горечь –
Завершение пути.
Пену, брызги – дарит море.
То, что ищешь – не найти.

Понимаю, – не отпустит...
(Сколько Бога ни проси).

Это море – море грусти.
И его не обойти.

Хочешь радости немножко?
В замороженные дни,
Дай синице хлеба крошку.
Только руку протяни...

ВСПОМНИТЬ ДЕТСТВО...

Только детство своё вспомню, –
Сразу слёзы глаза слепят.
Вот опять пронеслись кони...
Казахстанской весны степи...

В моей памяти нет грусти.
В моей памяти нет боли.
...Карагач, а под ним кустик;
Тень и хлеб, и чуть-чуть соли...

Помню: тёплый степной ветер,
Что повсюду спешит рядом.
Мама дома меня встретит, –
Обогреет. Она рада...

Может быть – не срослось где-то,
И в дорогу не то взято.
Может – песня не та спета,
Только детство моё свято.

ПЕРИОД ЖИЗНИ

Лёд... Удар при скольжении...
Нужно встать и спешить.
Я испорчена временем,
Только хочется жить.

Я испорчена временем
До крови, до костей.
Возраст кажется бременем
Долгой жизни моей.

Только сила великая
Не напрасно дана.

Налетела, как дикая, –
Разбудила весна.

Всё живое откликнулось.
Ветер ластится вслед.
И с восторгами-криками
Я живу на Земле.

КУПАЛЬЩИЦА

Солнце, море... и жить снова хочется.
Очень жаль, что родителей нет.
– Знаешь, море, а я твоя доченька.
И оно приласкало в ответ.

– Знаешь, море, я вечером плакала.
Одиночество душит порой.
Не бывает мужчин одинаковых.
Понимаешь, мне трудно одной.

А в душе словно теплятся искорки.
Вот опять – не хватает огня...
– Ну-ка, море, топи меня быстренько!
Пусть мужчины спасают меня!

ТВОРЧЕСКОЕ ГОЛОДАНИЕ

Художник поймает летящую птицу.
Украсит закатом волну.
Покажет, как воеет зимою волчица
На стылом холсте на луну.

Сотрудник усталый, газету верстая,
О чём-то печально вздохнет.
И снимок поставит, где хищников стая,
По снегу к станции идёт.

И мне беловетреной ночью не спится.
И даже сомнения нет:
В душе моей воеет седая волчица.
Я очень голодный поэт.

Лидия ТАРАСОВА
город Якутск

ЛЕСНЫЕ СНЫ

(МИНИАТЮРЫ)

*Тарасова (Дегтярева)
Лидия Андреевна родилась
25 июня 1984 года в городе
Якутске.*

*Кандидат медицинских
наук, врач-бактериолог, до-
цент кафедры гистологии и
микробиологии Северо-Вос-
точного федерального уни-
верситета.*

*Автор стихов, коротких
рассказов для детей и взро-
слых. В 2018 году опубли-
кован сборник миниатюр
«Сказки леса» в форме от-
крыток. Лауреат в номина-
ции «Проза» литературного
конкурса «Северная зве-
зда-2018» журнала «Север»
(Петрозаводск, Карелия).*

ДОЛГАЯ НОЧЬ

В доме хозяйки леса полно сокровищ – каждому своё место и время. Вот, в старом сосновом сундуке под расписной крышкой хранится долгая ночь. Глубоким сном спит, лишь иногда вздыхая, семью замками позвякивая.

А хозяйка леса на сундук поглядывает, да всё месяцы на пальцах считает. Как дойдёт до безымянного, так ключ из кармана вынет, отопрёт. Чёрные как у ворона крылья ночи, звезды алмазные, а луна золотая. Накинет тогда на плечи хозяйка леса крылья, остальное запазуху спрячет. Летит – ветром воет, по земле тьму разливает, по небу звезды разбрасывает. От края до края, от осени до весны долгая ночь дорогой стелится. Кто пройдёт, тому и солнца луч. А кто заплутает, тому крылья ворона. Теперь и ты - ночь.

ЛИДИЯ ТАРАСОВА. ЛЕСНЫЕ СНЫ.

ЛЕСНЫЕ СНЫ

Есть на свете такие края, где зимой дни и ночи одного цвета. Будто бы ночь обретает там свою вечность. И всё живое замирает. И даже лес уходит с головой под одеяло смотреть разноцветные сны. В глубине этих снов распускаются первые весенние цветы, соком наливаются луговые травы и спеет на кустах голубица.

Тихо-тихо бежит по снегу мышь, не потревожить бы. Тихо-тихо крадется за ней по сугробам лиса, не побеспокоить бы. Тихо-тихо хватается на лету добычу сова, не разбудить бы. Дыхание леса легкое и спокойное, «Бу-туп-бу-туп-бу-туп» бьётся его сердце.

Но, вот что-то меняется. Стонет и мечется во сне лес. Там, где только что росла голубица, лютует пламя. Словно свирепый шатун набросился красный петух. Рвет он и кусает, дотла обгладывает деревья и мёртвой хваткой вцепился в горло едкий дым. Раненым зайцем кричит лес. Загнанным волком рычит лес. Угодившим в капкан медведем ревет лес.

«Тшшш!» – говорит тогда лесная хозяйка, проводя ладонью по мохнатой сосновой морде. Она достаёт из кармана луну и вешает её на небо. «Аааооум!» – затягивают лунную мантру волки и волшебные звуки её гонят прочь дурные сны. Ведь, даже если ночь вечна, в кошмарах нет никакой правды.

ДОРОГА

Не всякая дорога легка. Бывает идти приходится сквозь густой туман и пелену собственных мыслей: обморозив пальцы, потеряв надежду. Но если точно знать, что там, на другом конце, ждут - стынет горячий ужин,

припасено доброе слово и кто-то смотрит с тревогой в темноту окна, то даже заплутавши в пути или самом себе, ты однажды вернёшься. Вернёшься домой. Иначе зачем нужна эта дорога?

СУДЬБА ШАМАНА

Солнце заходит на востоке. Шаман делает первый вдох, открывает глаза. Три шаманских глаза видели жизнь, видели смерть, видели жизнь после смерти. И только танец заходящего солнца любит он больше всего. Мог бы шаман выбирать свою судьбу, стал бы травинкой в поле, слушал бы ветер, пел с ним песни. Мог бы шаман выбирать свои сны, видел бы степи бескрайние глазами парящей птицы, вкушал бы море солёное жабрами плывущей рыбы, касался бы края алеющего неба ветвями зеленого дерева. Была б его воля, лег бы на землю, пустил корни и вырос бы шаман-травой, шаман-древом. Да быть шаманом - значит не принадлежать самому себе. Солнце зашло. Шаман закрывает глаза, делает выдох и погружается в ночь. Такова судьба шамана.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Однажды женщина с Севера обнаружила в себе Вселенную. Она проснулась рано утром и поняла, что руки её не руки – а реки. Ноги – не ноги, а земли. Где-то внутри неё зашевелился никогда неведомый океан. Вот уже и дыхание её не дыхание вовсе, а шепот волн.

Вышла та женщина из своей яранги, подставила лицо свежему весеннему ветру и улыбнулась. Ветер обнимал её всю: со всеми холмами и равнинами, полями и лесами, заячьими тропами, да дикими травами.

«Всё это – жизнь», – сказала она сама себе: «Новая жизнь».

ПТИЧКА

Живёт в лесу птица-невелица. Голосок у неё тоненький, а глаз зоркий. Видит птица далеко-далеко, да больше, чем многие. О хорошем песню споет, а плохое под сердцем спрячет. Кажется, будто вот-вот и не выдержит крошечное сердечко такой тяжести, но нет – держится. Видно, Богом так задумано. Видно, не срок тебе – птица. Споешь ещё о хорошем, надежда – твоя забота.

УЛУГ-ХУРТУЯХ-ТАС – КАМЕННАЯ БАБА

Говорят, женщинам в степи нельзя плакать. Впитает земля женскую тоску, станет соленой да горькой. Не зацветет по весне степь, не зардеется, омертвевши. Только колючий ветер по нежному телу прокатится.

Суров закон степи. А коль горе слишком велико, обернётся та женщина в камень и замрет навек, чтоб дарить утешение и надежду. И чтоб не было больше слёз. Степь, говорят, их не терпит.

МАЛЫШ МЕДВЕЖОНОК

Малыш медвежонок не говорит. Багульник на поляне зацвел в третий раз, а сын медведя ещё не произнёс ни слова. И когда большая барсучиха, воткнув тетеревиное перо в хвост, решительно вошла в круг солнца, дабы испросить у богов первого медвежьего слова, он лишь растерянно улыбнулся. Нужны ли слова, если ими не описать тех снов, что видятся наяву?

О чем говорить, если ни о том, как каждую ночь вслед за игривой рыбой-луной он – сын медведя ныряет в прохладное тёмное небо, а выныривает где-то в других мирах, о которых

никто не слыхивал, даже барсучиха? Кто поверит, если сказать, что на том конце света небо – это земля, а земля – это небо? Большая барсучиха тяжело дыша, вытирает вспотевший нос и, протягивая пустоту в ладонке, говорит ему: «Ка-мень – твоё слово. Ка-мень».

Сын медведя молчит. Бережно, словно бабочку, берёт он в лапы пустоту, чтоб ночью тайком отпустить на свободу.

МАЛЫШКА МЮ

Малышка Мю свернулась клубком и уткнулась носом в свою Мэ. До ночи было ещё далеко, но за окном бушевала буря и грозный Грр бил в свой железный барабан. Мэ была тёплая, мягкая и могла навалить любому, даже самому страшному Грр, если тому вдруг вздумается обидеть Мю. Это Мю знала наверняка. Она широко зевнула и наконец-то уснула.

Мэ сидела в темноте, боясь шелохнуться. Она собиралась перебрать коренья, почистить шкурки, наварить впрок ягод и что-то там еще, но Мю разбуянилась не на шутку. Мэ поила ее сладким отваром листьев дерева Ши, качала на хвосте, пела сонную песню горных Цы и гладила животик, только все было тщетно – Мю ревела как сотня разъяренных Грррр уже несколько часов подряд. Когда же у Мэ закончился запас песен и сказок, уши нервно задрожжали и она в бессилии рухнула на пол, закатив глаза, грозный Грр ударил в свой барабан первый раз. «Тэн-тэн-тен-дэ-дэ-дэн-тэн-тэн» запел барабан, «Уууу-уууу-уууу» завывала ему в такт буря. Мю, услышав звуки бури, перестала реветь, открыла свои огромные, мокрые от слез глаза и повернулась в сторону окна. Буря сверкнула молнией и клацнула зубами прямо возле носа Мю. «О!» – вскрикнула Мю, прижимаясь к Мэ. Мэ сгребла её в лапы и тихо сказала: «Не бойся,

ЛИДИЯ ТАРАСОВА. ЛЕСНЫЕ СНЫ.

Мю. Это всего лишь буря». Мю еще ничего не понимала, но все чувствовала. Мэ не боялась бури, значит и Мю тоже. «Это всего лишь буря, Мю!» – нараспев повторила Мэ, проводя ладонью по курчавой спинке.

Буря рвала небо на части и швыряла их на землю. Земля обиженно ворчала, прижимая к себе деревья. «Тэн-тэн-тэн!» – раздавалось то тут, то там. Мэ покачивала на руках засыпающую Мю, глядя в окно, размышляла о незнакомых путниках, которых буря застала врасплох, о звездах, которые появятся после бури и о том, что дела подождут. «Да, пусть подождут» – сказала она сама себе и тихонько запела:

«Эййя-эййя-эйя-ю,

В далёкой-далёкой долине,

Эййя-эййя-эйя-ю,

Пасутся горные Цы,

Эййя-эййя-эйя-ю,

Мы сядем с тобой им на спины,

Эййя-эййя-эйя-ю,

И в сон унесут нас они,

Эййя-эййя-эйя-ю,

В сон унесут нас они...»

Буря стихала. Мю уже крепко спала. На небе появились первые звезды.

«Буря тоже хорошо», – говаривала старая Нэ. Перед бурей бывает тревожно, а после – тишина и покой.

«Буря тоже хорошо», – шептала Мэ, засыпая.

Эдуард ЯКОВЛЕВ,
научный сотрудник отдела информации
Академии наук Республики Саха (Якутия)

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВАСИЛИИ МАНЧААРЫ

Предания о Василии Фёдорове-Манчаары в настоящее время являются неотъемлемой частью устной летописи и фольклора якутов.

Образ Манчаары, человека незаурядного, мужественного, прошедшего трудный жизненный путь, полный приключений и мук, привлекал внимание не только сказителей и народных певцов, но и был источником вдохновения поэтов и писателей. О нём писали поэмы русские поэты М. Александров и Н. Борисовский. Первые якутские драматурги В.В. Никифоров и А.И. Софронов обращались к его образу. В 20-40-ых годах XX века якутские краеведы М.Н. Тимофеев-Терёшкин, А.С. Порядин и И.В. Березкин занимались сбором народных преданий о Манчаары. С конца 30-х годов прошлого столетия краеведы, учёные начали изучение личности Манчаары и его эпохи с привлечением архивных документов (1).

В настоящее время из фондов Национального архива по нашим подсчётам выявлено 45

единиц хранения, в которых содержатся различные материалы о Манчаары и его эпохе. Эти документы в основном выявлены из фондов Якутского окружного земского суда (ф. 180и.), Якутской городской управы (ф. 165и) и Якутского тюремного замка (205и). Единичные бумаги обнаружены в фондах Якутской воеводской канцелярии (1и), Дюпсунской (36и), Борогонской (31и), Кангаласской (39и), Мархинской (42и) инородческих управ. К сожалению, до сих пор не обнаружена метрическая запись о рождении Василия Фёдорово-Манчаары.

1 апреля 2005 г. в Институте гуманитарных исследований проходила республиканская научно-практическая конференция «Василий Манчаары – национальный герой якутского народа». Во время конференции кандидатом филологических наук Г.В. Поповым, ведущим научным сотрудником ИГИ и старшим научным сотрудником отдела информации Национального архива П.И. Корякиным были сделаны сообщения о новых находках из фондов Национального архива по родословной Василия Фёдорово-Манчаары. Эти сведения ими выявлены из фондов Якутской воеводской канцелярии (Г. Поповым: ф.1и,

оп.1., д.120и, л. 41(об), 42и Якутского областно-го казначейства; П. Корякиным: ф.349и, оп.1, д. 5985, л. 2(об); д. 6016, 991(об)–992) (2).

В фонде Якутской воеводской канцелярии имеется ревизская сказка ясашных якутов Нерюктяйской волости Кангаласского улуса за 1895 г. где проходит Быттаны Ханчадаев 34 лет, имеющий по старинному обычаю якутов две жены, первая жена – Куннаныр, 34 лет; вторая жена – Монтоя Фёдорова, «взятая Кангаласского улуса наслегу князца Убакана Хабыкычина калымом». У них дочери: Багыстыр, 11лет; Кутчугуйдур, 4 лет, Чомчорэ, 4 лет, отца Быттаны звали Семен Борыс Ханчадай, который умер в 51-летнем возрасте в 1786 г. Его вдове Матрёне Ивановой в 1895 г. было 53 года. Старшего сына Семёна Борыса Ханчадая звали Багыры Ханчадаев, 41 лет, имел жену по имени Мелжай Уржаева, 53 года. Их сыновья: Манысыт, 17 лет, Артамон, 8 лет, Кэтэсит, 6 лет, Толях, 5 лет, дочери: Хотундур, 14 лет, Кэдэя, 11 лет. По ревизской сказке той же волости 1816 г. под № 13 проходит 9-летний мальчик Егор Быттанин. Его родственник: Иитии огото (воспитанник), по крещению: Сергей, 22 года, брат Сергея – Яков, 17 лет. Егора Быттанина мать – Монтоя, 48 лет. Егора свойственница Кунагныр, 58 лет (первая жена Быттаны Фёдора Ханчадаева), Сергея жена Ирина, 21 лет. Егора сродные сестры: Фёдора, 20 лет, Катерина, 19 лет (Федора и Катерина дети Кунагныра – первой жены Быттаны Ханчадаева, которого к 1816 г. не было в живых). По ревизской сказке Нерюктяйского наслега Кангаласского улуса 1851 г. под № 13 проходит Егор Бытынин Василий Фёдоров-Манчаары, 43 (?) года, содержится в Якутском остроге, дочь его Вера, 23 года. Жена его Варвара, когда он сидел в остроге, вышла замуж за якута Терентия Савина из Харанского наслега (3). На основе ревизских сказок 1795, 1816 и 1851 гг. Нерюктяйского наслега Кангаласского улуса можно составить родословную Василия Фёдорова -Манчаары: Семён Борыс Ханчадай – Быттаны Фёдор Ханчадаев – Егор Василий Фёдоров-Манчаары – Вера. Семён Борыс Ханчадай, дед Василия Манчаары, бабушка Манчаары – Матрёна Иванова. Отец Егора Ва-

силия Фёдорова-Манчаары – Быттаны Ханчадаев, мать Манчаары – Монтоя Фёдорова, вторая жена Быттаны. Сам Василий Фёдоров-Манчаары по материалам ревизских сказок 1816 и 1851 г. проходит как Егор Быттанин(Бытынин) Василий Фёдоров-Манчаары. Манчаары – это имя, данное отцом при рождении мальчика. Егор – это имя, которое дал священник при крещении маленького Манчаары. Примерно к 1816 г. умирает его отец, поэтому в ревизской сказке того года хозяином семьи Быттаны записывают 9-летнего Егора (по закону тех времён земельный надел выделялся только лицам мужского пола). По воле судьбы сын Фёдора Быттаны Ханчадаева с молодых лет становится на скользкую тропу жизни, которая привела к заключению в тюрьму. С конца 20-х годов XIX в. сын Фёдора Быттаны в следственных документах тех времён проходит как «разбойник Василий Фёдоров Манчары» (4).

ПРИМЕЧАНИЯ:

- Сафронов В.Г. Василий Манчаары. – Якутск, 1991. – С. 3–32.
- Попов Г.В. Манчаары төрүччүтүн туһунан // Республиканская научно-практическая конференция «Василий Манчаары – национальный герой якутского народа». – Якутск, 2005 (рукопись находится в личном архиве Г. Попова); Корякин П.И. Общее и особенное в биографиях народных героев Манчаары и Робина Гуда (опыт сравнительного анализа) // Республиканская научно-практическая конференция «Василий Манчаары – национальный герой якутского народа» (рукопись – у автора П. Корякина).
- НА РС(Я). Ф. 1, оп. 1, д. 120 (т. 1), л. 41(об)–42; ф. 349и, оп. 1, д. 5985, л. 2(об)–2; д. 6016, л. 991(об)–992, 1041(об).
- Там же. Ф. 36и, оп. 1, д. 58, л. 1.1(об); ф. 205и, оп. 1, д. 50, л. 1

Ольга ПАШКЕВИЧ

ПРЕДРАССУДОК

Рассказ

Теперь, за давностью лет, я уже не помню ни фамилии, ни имени того не по возрасту серьёзного, светлоглазого курсанта, старшину взвода гидротехников, обычно сидевшего за первой партой у окна.

На второй или третий день с начала учёбы парнишка с первой парты задал мне непривычный вопрос:

– Скажите, а почему в училище не «учительская», а «преподавательская»?

– Потому что здесь не учителя, а преподаватели.

– А в чём отличие учителя от преподавателя? – старшина пытался добраться до истины.

– Я думаю, что недели через две вы и сами поймёте разницу, а если нет, то вернёмся к нашему разговору. Хорошо?

Курсант пожал плечами, очевидно сомневаясь в своих способностях, но я подбодрила его:

– Поймёте, поймёте.

Он подошёл на следующий день:

– Я знаю, в чём отличие.

– И в чём же? – мне стало любопытно.

– Преподаватели никогда не кричат на учеников.

– А учителя разве кричат?

– Со мной случалось, – нехотя признался он.

– Наверное, были проблемы с учёбой? – предположила я.

– Вроде старался, – парень вздохнул, потом пояснил, – так вышло, что в первом классе, в самом начале учёбы, проболел долго, а когда пришёл на уроки, что-то не так выполнил. Я же не знал, как правильно из-за пропусков. Учительница меня на смех подняла, весь класс ржал. Я, клопик совсем, в слёзы, – сейчас, вспоминая о той неприятной минуте, он говорил с улыбкой. – Ну, она про меня типа плакса, нюня. В-общем, определила в троечники. Как ни пытался попасть в хорошисты – бесполезно.

– А в училище?

– Нормально. Никогда не думал, что так просто могут объяснять математику или физику. Раньше мне они трудно давались, а сейчас легко. И вот вы мне роль читать доверили, когда «Грозу» изучали. В школе и близко бы не подпустили. Про старшинство вообще не говорю.

– Вы, кстати, отлично читали. А как вам ваш герой, Борис?

– Борис? Слабак он. Образованный же. За чем Дикого терпеть, не знаю. Я бы на его месте нашёл другого хозяина.

– Но он же из-за сестры вроде, – напомнила я.

– Сестра сестрой, но, впрочем, в наше время тоже Диких хватает.

– Значит, учителя кричат, а преподаватели – нет, – подвела я итог. – И только?

– Нет, конечно, – не согласился он. – Главное, что преподаватели готовят нас к конкретной специальности. Правильно?

– Правильно. Фактически вы их будущие

коллеги. Речники, одним словом.

При слове «речники» парнишка просиял.

– Начальник специальности Анатолий Матвеевич то же самое говорит.

* * *

Несмотря на то, что голос у парня тянул на командирский с большой натяжкой, ребята охотно выполняли его распоряжения. Чувствовалось, что он имеет у них авторитет.

Вскоре мне довелось услышать разговор классных руководителей первого курса: преподавателя экономики Татьяны Георгиевны, немолодой, но только пришедшей в училище, и опытного педагога, физика Виктора Ивановича.

– Неплохой набор в этом году, – отметил физик. – В вашем взводе контрольную провёл, двоек нет.

– Да, ребята толковые, – оторвал глаза от расписания Виталий Александрович, заведующий учебной частью. – Старшина у вас, Татьяна Георгиевна, славный парнишка. Аккуратный, добросовестный. Он городской?

– Школу городскую окончил, но живёт в посёлке речников Жатае.

– Так это рядом. Славный парнишка, – повторил Виталий Александрович, обычно скупой на похвалу. – Кстати, его отец у нас учился, я его выпускал.

– Да? – удивилась преподавательница.

– Дом его поблизости находился, – продолжил заведующий учебной частью, сняв очки и явно радуясь возможности сделать передышку в бумажной работе и вернуться хотя бы мысленно в те годы, когда он только-только начинал преподавать курсантам литературу. Теперь его место заняла я, а он составлял расписание, вёл учёт выданных преподавателями часов и по-отечески поддерживал нас, молодых, выбравших непростую педагогическую стезю.

– Щупленький был, маленький, но вредный, – рассказывал, как и всегда увлечённо и образно, Виталий Александрович. – То, случалось, преподавателям нагрубит, то командиру роты, то в наряд не заступит, то в самоволку сбежит. Намучился я с ним первых два курса. Родителей его чуть ли не каждую неделю сюда вызывали. А как в навигацию герой мой сходил, словно подменили. И подрос, и дуришь бросил. Нынче, говорят, помощник капитана.

– Значит, он судоводитель? – задумался Виктор Иванович. – То-то я его смутно помню.

– Такой важный ходил, в грудь себя пяткой бил, что судоводитель, а не путеец. Его одноклассники на гидротехническом учились, так этот им выговаривал: «Лучше иметь дочь судоходную, чем сына гидрата».

– А они и до сих пор так говорят и на партах пишут, – не удержалась я.

– Почему? – выразила недоумение Татьяна Георгиевна. – Разве плохая специальность?

– Путейцы, – поспешил объяснить коллеге физик, – можно сказать, обеспечивают транзитным судам «зелёную улицу». И ось судового хода обозначают, и лоцманские карты составляют, и труднопроходимые участки углубляют. Кстати, на берегу могут по профилю строительных работ трудиться. Просто к здоровью судоводителей требования жёстче. Зрение нужно стопроцентное и профессия судоводителя на слуху.

Действительно, несмотря на то, что тогда почти все начальники районных водных путей были нашими выпускниками, глупый, непонятно откуда взявшийся предрассудок, похоже, не собирался исчезать. Более того, поговорку «Курица – не птица, женщина – не человек», которую я имела неосторожность произнести на занятиях по драме Александра Николаевича Островского «Гроза», остряки сразу переделали, и вскоре мне попалась

надпись: «Курица – не птица, гидрат – не человек». – Ну, что за невежда пакостничает! – возмущалась я, надеясь найти автора послания и объяснить ему, что не прав. Вот и отец парнишки, когда-то воинственно настроенный против путейцев, изменил мнение.

Но я ошиблась.

* * *

В конце ноября в училище появился вернувшийся из навигации помощник капитана. Усатый, грузный, в лёгкой кожаной куртке, без шапки в сорокаградусный мороз (очевидно, приехал на собственной машине) он возник в дверном проёме преподавательской.

– Приветствую, Виталий Александрович! – шагнул он к заведующему учебной частью. Тот поднялся навстречу, выйдя из-за стола, протянул руку:

– Рад видеть! Присаживайся. Решил про сына узнать?

– Конечно. По моим стопам пошёл, – произнёс он гордо, осматриваясь по сторонам. – Почти ничего здесь не поменялось. Даже вы, Виталий Александрович, тот же. Старость вас не берёт.

– Некогда нам стареть! – отреагировал педагог, польщённый комплиментом. – А сын твой славный парнишка, старшина взвода ВП-11.

– Водные пути? – засомневался мужчина. – Вы шутите?

– Нет. Гидротехническое отделение. А что?

– Не может быть! – помощник капитана соскочил с места. – Да лучше иметь дочь судоходную чем сына гидрата! Где начальник отделения? Сейчас же отчисляемся!

Он пулей вылетел в коридор.

– Постой, постой же! – напрасно попытался остановить его Виталий Александрович.

– Самодур! – заведующий учебной частью

устало опустился в кресло. – Что с ним сделаешь? – обратился он ко мне, свидетельнице скандала.

– Может быть, Анатолий Михайлович сможет его переубедить?

– Бесплезно. Никто ему не указ, – Виталий Александрович прижал руку к груди. – Больше тридцати лет тут работаю, но впервые такое вижу. Бывало ребята, которых медкомиссия на судоводительское забраковывала, забирали документы, как их не уговаривали перейти на гидротехническое, не соглашались, но чтобы так, когда парнишка сознательно сделал выбор... Не понимаю. Пацаны есть пацаны, вчерашние школьники, подсмеиваются друг над дружкой, но это же взрослый мужчина, помощник капитана, отец.

* * *

На другой день я столкнулась с ними на плацу. Со стороны второго учебного корпуса, где находился кабинет начальника специальности, бодро шагал глава семейства, за ним неторопливо мать с сыном. Бывший старшина, уже не в курсантской шинели, а в гражданской одежде, в которой смотрелся старше, что-то говорил матери, невысокой, миловидной женщине с грустным лицом. Паренёк, по-видимому, стараясь её успокоить, пытался шутить, но глаза его были печальны. Поравнявшись со мной, он кивнул:

– Это, мама, наша преподаватель литературы!

Я остановилась и смотрела им вслед. Перед выходом за ворота он обернулся назад и махнул мне рукой, мол, не поминайте лихом. Трудно ему было сделать шаг навстречу другой жизни, жизни, в которой, возможно, его мечта трудиться на реке никогда не станет реальностью.

В тот день я возвращалась домой в подав-

ленном состоянии. Мне казалось, что я самый никчёмный педагог на свете, потому что не знала, как бороться с подобными предрассудками.

Одно утешало меня, что парнишка за время пребывания в училище заметно повзрослел. Он уже не робкий и тревожный вчерашний девятиклассник, а самостоятельный, уверенный в собственных силах и способностях юноша, сын, готовый подставить матери своё, пусть ещё не совсем окрепшее, но надёжное плечо.

* * *

За давностью лет я не помню ни фамилии, ни имени того не по возрасту серьёзного, светлогоглазого курсанта, старшины взвода ВП-11, обычно сидевшего за первой партой у окна. Знаю точно, что он не свернул с намеченного пути. Позже ребята сообщили: их бывший однокурсник, окончив школу, стал студентом гидротехнического факультета Новосибирской государственной академии водного транспорта.

Многое изменилось с тех пор: старый учебный корпус по причине обрушения снесли и на его месте возвели современное здание, украшенное алыми парусами.

Алые паруса – символ романтики. Романтикам, как известно, свойственны высокие чувства, а не глупые предрассудки, тем более по отношению к такой важной специальности, как гидротехник.

Анна ПАВЛОВА

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

Друзья нашего журнала – дружный коллектив ООО “Хатасский свинокомплекс” – поздравляют наших читателей с наступающим годом Жёлтой Земляной Свиньи. Они рассказали о том, как проводят свой досуг после трудового дня, какие книги читают, чем интересуются.

**Анна Соколовна Винокурова,
руководитель блока продаж:**

– Очень люблю читать психологические, всецело захватывающие человеческое внимание романы-триллеры Стивена Кинга. В них очень много не только страха, адреналина, но и глубоких философских мыслей, которые живо и пронзительно затрагивают читательские души. Из якутских авторов

АННА ПАВЛОВА. С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ.

больше всего нравится Амма Аччыгыйа и его произведение “Весенняя пора”.

В последнее время очень удобно стало находить книги по интернету и читать онлайн. Сейчас читаю книгу Розалин Майлз “Возвращение в Эдем”.

**Андрей Николаевич Макаров,
главный бухгалтер:**

– Чтение и просмотр фильмов для меня остаются главными приоритетами в проведении досуга. Очень люблю фантастику, мистику. И ведь чтение бывает не только художественное: я с удовольствием читаю новости в интернет-порталах, необходимую профессиональную информацию, специальную литературу.

Из художественных произведений с упоением читаю книги Николая Гоголя. Это тот мистический мир, который прекрасным художественным словом открывает таинства человеческой души.

**Розалия Михайловна Маслацова,
начальник отдела кадров:**

– В свободное время занимаюсь так называемой «алмазной картиной». Это составление объёмных художественных композиций из акриловых страз. На плотный холст предварительно наносится клей. Камешки приклеиваются к нему по заранее заданной схеме. Получается очень красивая сверкающая картина.

Из литературы читаю детективы и криминальное чтиво. В данный момент читаю книгу Владимира Колычева «Брат, мсти за любовь».

**Светлана Александровна Иванова,
главный экономист:**

– Читаю редко, но только классику. Например, «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого перечитывала раз шесть, наверное. Но чаще свой досуг провожу на свежем воздухе. Очень люблю подлёдную рыбалку – я заядлая рыбачка ещё с раннего детства.

**Иван Иванович Яковлев,
инженер по технике безопасности:**

– Я всю жизнь с книгой по жизни. Читаю всё: новости, факты, газетную, журнальную публицистику, рассказы, повести, специальную информацию, профессиональную литературу – всё, что меня интересует.

В данный момент читаю книгу «Техническое устройство автомобилей КамАЗ» издательства «ДОСААФ», написанный целым коллективом авторов, сейчас на память всех не вспомню.

**Роман Гаврильевич Дмитриев, директор
ООО «Хатасский свинокомплекс»:**

– Читаю исторические романы, интересуюсь династией Романовых, особенно первым русским царём Михаилом Фёдоровичем. Люблю якутскую классику, читаю и перечитываю произведения Амма Аччыгыйа, Семена и Софрона Даниловых, Николая Якутского и многих других.

Всех читателей любимого журнала «Полярная звезда» поздравляю с наступающим годом Желтой Земляной Свиньи и желаю радости, счастья и благополучия!

**Вероника Иннокентьевна Кириллина,
председатель профкома:**

– Люблю произведения Чингиза Айтматова, Михаила Пришвина, Виталия Бианки, Амма Аччыгыйа, Василия Яковлева-Далана. Обязательно читаю для себя психологическую и мотивационную литературу.

Всех читателей журнала «Полярная звезда» поздравляю с наступающим новым 2019-ым годом! Желаю всем доброты, теплоты, доходов и прибыли, здоровья, креатива и познания, реализации и восхождений, покорения новых вершин, улыбок и прекрасных судьбоносных свершений! Чтобы счастье пришло в каждую семью, а судьба щедро одарила человеческими радостями!

Эрих КАСТЕН
и Михаэль ДЮРР,
Свободный Университет Берлина

ИОХЕЛЬСОН И ДЖЕСУПОВСКАЯ СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД К ЭТНОГРАФИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Эрих Кастен (Erich Kasten) – основатель и руководитель Фонда культуры народов Сибири, доктор философских наук, этнолог (Свободный университет г. Берлина), опытный исследователь и консультант по традиционному знанию и культурному наследию народов Заполярья России и Америки.

Михаэль Дюрр (Michael Durr) – культурный антрополог и лингвист, Институт Латинской Америки Свободного Университета Берлина и руководитель отдела Национальной Библиотеки Германии.

Данная статья является предисловием к серии Эриха Кастена и Михаэля Дюрра «Bibliotheca Sibiro-Pacifica». Впервые серия была опубликована в 2016 году на сайте <http://www.siberian-studies.org>.

Серия «Bibliotheca Sibiro-Pacifica» является новым изданием монографии Владимира Иохельсона «Коряки». Изначально монография Иохельсона содержала ряд несоответствий и типографических ошибок. Кроме того, метод транскрипции, который применялся в те годы, мог запутать читателей нашего времени. Чтобы облегчить чтение всей монографии Эрих Кастен и Михаэль Дюрр решили опубликовать ее обновленную версию.

Перевод с английского Яковлевой Аниты Евгеньевны. Анита родилась в 1995 году в Сунтарском улусе. Училась в Сунтарской общеобразова-

тельной школе № 1 им. А.П. Павлова, а в старших классах перевелась в Тойбохойскую среднюю общеобразовательную школу им. Г.Е. Бессонова. Выпускница Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Во время перестройки и в последующий период, особое внимание уделяется ранее проведенному российско-американскому сравнительному анализу культур народов, проживающих по обе стороны Берингова моря. Результаты Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (1897-1902) стали известны широкому кругу мировой общественности благодаря выставкам «Crossroads of Continents» (Фитцхью и Кроуэлл, ред., 1998 г.), и «Drawing Shadows to Stones» (Кендалл, Мате и Миллер, 1997 г.). Вместе с этим, результаты этой экспедиции (Крупник и Фитцхью, ред., 2001 г.) изучила программа комплексных исследований под названием «Джесуп 2». Обсуждались другие аспекты этого грандиозного мероприятия на симпозиуме в Бонне (Германия) в 2001 году (Далманн, Ордубади, Винтершладен, ред., 2016 г.). Эти научные проекты вызвали огромный интерес, особенно значительно менее известный Северо-Восточный Азиатский этап экспедиции, руководителем которого был Владимир Иохельсон. В результате его работы, опубликовано двухтомное издание, посвященное корякам.

Монография Иохельсона наряду с работами его коллеги Владимира Богораза «Чукчи» знаменует начало новой эры. Они были первыми, кто описал этот регион подробно и информативно, уделяя внимание антропологии. Прежде всего, они приняли и использовали инновационные методологические подходы к этой новой и формирующейся научной дисциплине. Это констатирует с докладами из ряда мероприятий 18-19 вв., в которых изучали Северо-Тихоокеанский регион. Под влиянием корыстных интересов Российской империи, они привели к всеобъемлющим и подробным описаниям окружающей среды и культуры региона. Исследователи, которые были приглашены участвовать в экспедициях и записывать свои наблюдения, в основном, имеют профессиональный опыт в естественных науках. В то время, этнология и культурная антропология еще не были признаны в качестве самостоятельных дисциплин. Таким образом, эти ранние исследователи

ЭРИХ КАСТЕН И МИХАЭЛЬ ДЮРР. СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БЕРЛИНА.

были склонны наблюдать за коренными народами и их культурой с точки зрения относительно широкой перспективы (Кастен, ред., 2013 г.). Большинство из тех, кто был на Камчатке до Иохельсона, были немецкого или немецко-прибалтийского происхождения. Когда Иохельсон прибыл вместе с исследователями, которые принимали участие в Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, транснациональные сети начали расширяться, а также смещаться в сторону Северной Америки. В тот момент, работа и личное участие Франца Боаса, который именно тогда заложил основы современной культурной антропологии, сильно повлияли и вдохновили их.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Иохельсон Владимир (Вольдемар) Ильич родился в 1855 году в городе Вильно (ныне Вильнюс) в патриархальной еврейской семье. Учился в раввинском либеральном колледже, где вступил в революционные кружки и сыграл активную роль в них. В 1875 году был вынужден бежать в Берлин, когда царской охранке стала известна его причастность к этим кружкам. Однако в Россию он вернулся только через год и продолжил заниматься своей прежней деятельностью. Он присоединился к революционному движению «Земля и воля», а позже вступил в организацию «Народная воля». После убийства царя Александра II Иохельсон снова смог избежать ареста и сбежал в Швейцарию. Там он продолжил заниматься своей революционной деятельностью, изучая социальные науки и экономику в Бернском университете. В 1885 году решил снова вернуться в Россию, но был арестован при попытке перейти границу, и был помещен в одиночную камеру Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. В 1887 году его приговорили к 10 годам внутренней ссылки в город Среднеколымск в северо-восточной части Якутии.

В годы ссылки он познакомился и подружился с Владимиром Богоразом (1865-1936), который также был отправлен в политическую ссылку. Оба страдали от недостатка интеллектуального стимула, а в результате от скуки, которая, возможно, и породила взаимный интерес к этнографии. Для них обоих это идеально соответствовало с революционным призывом народничества, «идти в народ» (Винтершладен, 2016: 78). Поэтому, с особым разрешением

властей, Иохельсон и Богораз приветствовали представившуюся им возможность участвовать в Сибиряковской экспедиции (с 1894 г. до 1897 г.) и проводили исторически-этнографические исследования. В течение этого времени Иохельсон жил с юкагирами. Ему однозначно нравилось изучать диалекты их языка, а также их культуры. По словам Винтершладен, новые интеллектуальные опыты и испытания на протяжении этих годов привели к поворотному событию в интересах Иохельсона. Он отошел от своей прежней революционной деятельности и воспользовался возможностью развивать свою будущую научную карьеру. Богораз, в свою очередь, после экспедиции преподнес себя как человека с многогранной личностью, который переключается между серьезной наукой и политическим журнализмом. Вахтин также видит Иохельсона (по крайней мере, спустя несколько лет после Джесуповской экспедиции) как человека, ищущего «тихую гавань», где он мог бы сосредоточить усилия на подготовку своих материалов для публикации.

Следовательно, в 1898 году после возвращения из ссылки в Петербург, Иохельсон вернулся в Швейцарию, чтобы закончить там учебу. Благодаря удачным обстоятельствам, для Иохельсона возникла возможность основываться на свои прошлые исследования и добиваться своих научных целей.

Примерно в то же время, в 1897 году Франц Боас сделал предложение Морису Кетчуму Джесупу, президенту Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Боас наметил грандиозную программу для изучения культурных взаимовлияний между северо-восточной Азией и северо-западной Америкой. Он предположил, что их можно проследить, изучая современные народы Северно-Тихоокеанского побережья.

Во время основания исследовательской группы для изучения Азиатской части региона, у Франца Боаса возникли проблемы со своими кандидатами. Австриец Эрвин Риттер фон Цах внезапно отказался от исполнения своих первоначальных обязательств. Боас мало доверял молодому немцу Бертольду Лауферу, который должен был принять участие в Амурской экспедиции. В конце концов, Боас обратился за советом к Фридриху Вильгельму Радлову, директору Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Возражая против других направлений русской этнографии, Радлов был заинтересован в продви-

жении тех же исследований, что и Боас (Кан 2004 г.: 30). Он сразу же смог порекомендовать Иохельсона и Богораза. Уже осенью 1898 года Боас впервые встретил Иохельсона в Берлине. В последующей переписке, Боас разработал план исследований и описал условия заключенного договора. Иохельсон был назначен руководителем Сибирской команды. Ему было назначено работать, прежде всего, над своей монографией «Коряки», в которой, как ожидается, он будет собирать множество артефактов и основные антропометрические данные, фотографировать и обеспечивать звукозаписи, используя новую технологию восковых цилиндров. Особое внимание было уделено изучению корякских языков и мифологий, а также приобретению этнографических артефактов для выставки в Американский музей естественной истории.

Для Боаса было крайне важно, чтобы перед проектом Иохельсон приехал в Нью-Йорк и лично получил четкие, подробные инструкции. Предполагалось, что предстоящие полевые работы займут около полутора лет. После полевых работ Иохельсон должен был провести такой же период времени в Нью-Йорке, чтобы подготовить там материал. Оказалось, что начало экспедиции пришлось отложить на дополнительный год по нескольким причинам. В первую очередь, Иохельсон хотел завершить свою диссертацию в Берне. Более того, он и Богораз все еще работали над публикацией результатов Сибиряковской экспедиции. Также проводились длительные переговоры с Боасом по вопросам оплаты, и у обоих мужчин были свои собственные предложения о лучших маршрутах и других деталях экспедиции. В конце концов, Иохельсон сумел убедить Боаса расширить свою исследовательскую работу, включив в нее изучение юкагиров. Подобным образом, Богораз хотел включить дополнительные исследования среди приморских чукчей, а также сибирских юпиков, с которыми он раньше не работал.

В марте 1900 года Иохельсон и Богораз прибыли в Нью-Йорк и подписали контракт с Джесупом. Помимо зоолога Нормана Дж. Бакстона и его помощника Александра Аксельрода, было решено, что Иохельсон может привести свою жену Дину Иохельсон-Бродскую в экспедицию. В Цюрихе она занималась медициной, и теперь ей было поручено фотографировать и собирать антропометрические данные. Жене Богораза Софии также разрешили

присоединиться к своему мужу в экспедиции. Подробные инструкции по отдельным темам и местам проведения исследований были отмечены Боасом в пояснительном письме. Согласно контракту, общая цель экспедиции заключалась в том, чтобы провести «этнологическое и биологическое исследования северо-западной Азии». Зоологические результаты Бакстона были позже представлены в Американском музее естественной истории Дж. А. Алленом (1902, 1905, Аллен и Бакстон 1903). Это делалось, несмотря на тот факт, что в их описаниях не содержится информация о традиционном использовании ключевых ресурсов дикой природы. Большая часть разговора Иохельсона и Бакстона о собранных зоологических образцах, по всей вероятности, ограничивалась конкуренцией Иохельсона о том, что определенные млекопитающие также существовали в Колымском крае, где Бакстон не проводил исследование. Среди его достижений, Иохельсону приписывают сбор некоторых важных видов млекопитающих. Фактически, полевка, которую он нашел, была названа в его честь - *Evotomys jochelsoni*, sp. nov. (Красная полевка; Аллен и Бакстон 1903 г.: 148). Самой содержательной частью документов Бакстона для наших целей является его дневник. Он дает более четкую картину хода и условий их путешествия, хотя они оба большую часть времени путешествовали отдельно друг от друга (Аллен и Бакстон 1903 г.: 104-119).

16 мая 1900 года перед тем, как Иохельсон и Богораз, наконец, прибыли во Владивосток, Боас попросил Радлова уведомить Императорскую академию наук об их планах, а также обратиться за помощью и сотрудничеством к российскому государству (Вахтин 2001 г.: 86). Эта просьба была удовлетворена в официальном письме Иохельсону и Богоразу. Хотя, как это часто бывает в России, одновременно местным властям приказывали наблюдать за их деятельностью. Позже Иохельсон опубликовал анонимную статью в журнале в городе Штутгарт (1903 г.), в котором описывается эта ситуация и даже цитируются секретные письма. Он предполагает, что препятствия, вызванные этими секретными распоряжениями, могли бы легко помешать успеху этой экспедиции: «Заметим, что, если бы путешественники сами не знали хорошо края и не имели обширного знакомства и влияния среди инородцев, экспедиция осталась бы без результатов». [...] «Спрашивается теперь, какой

смысл имели секретные предписания? Не опасался ли министр распространения сепаратистских идей среди чукчей? Какая логическая связь между «прежней антиправительственной деятельностью» путешественников, за которую они в свое время отбыли наказание, и «содействием по возложенным на них теперь ученым трудам»? Если допустим, что такая связь имеется, то почему министерство на ходатайства Академии Наук и Географического общества открыто не заявило, что таким путешественникам помогать в ученых работах не полагается» (Иохельсон 1903 г.: 256).

Владимир Иохельсон, Норман Г. Бакстон и Владимир Богораз в Сан-Франциско перед отъездом в Сибирь, весна 1900 г.

Фотоархив № 338343. Американский музей естественной истории.

24 июля 1900 года Иохельсон и его жена Дина Иохельсон-Бродская покинули Владивосток вместе с Бакстоном и Аксельродом. Направляясь на север, 16 августа они прибыли в деревню Кушка вблизи ус-

тья реки Гижиги лишь для того, чтобы обследовать необитаемый район. Прошлой зимой эпидемия кори сократила численность населения, а выжившим людям пришлось переехать вглубь страны (Аллен 1903 г.: 108). Иохельсоны решили двигаться дальше к корякским поселениям, расположенным вдоль Пенжинской и Гижигинской губ, где они работали всю следующую зиму. В декабре 1900 года там к ним присоединился Богораз, который позже продолжил свое путешествие к корякам в восточную часть края до апреля 1901 года. Кроме того, он проводил время с ительменами, чтобы записать тексты

Иохельсоны путешествуют с оленными коряками, 1901 г.

Фотоархив № 4155. Американский музей естественной истории.

на обоих языках, а также, чтобы заниматься сбором этнографических артефактов от восточных коряков.

Из их базового лагеря Иохельсон и его жена совершили походы в районе Гижиги и на полуостров, где расположен мыс Тайгонос к оленним корякам. Несомненно, было поистине мудрое решение сосредоточить свое внимание на этот район, а не путешествовать в неблагоприятных погодных условиях в отдаленные места на север Камчатки или вдоль Тихоокеанского побережья. Это позволило Иохельсону уделить основное внимание тщательному исследованию местного праздника кита в поселке Кюэл. Он был вынужден пропустить подобные фестивали на других районах в восточной части из-за длительных поездок, поскольку они осуществлялись почти в одно время. Летом 1901 года Иохельсоны отправились в Верхне-Колымск, чтобы провести

*Дина Иохельсон-Бродская на фоне местной хижины, лето 1900 г.
Фотоархив № 337626. Американский музей естественной истории.*

дальнейшие исследования среди юкагигов. Там они пробыли до начала марта 1902 года, а в ноябре 1902 года, в конце концов, вернулись в Нью-Йорк. Будучи назначенным помощником Американского музея естественной истории, Иохельсон начал работу над собранными материалами. Однако его надежда на гарантированную занятость не оправдалась из-за конфликта между Боасом и Джесупом по поводу финансирования публикаций материалов, полученных в результате экспедиции. Таким образом, в начале 1904 года Иохельсон решил вернуться в Европу, не закончив свою работу над собранными материалами. Тем не менее, уже зародившаяся дружба между Боасом и Иохельсоном (и Богоразом), выдержала испытание. В ближайшие годы Боас смог обеспечить их участие на различных конгрессах американистов. Иохельсон и его жена какое-то время жили в Цюрихе, Лондоне и Берлине. Ему предложили должность младшего куратора в Музее антропологии и этнологии в Санкт-Петербурге. Это предложение он посчитал

оскорбительным, но в конечном итоге, согласился и переехал туда в 1907 году.

Тем временем, Иохельсон продолжал заниматься подготовкой публикации своей работы «Коряки», которая, в конце концов, появилась в 1908 году под печатью Американского музея естественной истории. Он предположил, что это повысит его репутацию, что приведет к дальнейшим научным исследованиям в России. И это подтвердилось. Планируя очередную экспедицию в северную часть Тихого океана, он получил предложение участвовать в качестве руководителя этнологического отдела Камчатской экспедиции Русского географического общества. Этот проект, также названный в честь своего спонсора, Федором Рябушинским, охватывает 1908-1911 годы. Иохельсона отправили в северную часть Тихого океана для проведения полевых работ в Камчатке. Также ему удалось внести в программу изучение Командорских островов и народов Алеутских островов.

С последующим возвращением в Санкт-Петербург

ЭРИХ КАСТЕН И МИХАЭЛЬ ДЮРР. СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БЕРЛИНА.

Иохельсон и его отряд спускаются вниз по реке Коркодон, осень 1901 г.

Фотоархив № 4194. Американский музей естественной истории.

бург Иохельсон снова оказался в неопределенных обстоятельствах. Пытаясь завершить свою работу над публикацией своей монографии «Юагиры», которую он все еще был обязан Боасу, он также стремился работать над своими новыми материалами из недавней экспедиции Рябушинского. Его ситуация ухудшилась после Октябрьской революции в 1917 году. Богораз и Лев Штернберг (1861-1927) получали должность профессоров на этнографическом факультете в недавно созданном Институте географии в Петрограде, но Иохельсон не нашел там постоянную работу, которая могла бы обеспечить ему комфортное проживание. В своих неудачных заявлениях другим подобным учреждениям, он отметил, что его задача заключалась в сохранении языков, а также таких народов, как юагиры, алеуты и ительмены, поскольку им угрожает ассимиляция. Намекая на высказывание большевиков, он добавил, что эти народы находились в неблагоприятном положении во времена царизма и нуждались в поддержке со стороны нового социалистического государства (Винтершладен 2016 г.: 100). Однако, после Кронштадтского восстания 1921 года политическая обстановка снова начала меняться, принесла с собой новые репрессии. Между тем, как и многие другие, Иохельсон столкнулся с растущей нищетой. Он ре-

шил снова покинуть Россию и вернуться в Соединенные Штаты. В 1922 году вместе со своей женой Диной он переехал в Нью-Йорк.

Однако даже в США им было трудно стать учеными со стабильным доходом. В основном, благодаря поддержке Боаса и заказным рабочим проектам, которые он организовывал для них, им удалось заработать на прожиточный минимум. Несмотря на трудности, Иохельсон смог опубликовать большую часть материалов, которые он собрал во время своих ранних экспедиций (Иохельсон 1925 г., 1926 г., 1933 г.), а также свою монографию, написанную по контракту с Американским музеем естественной истории под названием «Народы азиатской России» (1928 г.). Однако он так и не смог завершить публикацию своих материалов по языку и культуре ительменов, а также по языку алеутов, оба из которых были собраны во время экспедиции Рябушинского. Иохельсон умер 2 ноября 1937 года, оставив эту работу будущему поколению. Ительменские (Камчадалские) тексты, которые он собрал, были, в конечном итоге, отредактированы Дином Стоддардом Уортом (Уорт, ред., 1961 г.), а алеутские тексты - Кнудом Бергсландом (Бергсланд, ред., 1990 г.). Его рукопись по этнографии ительменов, живущих на западном побережье Камчатки, будет опубликована впервые в 2016 году в томе под редакцией Дэвида Коестера (Иохельсон, 2016b).

МОТИВЫ

Напрашивается вопрос: что могло послужить причиной того, что Иохельсон и Богораз вернулись по своей собственной воле в такие далекие и непростые места, куда они были изгнаны на протяжении многих лет? Они неоднократно жаловались на суровые условия жизни, путешествуя в тяжелых условиях и оставаясь с местными жителями (Иохельсон, 1899а, том 2: 228-229). Однако, на протяжении многих лет они оба, конечно же, испытали гостеприимство со стороны людей, за что они могли быть вполне признательны (Иохельсон, 1908 г.: 425 [447 в этом томе]). Тем не менее, в отчетах Иохельсона указывается, что он не стремился установить длительные связи с местными народами, с которыми он работал. Сбрав данные, предназначенные лишь для своих научных целей, он никогда не собирался снова посещать этот регион. Это отличается от сов-

ременной антропологии, когда геологи часто поддерживают длительные отношения с коренной общиной, в которой они работали. После завершения проекта, они зачастую хотят вернуться и поделиться законченными материалами с сообществом и местными жителями.

Мотивы Иохельсона и Богораза были, скорее всего, отчасти морально обоснованными, в их усилиях не допустить, чтобы эти народы «были забыты». И все же, их подход «спасательной антропологии», никоим образом, не направлен на поддержание языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения. Следовательно, Майкл Краусс «поражен, даже шокирован тем, что революционеры, первооткрыватели культурного релятивизма [Боас, Иохельсон и Богораз] так мало писали в своих статьях JNPE с целью заявить протест или даже выразить сожаление о тогдашнем весьма активном колониальном подавлении языков и культур» (2003 г.: 215).

Очевидно, для Богораза гуманитарный императив и забота о коренных народах еще не предусматривали их перевоспитание социалистических ценностей и образа мышления. Это считается лишь частью их задач и обязательств в 1920-ые годы и позднее. Создается впечатление, что он просто хотел поддержать их стремления к лучшей жизни, на пути которой царский режим до сих пор служит преградой (Винтершладен 2016 г.: 82). Сначала Иохельсон, очевидно, разделял этот подход. Вероятно, после встречи с Боасом, его приоритеты изменились. Перспективы научной карьеры стали для него все более реалистичными и заманчивыми. Благодаря своему участию в этой престижной экспедиции, вероятно, он понял, что у него будет возможность улучшить свою репутацию и собрать множество информации для последующих издательских проектов.

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В какой степени мотивы и основная научная цель Иохельсона проявляются в его методах полевых работ и в том, как он встретился и взаимодействовал с местным населением? К сожалению, в его работе «Коряки» эти вопросы мало обсуждаются. Согласно указаниям Боаса, эта монография была написана в научно-описательном стиле. Следовательно, текст почти лишен личных или эмоциональных приме-

чаний, касающихся его отношений с местными сотрудниками или информантами. В нескольких местах Иохельсон кратко упоминает «своего» казака, человека, который, похоже, помогал ему и его жене, при передвижении санным путем. Он иногда также упоминает своего переводчика Николаса Вилхина, «русифицированного коряка» из поселка Гижигинск. Иохельсон характеризует его как кого-то, кто «владеет местным диалектом русского и корякского языков равным образом [...], хотя ранее мне стоило больших усилий подготовить его к работе» (Иохельсон I: 15 [56]). Лишь однажды Иохельсон более подробно описывает то, каким образом они вместе работали: «Очень немногие женщины могли диктовать мне подряд два рассказа. Обычно, кончив одну сказку, они просили отпустить их, потому что устали. Делая записи, я вынужден был часто прерываться, так как видел, что переводчик мой уставал и не мог с должным вниманием следить за моими вопросами» (Иохельсон, 1908 г.: 426 [448]). Эта цитата также раскрывается иным образом. Этим самым предлагается редкий случай более глубокого представления о технике полевой работы и технике съемки Иохельсона, которые могут рассматриваться нами сомнительными согласно существующим нормам (Кастен 2016b).

Другим важнейшим аспектом является то, что тексты, по всей вероятности, были продиктованы не на корякском языке. Иохельсон не объясняет, были ли отдельные сказки и разъяснения рассказаны ему и Вилхину на корякском или на русском языке. Данный вопрос не может быть решен, потому что тексты известны только благодаря опубликованным английским переводам (Иохельсон 1908 г.: 125-340 [167-357]), и, вероятнее всего, первоначальных полевых заметок не существует. Более того, Иохельсон полностью опирался на лингвистические знания Богораза, поскольку «он пересмотрел и исправил транскрипции всех корякских имен, слов, заклинаний и других корякских фраз, содержащихся в этой книге». (Иохельсон 1908 г.: 15 [56]) Богораз объясняет подобное разделение труда в своем издании «Корякские тексты»: «Я изучил их язык, так как мои практические знания и предыдущие исследования чукотского языка позволили мне без труда получить представление о коряках, которые очень похожи на чукчей» (Богораз 1917 г.: 1). Богораз также отмечает роль Вилхина в процессе сбора данных (Богораз

1917 г.: 4). Хотя это распределение работы позволило собирать довольно надежные лингвистические данные из книги «Коряки», несмотря на их единственную непродолжительную полевую поездку, можно задаться вопросом было ли, в некоторой степени, представление Богораза о коряках основано на чукчей: «Строгие и последовательные правила произношения в чукотском языке довольно слабые на всех корякских диалектах» (Богораз 1917 г.: 4). Английские переводы работы «Корякские тексты», позже отредактированной Богоразом (1917 г.) и до сих пор неопубликованные ительменские (камчадалские) тексты, записанные Богоразом, впервые опубликованы в трудах Иохельсона (1908 г.) и составляют более чем 25 % всего текста (1908 г.: 284–297, 309–340 [309–321, 331–357]).

Помимо метода получения продиктованных текстов, впервые в этом регионе Иохельсон применил новую революционную технику записи с помощью фонографа или восковых валиков. С неким интересом он описывает реакцию ораторов или певцов на это неизвестное устройство, которое, в основном, использовалось для записи заклинаний шамана или исцеляющих песен: «Наш фонограф производит самое яркое впечатление, куда бы мы ни пошли. Обычно сотня человек толпилась в доме, где мы ставили наш фонограф, и собиралась вокруг него» (Иохельсон 1908 г.: 426f. [448]), а после того, как он съел пару грибов, он [оленный коряк] начал петь громким голосом, жестикулируя руками. Мне пришлось поддерживать его, чтобы он не упал на аппарат, а когда валик закончил записывать, мне приходилось оторвать его от рупора, к которому он оставался наклоненным долгое время, продолжая петь (Иохельсон 1908 г.: 583 [609]).

Визуальная этнографическая документация экспедиции также была изменена и усовершенствована благодаря новой внедренной технологии фотографии. На протяжении ранних отчетов и в XIX

Обычно они устанавливают две палатки в поле. Одна служила в качестве жилья и места для записывания текстов, другая - в качестве переносного жилья и темной комнаты.

Фотоархив № 4148. Американский музей естественной истории.

веке нам все равно придется полагаться на набросанные вручную или нарисованные иллюстрации. Некоторые из этих изображений были созданы художниками, которые, на самом деле, никогда не видели конкретный пейзаж или предмет в жизни, что неизбежно привело к искажению (Иохельсон 1908 г.: 13ff. [54f.]). Другие, например, акварели Фридриха Генриха фон Киттлица (2011 г.) из своего путешествия по Камчатке в 1828 году, выглядели почти так же естественно и точно, как и поздние фотографии. Во время экспедиции Дина Иохельсон-Бродская несла ответственность за фотографии, которые, в основном, были сделаны в целях документирования «физических типов» (Миллер и Мате 1997 г.: 19). Следовательно, большая часть фотографий - это портреты людей. Тем не менее, имеется много кадров из повседневной и обрядовой жизни, а также видов на окрестности. Однако не следует переоценивать документальную достоверность или точность таблиц и рисунков в отредактированном томе. Некоторые оригинальные фотографии были изменены

Рисунки коряков, иллюстрирующие мифологические представления, 1901 г.

Фотоархив № 1585. Американский музей естественной истории.

(ср. Рис. 1, 28 и 57 в данном томе).

до публикации в целях увеличения их стоимости в качестве пояснительных реконструкций: «В таблице ххix, рис. 1 изображены два коряка в доспехах с изогнутыми луками. Таблица — это копия фотографии, сделанной мной, за исключением того, что художник, господин Рудольф Кронау, под моим руководством нарисовал недостающее крыло на доспехе (Иохельсон 1908 г. 563 [588]). Когда проводились антропологические замеры, в основном, Диной Бродской-Иохельсон, пара столкнулась с трудностями и частыми отказами со стороны тех, кого исследовали таким способом. Они боялись, что «умрут, если позволят измерять себя» (Иохельсон 1908 г. 49 [86]). С помощью корякского старейшины, Иохельсон использовал хорошо известные уловки из методов Боаса в подобных случаях (Коул 1985 г.: 107). «Он [старейшина] полусуто-полусерьезно сказал корякам, что их головы и тела измеряются для того, чтобы они потом получили шапки, ботинки и пальто, которые должен был отправить им царь в следующем году. Однако он сам долго не разрешал мне взять его замеры» (Иохельсон 1908 г.: 409 [426]). К сожалению, Иохельсон не стал дальше выяснять о том, что счи-

таются ли такие замеры тела вмешательством в личную жизнь человека. Возможно, сопротивление было вызвано недавней кампанией против иностранцев. Могло возникнуть опасение, что такая неизвестная практика вызовет эпидемию, как это произошло несколько лет назад, после визита другого исследователя, Н. В. Слунина. Во всяком случае, жители полуострова Тайгонос впоследствии прозвали Иохельсона главным по меркам лиц. Паренцы (жители селения Парень) были явно впечатлены его

способностью записывать рассказы, поэтому они называли его «главным по записыванию сказок».

Существует еще один аспект этно-исторического подхода Иохельсона, который применялся в более поздних разделах его работы (1908 г.: 761-811 [787-837]), а именно: обсуждение архивных материалов архива района Гижиги. Это было сделано для того, чтобы дополнить свою информацию ранее опубликованными источниками. Кроме того, чтобы способствовать лучшему пониманию демографической и экономической ситуации в прошлом, эти материалы позволили Иохельсону продемонстрировать российское влияние на корякские пиктографические записи и коммерческие заметки: «Позже в архивах туземцев Колымы я нашел квитанции российских чиновников XVIII и начала XIX веков. Квитанции свидетельствовали о выплате меховой дани местными начальниками, а количество меховых шкур или рублевых монет, полученных в качестве налога, было написано русскими буквами, а также с помощью системы, используемой Qaṣilqut, очевидно, в интересах неграмотных туземцев» (Иохельсон 1908 г.: 727 [754]).

Иохельсон (и Богораз) также использовали другой новаторский жанр этнографического документального фильма. Очевидно, следуя инструкциям Боаса и основываясь на своих собственных опытах

во время его самых ранних полевых работ на Баффиновой Земле в 1883 году (Мюллер-Вилле 2014 г.: 111-117), Иохельсон предложил коренным жителям самим сделать рисунки (1908 г.: 723ff. [750ff.]), хотя раньше он уже собирал их иллюстрации (1899с). Это соответствует общему намерению и цели позволить им описать события и представления без какой-либо цензуры, с их собственной точки зрения (см. фото сверху). Таким образом, Иохельсон отмечает, что «сборники рисунков были выполнены карандашом на листе бумаги [...], который нарисовал по моей просьбе без каких-либо инструкций или объяснений с моей стороны» (1908 г.: 724 [751]). Этот же метод часто используется в этнографических исследованиях в настоящее время. Иногда это имеет дополнительной целью показать и подчеркнуть участие общин в сборе данных и создании учебных пособий (Кастен 1998 г., 2015а).

Иохельсон и Богораз собрали сотни традиционных сказок с Дальнего Востока России и сравнили их с теми, которые были собраны Боасом и другими в Северной Америке (Иохельсон 1904 г., 1906 г., 1908 г., Богораз 1902 г., 1910 г., 1917 г. и 1928 г.). Это представляет собой важную цель и достижение Джесуповской экспедиции и тех, кто внимательно следил за практикой самого Боаса. Он опубликовал аналогичную работу над народами северо-западного побережья Тихого океана, целью которой является реконструкция миграций и восстановление культурных связей в плане займа средств и изменения мифологических элементов (Боас 1895 г.: 329-363; Дюрр 1992 г.: 392-394). Иохельсон подвел итоги данного сравнительного исследования: «В завершение моего обзора корякского фольклора я считаю необходимым отметить, что корякский фольклор и фольклор коренного населения Северной Америки являются идентичными» (Иохельсон 1908 г.: 362 [380]).

Иохельсон также обращается к текстам как к источнику для восстановления ранних стадий рассматриваемых культур, например: «Одна сказка [...] указывает на их прежнее владение подземными мирами» (1908 г.: 465 [487]). В другом случае он рассуждает о более ранней стадии, когда коряки использовали ездовых собак, ссылаясь на мифологию: «Исходя из мифологии коряков, можно сделать вывод, что создатель корякского мира придумал ездовые собаки». (1908 г.: 502, прим. [526f.]). И в своих рассуждениях по поводу оленеводства он

отметил: «В мифах не содержатся реальные данные о происхождении оленеводства» (1908 г.: 474 [499]). Этот подход относится к боасовским методам. Однако, сам Боас, (Боас 1916 г., 1935 г.), в основном, воздерживался от размышлений о прошлом. Обычно он ограничивался поисками либо отражений, либо противоречий культурным обычаям, которые были задокументированы в другом месте. В этом контексте стоит отметить, что Иохельсон не только предполагал, что мифы можно рассматривать как сохранение более старых культурных обычаев, а также он склонен рассуждать о ранних стадиях культуры, исходя из предположения, что определенные артефакты такие, как погребальные костюмы материализуются на этих более поздних стадиях: «У погребального костюма женщин нет головного убора – факт, который говорит о том, что в прежние времена корякские женщины не носили шапки» (1908 г.: 597 [624]).

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Что касается рассмотрения конкретных этнографических вопросов, то выводы Иохельсона обычно основываются на кардинальном и тщательном сравнительном анализе имевшихся в то время научных источников. Наглядным тому примером является происхождение оленеводства.

(Иохельсон 1908 г.: 469–501 [493–526]) Он стремится связать эти данные со своими собственными наблюдениями и оценками. В своих рекомендациях по возможному развитию более устойчивой корякской экономики, Иохельсон явно не разделяет определенные цели проекта, поставленные Боасом, и применяет прикладные подходы, характерные немецко-балтийским этнографическим исследованиям середины XIX века на Камчатке. Поэтому он задает вопрос: «Будет ли и у русских возможность повысить уровень цивилизованности туземцев?». С этой целью Иохельсон верит в успех практического школьного образования, которое уделяет особое внимание повышению эффективности традиционных отраслей экономики коренных народов, и поэтому «их дальнейшее развитие можно было бы предоставить им самим» (1908 г.: 806 [832]). Здесь Иохельсон предугадывает дальнейшие события в самоуправлении коренного населения, которые

произошли, по крайней мере, в некоторых регионах Северной Америки. Свою тревогу он подчеркивает резкой критикой колониальной политики Российской империи, которая «держит отдаленные северо-восточные колонии исключительно ради славы владеть территорией», (1908 г.: 804 [830]) или как «символ, льстивший мелочной национальной гордости, но [...] выплачиваемый дорогостоящей администрацией, не приносящих прибыли колоний» (1908 г.: 802 [828]). В то же время, Иохельсон прямо сообщает о том, с какой жестокостью эта политика осуществлялась. На сегодня государственные власти Камчатки празднуют это событие как день аннексии (присоединения) дальневосточных земель к российскому государству.

С другой стороны, Иохельсон очевидно подтверждает утверждение старшего пастуха, который верит в «источник власти в российском государстве, а не в обычаи своего народа» (1908 г.: 769 [794]). Обсуждая потенциальные перспективы дальнейшего экономического развития, он приходит к заключению, что «примитивное состояние материальной жизни коряков, на которое почти не оказывалось никакое внешнее воздействие, определяет примитивное состояние их духовной культуры» (1908 г.: 405 [423]). Этот взгляд явно отличается от того, что мы знаем, например, от более ранних работ Георга Вильгельма Штеллера. Причиной этого может быть то, что Иохельсон уже больше смотрел на культуру коренных народов с точки зрения современной антропологической науки. Напротив, Штеллер получил полное представление и проникнулся глубоким уважением к традиционным знаниям об окружающей среде благодаря своей роли участвующего наблюдателя. Именно этот подход он использовал в значительной мере уже в середине XVIII века (Кастен, 2013 г.: 249-251). В отличие от Штеллера, похоже, Иохельсон был менее заинтересован в документировании фактических трудовых процессов, касающихся традиционного природопользования или изготовления предметов. С точки зрения коллекционера этнографических образцов – это была одна из его главных задач – он рассмотрел и описал предметы в первую очередь в соответствии с их материальными свойствами и практическими функциями. Поскольку он, как правило, игнориро-

вал более полные представления и мотивации, лежащие в основе таких производственных процессов, Иохельсон часто смог охватить важные эмоциональные и социальные значения этой деятельности (Кастен 2016b). Напротив, современные антропологи уделяют большое внимание содержательным разъяснениям и осмыслениям самих художников во время работы над своими артефактами (Кастен 2005b; 2012 г.).

Для Иохельсона причина, по которой коряки изготавливают (в основном, резные) объекты искусства, заключается во «взаимодействии двух психологических факторов - религиозном и эстетическом» (1908 г.: 668 [698]). Он правильно отмечает, что не просто убедиться в том, что был ли изготовлен артефакт исключительно из простого желания симитировать природу или с целью использовать его при обрядах. Касательно расположения рисунков в орнаментах, которые использовались в шитье и аппликации на одежде, Иохельсону удается определять принципы симметрии (1908 г.: 689, 714–723 [718, 741–750], см. также Кастена 2014 г.: 102–105). Он различает и исследует разные возможные варианты происхождения геометрических орнаментов, а также флоральных мотивов, которые отражают природные образы (1908 г.: 684–688 [714–717], см. также Кастена 2014 г.: 105–108). Что касается значения орнаментов, то Иохельсон выражал разочарование от ответов швей. Почти 100 лет спустя современные исследователи получали подобные ответы (Кастен 2014 г.: 108f.). «Как правило, - отмечает он, - орнамент не имеет особого значения. Даже информацию о зигзаге (который представляет собой горы) я получил только после настойчивых расспросов, которые, возможно, подтолкнули к ответу (Иохельсон 1908 г.: 685 [715], см. также Кастена 2014 г.: 109). В большинстве случаев, орнаментальные рисунки были заимствованы у других народов «только из-за красоты», но без смысла, поскольку у них была связь с иностранными культурными или семейными традициями. Однако значение такого дизайна по-прежнему сохраняется среди эвенов. Возможно, он будет передан следующему поколению вместе с историей, которая отражает самобытность конкретной семьи (Кастен 2016а: 7).

Очевидно, что Иохельсон уделял мало внимания таким исполнительским видам искусства, как

танец и музыка. Похоже, он считал себя обязанным сфокусироваться на те предметы искусства, которые интересовали его лишь как экспонаты для коллекции музея. Поэтому танцам, которые имитируют движения и звуки животных, он посвящает лишь небольшой абзац, хотя это показывает нам необычайно богатую традицию, особенно традицию береговых коряков. То же самое касается и семейных песен. Даже сегодня они являются не менее важным жанром для коряков, в том числе для того, чтобы выражать индивидуальную, родовую или локальную идентичность (особенно во время праздников) или просто спонтанно спеть в повседневной деятельности (Кастен 2004 г.: 16-20). Что касается песен, то Иохельсон ограничивается в своих записях и описаниях, прежде всего, заклинаниями, которые используют в шаманских камланиях. Иохельсон описывал несколько таких камланий весьма подробно, хотя он явно был разочарован тем, что только два профессиональных шамана, которых он встретил, согласились ему показать. На самом деле, он ожидал увидеть мошеников. В одной из камланий ему пришлось заплатить соответствующую сумму перед началом сеанса. В другом случае, шаман ушел до рассвета, не дождавись встречи с Иохельсоном (как договаривались), чтобы помочь ему расшифровать текст с заклинаниями (1908 г.: 50 [87]). Возможная причина, по которой Иохельсон не смог получить более подробную информацию о шаманских практиках, может заключаться в некорректном способе изложения своей просьбы. Однажды он попросил шамана «показать [ему] свои шаманские способности» (1908 г.: 49 [84]).

Иохельсон проявлял особый интерес к заклинаниям, которые являются важной частью проведения ритуального лечения шаманами. Это секретное знание передается из поколения в поколение в рамках семьи, а также как признался Иохельсон, ему было трудно его записывать, поскольку «продавать заклинание иностранцу» считается у них грехом (1908 г.: 60 [98]). В ходе обсуждения традиционных практик ритуального лечения, коряки более свободно и добровольно делятся этой тайной с современными исследователями. Они больше не считают ее сакральной как раньше, а скорее воспоминанием о культурном прошлом.

Иохельсон подробно описывает праздники примирения с природой, которые он наблюдал во время его длительного пребывания в корякском прибрежном поселении Кюэль. На праздниках проводились обряды жертвоприношения, которые заключались в том, чтобы повлиять на ход событий. Он зафиксировал праздник кита, который, скорее всего, проводился подобным образом и на основе похожих представлений на других корякских деревнях на северо-западном побережье Камчатки. Вероятно, такая же картина наблюдается и среди аlyторцев на тихоокеанском побережье, этот народ он не смог посетить ввиду нехватки времени. Относительно праздников у оленных коряков, Иохельсон признает, что ему приходилось обращаться к другим за информацией. Однако, удивительно, что он не принимал участие и не задокументировал процесс важнейших ритуалов, которые совершаются в связи с рождением оленей поздней весной, хотя, на самом деле, он задерживался в лагере оленеводов именно в это время. Иохельсону сообщили, что под влиянием чукчей, коряки уже проводили этот праздник под чукотским названием «Кильвей». Однако оленеводы из полуострова Тайгонос утверждали, что ни настоящие корякские, ни заимствованные у чукчей ритуалы никогда не проводились у них в этот важный момент в цикле природы.

Праздники береговых и оленных коряков (Ололо и Кильвей) проводятся и по сей день. Даже сейчас они содержат еще много своих первоначальных значений, которые обеспечивают связь с природой. Кроме того, они также могут включать новые элементы, как прославление местной и этнической самобытности (Кастен 2005c; 2015b; Платтет 2005 г.).

Из нескольких мест его дневниковой записи можно понять, что иногда Иохельсон больше доверял тому, что ему рассказывали, а не тому, что он лично наблюдал во время участия в деятельности. Относительно корякского каяка (*māto* или *matev*) Иохельсон отмечает: «Сидя в каяке, охотник может вытянуть ноги под палубой» (1908 г.: 540 [566]). Хотя Иохельсон подробно описывает строение этого конкретного вида лодки, очевидно, он никогда не видел, когда его применяли на практике. Небольшая высота каяка не позволяет вытянуть ноги внутри него, только если сесть на

коленях. Из наблюдений, очевидно, что в 2003 году на улице Лесная зафиксирована последняя кожаная лодка такого типа, которой все еще пользовались (Кастен и Дюрр 2005 г.).

Как упоминалось выше, Иохельсон всегда критиковал колониальную политику России. Однако, удивительно, как редко он упоминал пренебрежительное отношение россиян к коренным народам, тогда как этот вопрос играл большую роль в докладах. Маловероятно, что отношения между россиянами и коренными народами сильно отличались от того, что нам известно из других частей Камчатки. Вероятно, мнение Иохельсона было предвзятым, так как он по-прежнему надеялся на потенциальное положительное влияние российской империи на коряков: «Если страна не может быть населена россиянами, возникает вопрос, будет ли в каких-то условиях у них возможность повысить уровень цивилизованности местных жителей? (Иохельсон 1908 г.: 805 [831]). Понятно, что в более позднем случае во время XXXII Международного конгресса американистов в 1928 году он подчеркнул непрерывность репрессий в отношении коренных народов в этой области. Он отметил, что это длилось с первого завоевания Россией вплоть до советских времен. Это проявляется, среди прочего, в восстании ительменов в 1730-х гг. Однако, Иохельсон использовал этот аргумент против похвалы Богораза советской политике в отношении коренных народов, которую он выражал в том же конгрессе.

Помимо этого, Иохельсон не выявил никакие признаки социального неравенства или классового общества в корякских сообществах. Однако лишь три десятилетия спустя, эти предполагаемые черты служили сталинским обоснованием для стигматизации «кулаков», зажиточных оленеводов, а в последующем, их выселения и/или ликвидации. Напротив, Иохельсон рисует четкую и подробную картину устойчивых, сбалансированных и имущественных отношений среди корякских оленеводов (1908 г.: 747, 765f. [773f., 790f.]). Согласно береговым корякам, он даже утверждает воспринимать «остатки общественных идей». Это несмотря на тот факт, что (как рассказано в сказках, записанных впоследствии в этом регионе), очевидно, что при заключении браков, стратегии, направленные на формирование ди-

настий богатых оленеводов также сыграли определенную роль. При исследовании корякской(их) «идеи(й) этнического единства (Иохельсон 1908 г.: 762 [788]), очевидно знал о различных уровнях идентичности». Они, по его мнению, выражались в оберегах и талисманах, которые принадлежали каждой семье, отдельному человеку, и в нескольких случаях всей деревне» (Иохельсон 1908 г.: 33 [71]). В настоящее время похожие «множественные идентичности» часто рассматриваются как основа гибких, ситуационных стратегий в социальных дискурсах. (Кастен 2005а: 247).

Чтобы отдать должное Иохельсону за огромный вклад в антропологию Сибири и за долгие годы работы, следует учитывать мысли и конкретные цели Франца Боаса, которые лежат в основе первоначальной концепции Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Только тогда мы можем определить, в какой степени Иохельсон следовал рекомендациям. Можно задать вопрос, насколько хорошо он выполнил это задание? И в каком месте он мог внести свои новые научно-исследовательские подходы? Некоторые из них могут основываться на его ранних опытах, накопленных в ходе Сибиряковской экспедиции, или обусловлены необычайно разнообразными историями его молодости.

При сравнении ранних этнографических публикаций Иохельсона на немецком языке с его поздними публикациями на английском, можно заметить несколько очевидных изменений в направлениях. В Швейцарии Иохельсон представил ряд статей «In Polargegenden», который регулярно появлялся на страницах популярного немецкого журнала «Mutter Erde» («Мать Земля») (Иохельсон 1899а). Это напоминает о том, что сам Боас должен был написать статьи по заказу для газеты «Berliner Tageblatt» («Берлинер Тагеблатт»), чтобы профинансировать поездку, которая приводит к его первым полевым исследованиям на Баффиновой Земле (Кастен 1992 г.: 11). Учитывая лишь незначительные изменения, Иохельсон использовал текст из некоторых статей, опубликованных на журнале «Mutter Erde» («Мать Земля»), чтобы выступить с двумя речами на ассамблее Бернского географического общества 6 декабря 1898 г. и 22 июня 1899 г.; позже обе речи были опубликованы в Годовом отчете общества (Иохельсон 1899b, c).

Все они легко читаются, словно рассказы о путешествиях, и в них содержится информация личного и эмоционального характера, очевидно, которую читатели ожидали в то время.

В ней содержится подробный отчет и описание суровых условий жизни на крайнем севере. Также она весьма подробно дает поучительную картину о межэтнических отношениях, которые существовали в этом регионе. Для новой версии годового отчета он добавил этнографическую карту и новую главу, посвященную юкагирскому языку, хотя личные рассказы и несколько фотографий местных жителей не были включены в журнал «Mutter Erde» («Мать Земля»). Лишь в дополнительной главе в своих поздних работах Иохельсон (1899 г.) уже придерживается научного стиля. Поскольку Иохельсон оказался под влиянием мыслей Франца Боаса, эта тенденция сохранилась и усиливалась в его последующих публикациях.

Идеи Боаса явно повлияли на мышление и подход Иохельсона, особенно после того, как они вступили в дружескую переписку в 1898 году во время разработки программы для проекта Джесупа. По словам Боаса, «особый интерес, который придает этому региону, основан на том факте, что здесь столкнулся Старый и Новый Свет. Географические условия способствуют миграции вдоль побережья и культурному обмену. Происходили ли такие миграции и такие культурные обмены?» (Боас 1900 г.: 4). Боас не считает, что только обмен или заимствование культурных элементов изменили культуру. В то же время он понимал, что «приобретение [значительной части культуры каждого племени] становится только настоящей частью культуры, если оно сливается с представлениями коренных народов в единое целое [...], то иностранный элемент в культуре становится родной, будучи пронизан духом или стилем родной культуры» (Боас 2001 г.: 19).

Очевидно, что монография Иохельсона о коряках появилась на свет и в значительной мере была сформирована и под личным руководством Боаса, и благодаря сильному влиянию новой дисциплины - культурной антропологии. Благодаря Иохельсону и Богоразу, последние работы оказали огромное влияние на советскую историческую этнографию. Тем не менее, похоже, что русские участники экспедиции вместе со Львом Штерн-

бергом, третьим формирующим участником русской «этнотройки» того времени, все еще находились под сильным влиянием эволюционизма Моргана. Это распределило культуры по степени сложности, а не по сходству (Згаста 2015 г.: 20), которое также стало частью их наследия для советской этнографии.

Несмотря на большую ценность полученных этнографических данных, проект Джесупа не достиг своей цели - обнаружить исторические связи (Згаста 2015 г.: 359). Выводы, полученные в результате проекта, в конечном итоге, должны делаться исходя из более вероятного двунаправленного течения между северо-восточной Азией и Северной Америкой, так называемого «Тихоокеанского культурного направления» (де Лагуна 1947 г.). Вместе с антропометрическими данными, сравнительный анализ мифов считался решающим значением для установления возможных исторических связей и распространения культурных особенностей. Результаты показали взаимосвязь народов по обе стороны северной части Тихого океана, но они не позволили сделать окончательные выводы о том, какого вида и направления миграция. Совсем недавно этот тип аргументации, основанный на физических антропологических данных, но также и на мифах, вызвал новый научный интерес в рамках статистических компьютерных моделей, которые позволяют проводить массовые сравнения (d'Нуу 2013 г., 2015 г.).

Вслед за работой Иохельсона и другими публикациями, связанными с проектом Джесупа, остается один главный вопрос: связаны ли очевидные культурные сходства вдоль северной части Тихого океана в силу исторических факторов, с миграциями? Или они также - и в какой степени - являются результатом адаптации к подобным природным условиям? Что касается последней возможности, то, Георг Вильгельм Штеллер, похоже, уже знал об этом (2013 г.: 225). Прежде всего, он был явно впечатлен изобретательностью коренных жителей. В связи с глубоким уважением и огромным восхищением к их уникальным традиционным знаниям - в некоторых случаях он считал, что он находится наравне с уровнем современной западной цивилизации - он ожидал, что 150 лет назад, многое из этого должно было стать основанием культурного релятивизма Франца Боаса. В отличие от Штел-

лера и других ученых, которые путешествовали по Камчатке в XIX веке, а также к собственным ранним сообщениям Иохельсона о Сибиряковской экспедиции, новый академический подход, адаптированный проектом Джесупа, явно привел к сужению преобладающих научных понятий. Некоторые более ранние подходы были значительно шире и, опять же, получили большее внимание на сегодняшний день. В отличие от описаний Иохельсона в настоящем томе «Коряки», они часто даже обнимались и внимательно наблюдали за такими вещами, как рабочие процессы, используемые при создании этнографических предметов. То же самое можно сказать о конкретных действиях традиционного природопользования, таких как охота, рыболовство и сбор. В настоящее время они также исследуются и интерпретируются в их всеобъемлющем и важном социальном измерении, например, в выражении чувств и культурной самобытности.

Однако, как и многие другие результаты проекта Джесупа, особая ценность монографии Иохельсона о коряках заключается, в значении, который он дает изучению собственной интерпретации своих традиций. Для Боаса «казалось крайне важным документировать антропологический мате-

риал через рассказы о коренных народах без цензуры, своими словами и на их собственном языке, чтобы сохранить первоначальный смысл» (Боас, 2001 г. : 19). Это привело к большому количеству информации, которые Франц Боас и его сотрудники собрали на северной части Тихого океана. Вместе с дополнительными текстами, которые были записаны с тех пор по аналогичным темам в регионе, участники из Северной Азии предоставляют действительно богатую базу данных для текущего и будущего анализа важной культурной динамики внутри и между народами Дальнего Востока России. Разумеется, данные Иохельсона о юагирах и их анализ можно считать особенно полными и точными. В частности, его многочисленные визиты в этот регион, очевидно, дали положительные результаты. Для сравнения, учитывая относительно за короткий промежуток времени, проведенный там, удивительно, что он и его жена смогли закончить вовремя свои работы с коряками. И последнее, но не менее важное: мы можем оценить то, что монография Иохельсона «Коряки» вдохновляет современных художников-коряков, которые извлекают концептуальные идеи для своей работы из иллюстраций объектов в этом томе (Кастен, 2005b: 85).

